

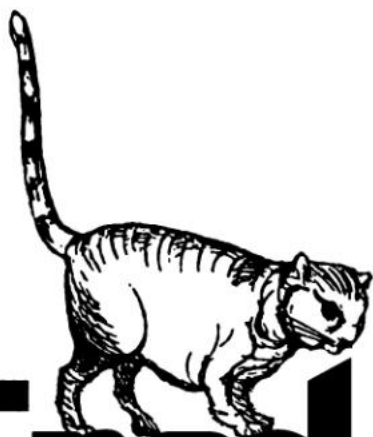

ЭТИ МИСТИЧЕСКИЕ КОШКИ

Сюред Теттингс

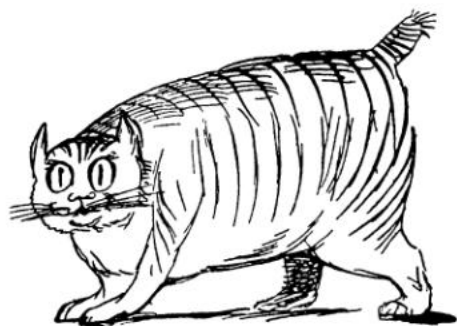
ЭТИ МИСТИЧЕСКИЕ КОШКИ

Fred Gettings

*THE SECRET LORE
OF THE CAT*

ФРЕД ГЕТТИНГС

ЭТИ

МИСТИЧЕСКИЕ

КОШКИ

Перевод с английского А. Осипова

Москва, 2013

УДК 7.042.1:[398.4:636.8](4)
ББК 85.1(4) + 63.3(4)-7 + 87.815
Г 44

Геттингс, Фред

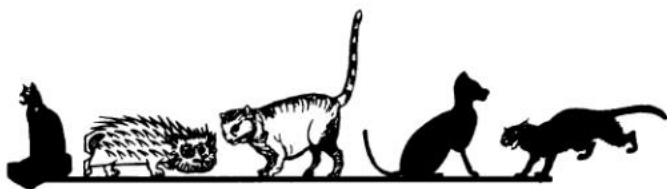
Г 44 Эти мистические кошки / Фред Геттингс; пер. с англ. А. Осипова. — М.:
Энигма, 2013. — 232 с. — Доп. тит. л. англ.

ISBN 978-5-94698-099-9

Фред Геттингс, известный искусствовед, автор ряда книг, в том числе «Марсельское Таро: книга универсальных символов», рассказывает об истории образа кошки в европейской культуре, представлениях и суевериях — от древнеегипетского культа богини Баст до средневековой веры в ведьм с их демоническими семьями. Особое внимание автор уделяет кошке в изобразительном искусстве позднего Средневековья и Ренессанса. Вместе с тем данная книга — не академический труд историка или искусствоведа, а книга одаренного богатой фантазией энтузиаста, восхищающегося кошкой в обеих ее ипостасях, — небесной и адской.

Эта книга будет интересна широкому кругу читателей: она откроет много нового читателям об их любимцах, сделает понятной символику многих произведений европейского изобразительного искусства.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может
быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без
письменного разрешения владельцев авторских прав

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ

Стр. 7

Кошка как символ ночи; анх и богиня Венера; герметическое знание; волшебная кошка.

ВВЕДЕНИЕ

Стр. 16

Девиз Агриппы и смерть Будды; кошка, которая цуляет сама по себе; имена и индивидуальность кошек; коллективная душа; некоторые басни Эзопа; исчезающий кот Меннела; звездная кошка и кошка падшая; кошка Калевала — посланник непознанной тьмы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Вечная кошка

Глава 1. Магический глаз

Стр. 31

Зрение кошки и Луна; Йейтс и его Минналуш; Рука Славы; египетский иероглиф «ру»; символизм ока Цаджет; богини Сехмет и Бастет; камень «кошачий глаз»; Мом и Джерри; лунная сила.

Глава 2. Магическое имя

Стр. 44

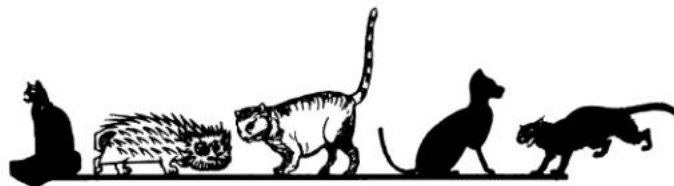
От «киски» к «кошке»; Кот в сапогах или Chat Botté; Трималкин; «проклятые шлюхи» Реджинальда Скоффа; Арчи и Мехитабель; кошачьи камни и кошачья колыбелька; Маху и Мау; коты и галки; манские котята; кошки-рыболовы и леопардовые кошки; ягуары и тигры; Палласов кот; кот-скрипач; кошка в геральдике.

Глава 3. Священная кошка в литературе

Стр. 61

«Кошка из хлева»; кошка-оракул; Иудины львы; тайны пирамидной кошки; день Оррейи; Книга из Келса и Монастырский крест; Ирцукан, кошачий царь; отлученный кот преподобного Хокера; знак тамплиеров; Петр Нахарь; портрет Черного принца; кот де Оппекура; магистрат Джорджа Цизера; Дик Циттиниктон; Сова и Кот; и снова Кот в сапогах; Чеширский Кот и палатинское графство; нарнийский рыжий кот; еще одна басня Эзопа.

Содержание

Глава 4. Сверхъестественная кошка

Стр. 92

Человек и кошка; эфирная кошка; антропоморфизм; дарвинизм и духовная эволюция; Тигр Свами и внутренняя кошка; целительные силы кошки; кошки призراتные и духовные; фотографии духов; демонические кошки; предупреждения об опасности и предсказания смерти; изгнание демонической кошки; приручение тигра.

Глава 5. Символизм кошки в изобразительном искусстве

Стр. 124

Кошка как архетип; лунная сфера; гистилище; созвездие Паламда; китайский зодиах; образ льва в алхимии; Дурак и Грохуцник; Маро Кайкендани; кошки Иеронима Босха; демоническая музыка; сокрытое сокровище или неузнанный дьявол; безмолвные спектакли Хогарта; кошка-проститутка; кошка среди голубей; кошки Анри Руссо.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Агская кошка

Глава 6. Демоническая кошка

Стр. 175

Антикошачья лига и папа Григорий IX; кошачий дьявол; Таборит, Гралаурос и Базль; кошка святого Петра; иккубы; сожжение кошек; Такс Бальдуни Триен; кошки-демонки Японии, Южной Америки и Шотландских Гебридов.

Глава 7. Спутница ведьм

Стр. 194

И снова падшая кошка; ведьмовские фамильяры; корабельные кошки и порт-бервикский процесс; «Капригос» Тойи; леги Сивилла и прочие ведьмы; знаменитый Джеффри Кристофера Смита; процессы Йоркского замка; дикие кошки; языческие ритуалы; «Адам и Ева» Дюрера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Магия девяти

Девять богов и богинь и мистическое «трижды три».

Стр. 222

Список литературы

Стр. 226

Предисловие

Я — кот котов. О да,
Я — вечный кот!
Хитер, и стар, и гладок, как вода,
Тот вечный кот!
И гадам в темноте пощады нет:
Я — вечный кот!
Чтоб видеть, мне не нужен свет:
Я — вечный кот!

Уильям Брайти Рэндс¹

**Кошка как символ ночи;
анх и богиня Венера;
герметическое знание;
волшебная кошка.**

«В

ечному коту не нужен свет», — распевает Уильям Рэндс в самом прелестном своем стихотворении. Кошка рыщет в темноте, потому что она — существо оккультное и ей комфортней в отраженном свете Луны, чем в ослепительном блеске солнечных лучей. Солнце в небесах слишком постоянно для вечного кота, ибо его удивительные зрачки специально устроены так, чтобы превращаться из узких щелочек в круглые диски, словно в подражание малому светилу. Кошка — живой символ ночи, лунной тьмы и лунных фаз.

Если Солнце стало символом сознания и всего, что можно видеть в сотворенном мире, то Луна — символ бессознательного. Идеальная кошка сидит и медитирует над глубоким колодцем тайной мудрости, который скрыт в каждой человеческой душе. Она назначила себя хранительницей этого родника внутреннего знания. На заре истории рода человеческого ей поклонялись как божеству.

Луна — не только символ тайной мудрости, но и символ перемен: в ежемесячном своем обращении вокруг Земли она то прибывает, то убывает, являя взору четыре фазы, которые мы называем молодым месяцем, горбатой луной², полной луной и старым месяцем.

¹ Уильям Брайти Рэндс (1823—1882) — детский писатель викторианской эпохи, а также поэт, историк, журналист и издатель. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² Горбатая луна (англ. *gibbous moon*) — луна между второй четвертью и полнолунием.

Ил. 1. Улыбка в форме полумесяца, принадлежащая бестелесному Чеширскому Коту. Иллюстрация Джона Тенниела к «Алисе в Стране Чудес» Льюиса Кэрролла: карты обсуждают, как отрубить голову Чеширскому Коту, если у него нет тела

На короткое время в каждом месяце луна становится похожа на улыбку Чеширского Кота из сказки Льюиса Кэрролла (см. ил. 1): видна только улыбка, сам кот — незрим для человеческих глаз. Неудивительно, что обожествленный вечный кот вобрал в себя самую суть изменчивой лунной природы. На всем протяжении истории кошка остается олицетворением перемен, и толкование этого образа в литературе и искусстве колеблется между двумя крайностями: кошка — то посланница низших адских сил (ил. 2), то символ девственности (ил. 9). Она воплощает в себе одновременно и вечную чистоту, и все преходящее и мимолетное. И при этом никогда, никогда, — как это прекрасно понимал в своем безумии Рэндс, — кошка не ассоциировалась с чистым солнечным сиянием.

Ил. 2. Офорт Гойи «Ensayos» («Испытания»). В большинстве своих работ, посвященных теме колдовства и демонологии, Гойя использовал образ кота-фамильяра¹. На гравюре изображена ведьма-неофитка. Комментарий автора: «Мало-помалу у нее все получится»

Вечный кот прокрался в мое сердце под покровом тьмы, вернее, что особенно показательно, в мерцающем сумраке кинозала. Он пробудил во мне интерес к оккультной кошачьей мудрости, причем так, что этот эпизод я не забыл до сих пор, хотя и не вполне понял тогда его смысл. В фильме «Колокол, книга и свеча» Ким Новак играет ведьму, у которой есть кошка-фамильяр по имени Пайуокет². И благодаря этому фильму я впервые

¹ Волшебный дух, служащий ведьмам и колдунам. Чаще всего принимал форму животного, обычно кошки.

² Снятая кошка ведьмы Джиллиан Холройд в фильме *Bell, book and candle*. Это имя носил и фамильяр ведьмы, пойманной в 1644 году в английском городе Мэннингтри охотником на ведьм по имени Мэтью Хопкинс, автором памфлета «Обнаружение ведьм» (1647). Кошкой этот фамильяр, скорее всего, не был: его описывают просто как бесенка.

узнал, что в оккультизме вообще и в самых темных разновидностях ведовства в частности кошке уделяют особое внимание. Случилось это лет тридцать тому назад; я был совершенно очарован тем коротким фрагментом, в котором камера смотрит как бы сквозь узкие щелочки кошачьих зрачков, а привычная человеческая перспектива искажается при помощи вытянутых линз. В этом искажении я мгновенно почувствовал что-то знакомое и мощное. Это удлиненное, заузенное окошко во время и пространство открывало картину мира, каким-то образом более реальную, чем сама реальность; нам, жалким смертным, с нашими обыкновенными круглыми хрусталиками, такого не дано. Мне показалось, что мы сами видели мир таким же еще до того, как родились.

Лишь значительно позднее я узнал, что кошку из фильма называли в честь знаменитого ведьмовского фамильяра из давнего периода оккультной истории, а еще позднее начал понимать, почему это любопытное искажение зрения так глубоко меня тронуло и странно напомнило о пребывании в материнском лоне. Кошачьи глаза — «те яркие и томные осколки зелени», как говорил Китс, — не просто обладают лунной формой. Их форма — нечто среднее между полумесяцем и горбатой луной — в Древнем Египте служила символом рождения ϕ . Это иероглиф, называемый «ру»¹. И это тот самый символ, который оккультисты более поздней эпохи провозгласили прообразом петли в верхней части магического символа «анх» Ψ . В свое время анх стал известен по египетским священным письмам, и в наши дни многие носят его как охранный амулет.

Анх говорит с нами на священном языке, ибо его графическая форма представляет родовой путь из мира духовного ϕ в мир пространства и времени, символ которого — сигил T, тау-крест, означающий одновременно протяженность во времени и нисхождение в материю. Неудивительно, что богиня Венера, взявшая себе анх в качестве символа, причем в той форме, которая

¹ В действительности данный иероглиф имел значение «рот» и соответствовал звуку «р» (а не «ру»); обычно он изображался как горизонтальная мандорла (в вертикальном варианте встречается крайне редко). В египетской традиции никакой связи с рождением, со знаком анха и тем более с астрологическим символом Венеры (возникшим значительно позже) он не имел.

Ил. 3. Священная египетская
кошка, так называемая
Кошка Гейера-Андерсона
(ок. 30 г. до н.э.),
Британский музей

и поныне используется для обозначения женского начала ♀, в мифах превращается в кошку. И неудивительно, что кошка в мистериальном знании связана с рождением, с духовными мирами, лежащими за пределами материального, и с таинственными метаморфозами луны.

Чем больше я изучал оккультную традицию, тем лучше понимал, что в символизме кошки сокрыты тайны, выразить которые можно только в образах и картинах, потому что стоит только облечь их в слова, как вся внутренняя сила тут же рассеивается. Не случайно слово «герметический» имеет два значения: не только общепринятое — «запечатанный наглухо», «воздухонепроницаемый», но и почерпнутое непосредственно из древнего

мистериального знания — «относящийся к Гермесу». Гермес — один из вневременных символов Великого Мудреца, вселенский оккультный учитель, готовый наделить тайными знаниями и мудростью тех, кто приступает к учению с усердием и чистым сердцем.

Несмотря на свое греческое имя, Гермес, подобно нашей домашней кошке, был родом из Древнего Египта, где его звали Тот. Знание Гермеса — герметическое знание, — как говорили, передавалось в картинах и символах, ибо только в зрительных образах его можно «запечатать», то есть сделать недоступным для внешнего мира. Слова для этого слишком хрупки, они могут лишиться былой силы или изменить значение, и потому по природе своей не подходят для передачи тайного знания. Как писал современный поэт Т. Элиот (который, как мы увидим в дальнейшем, немало знал о кошках и связанных с ними тайнах), «слова текут, скользят и исчезают». И этим почти наверняка объясняется, почему удивительная бронзовая кошка-богиня из Египта (ил. 3) способна поведать нам о кошачьих секретах гораздо больше, чем любые слова, а почти любое изображение кошки — не в пример более глубокое откровение о тайне кошачьего мира, чем рассказы. Но мы разучились воспринимать подлинное искусство. Мы утратили способность к спокойному созерцанию, которого требует искусство древних времен. Мы стали слишком нетерпеливы; мы согласны лишь на «живые» картинки, пляшущие на голубых экранах. Даже символы в наши дни теряют прежний смысл и энергию, и потому, если мы желаем разгадать тайну кошки, нам не остается ничего иного, как обратиться к словам, и, более того, к словам об образах.

Как я уже сказал, интерес к странной двойственности кошки, вечной и непостоянной, пробудился у меня в лунной тьме кинематографа; но сама эта книга стала результатом личной встречи с волшебной кошкой. Два года назад мне заказали серию фотографий средневековых городов Европы. И вот одним ранним утром я рыскал по улочкам Гента, охотясь за видом, достойным представлять этот прелестный город. Бельгийцы обожают кошек и, подобно голландцам, украшают подоконники цветами всех цветов

радуги. И я решил попробовать поймать в объектив соответствующий образ.

Далеко ходить не пришлось. Стоило мне свернуть в переулочки за Ланге-Штеенштрассе, как, словно по волшебству, на тротуаре обнаружился рыжий кот, который тут же изящно вскочил на ближайший подоконник и с деловым видом уселся там, вылизывая лоснящуюся шерсть. Выбор его был безупречен: рядом выстроились терракотовые горшки, багрянцем герани оттенявшие утреннюю свежесть.

Я навел камеру на эту идеальную картину. Кот нахально задрал нос в обычной манере фотогеничных представителей своего рода и замер, словно прекрасно понимая, что у меня на уме. Я сделал первый снимок — фрагмент морды — но тут, к моему изумлению, в видоискателе появилась молодая женщина: она стояла у окна, явно собираясь открыть его и впустить кота. Рыжий смекнул, что в перспективе маячит завтрак, и, махнув лапой на фотосессию, проскользнул в дом. Только тогда леди заметила меня. Она улыбнулась и извинилась, что спугнула кота. Она спросила, что я фотографировал, цветы или кошку? И не желаю ли я выпить кофе? Я закивал в знак согласия и вскоре уже стоял с чашкой превосходного «Блю маунтин» возле мольберта. Хозяйка дома оказалась художницей и как раз работала над иллюстрациями для книжки о кошках.

Ил. 4. Кошка, дерущаяся с петухом. Иллюстрация Артура Рэкхема к басне Эзопа о кошке и петухе (1912)

Некоторое время мы болтали о кошках и о рисунках кошек.

— Вам знакомы кошки Рэкхема?¹ — поинтересовалась она.

Я кивнул.

— Значит, вот это вам определенно понравится, — заключила она и, подойдя к окну, которое я недавно пытался сфотографировать, взяла книгу и протянула ее мне. Это была книга об Артуре Рэкхеме, которую я написал лет десять тому назад и в которой поместил в числе иллюстраций нескольких его кошек — от ручных домашних (ил. 4) до ведьмовских фамильяров (ил. 5).

Что за волшебным котом оказался ее рыжий, завлекший меня хитростью в дом к хозяйке! Он не только хотел, чтобы его сфотографировали, но явно обладал тайной мудростью и знал, что нам с нею нужно познакомиться и поговорить о кошках, Рэкхеме и жизни вообще. Следующие несколько месяцев, занимаясь своим долгим европейским фотопроектом, я все никак не мог выбросить рыжего из головы. Я уже знал, что кошки — существа магические, обладающие особым таинственным символизмом, но никогда до тех пор не сталкивался непосредственно с волшебством, которое они ткут. Чем же отличается кошка от прочих животных и почему это отличие столь разительно? Почему сама ее внешность свидетельствует, что создание это окутано тайной; почему ее глаза говорят о знании высших миров, превосходящем наше? Что в ней заставило египтян выстроить целую символическую систему вокруг ее глаз, природы и связи с луной? И почему эти древние символы оказались столь богаты смыслом, что сохранили его на протяжении многих тысяч лет и до сих пор присутствуют во многих современных культурах? Я не уверен, что знаю ответы на все эти вопросы, но книга, которую вы держите в руках, стала результатом моих попыток хоть как-то упорядочить разнообразные ответы на них, которые дает тайная традиция. Именно в тайном знании находим мы объяснения тому, как вечный кот, некогда обожествленный и замкнутый в высшем и идеальном мире, в конце концов спустился в

¹ Артур Рэкхем (1867—1939) — английский художник-иллюстратор, известный иллюстрациями к сказкам братьев Гримм, пьесам Шекспира, европейским легендам и т.д.

Ил. 5. Кошки-фамильяры,
летающие впереди ведьм.
Иллюстрация Артура Рэкхема
к «Легендам Инголдсби» (1907):
«Эй! Вверх по трубе, девица!
Эй, я за тобой!»

знакомую нам реальность пространства и времени, дабы явиться людям под тысячами масок и в тысячах разнообразных символических форм.

Введение

Девиз Агриппы
и смерть Будды;
кошка, которая гуляет
сама по себе;
имена и индивидуальность
кошек;
квалитивная душа;
некоторые басни Эзопа;
исчезающий кот
Тенниса;
звездная кошка
и кошка падшая;
кошка Калевалы —
посланник
неизвестной тьмы.

И последнее имя. Заметим при этом:
Человеку его нипочем не узнать.
Никакая наука не даст вам ответа —
Кошка ж знает его, только будет молчать¹.

Томас Элиот. Как назвать кота

Достаточно лишь взглянуть на кошку, чтобы понять, что она — существо таинственное. Конечно, все живые твари таинственны и полны секретов, но все же в кошке духовное качество почему-то более очевидно, более прозрачно. Невольно чувствуешь, что кошка сосредоточена на самой себе, пребывает в мире с собой и целиком и полностью принадлежит только себе. У великого оккультиста XV века Корнелия Агриппы был личный латинский девиз, в переводе означавший: «Пусть ни один человек, способный принадлежать себе, не принадлежит никому другому». Это идеальный девиз для оккультиста, но ни одной кошке он не понадобился бы, ибо истинная представительница кошачьего рода принимает как данность то, что не принадлежит никому, кроме себя. Кошка — оккультист от природы. На внешнем плане она — порождение ночи, лунная богиня; внутри же хранит свой собственный свет, словно ее сознание полностью сфокусировано на некоем сокровенном центре. Из-за этого человек неправильно понимает кошку, ибо такую сосредоточенность очень легко принять за банальный эгоизм. Точно так же тот, кто незнаком с учением Будды, рискует неверно понять буддийскую бесстрастность и принять отрешенность за равнодушие к страданиям мира. Легенда гласит, что кошка была одним из двух животных, не оплакивавших кончину Будды. Обычно эту легенду рассказывают, чтобы

принизить кошку, но если вспомнить, что она обладает сокровенной мудростью и хранит в душе знание высшего мира, станет ясно, почему она не захотела оплакивать уход Будды: ведь ушел он в лучшую жизнь. Кошку, как и многих других оккультистов прошлого, действительно неправильно поняли. Суть девиза Агриппы в том, что правильно понять внешний мир способен лишь тот, кто сосредоточен на своем внутреннем центре, ибо внешний мир есть манифестация внутреннего.

В оккультной традиции внешнее и внутреннее понимаются как две грани Единого, и в кошке мы видим идеальное равновесие двух этих аспектов. Кошка сосредоточена на себе, тогда как второй друг человека, собака, пытается обрести центр во внешнем мире. Союз этих двух начал — как союз центробежной и центростремительной сил — мог бы произвести лишь некий гибрид, вовсе лишенный постоянства или центра. Возможно, именно эта идея стоит за средневековыми поверьями, согласно которым гибриды не были допущены в Ноев ковчег, а гиена родилась уже после Великого потопа от скрещивания кошки и собаки. В средневековом фольклоре гиена — не самец и не самка, не христианин и не язычник, ибо центр ее — не во внешнем и не во внутреннем мире. Глаза гиены, однако, подобно кошачьим, обладают магической силой: в глазу ее скрыт камень («также именуемый „иеной”», — сообщает нам средневековый источник), дающий человеку способность провидеть будущее, если положить его под язык. Судя по всему, магический глаз гиена «унаследовала» от кошки, потому что в собачьих глазах нет ни тайны, ни силы, а кошачьи, напротив, наделялись чарами на всем протяжении истории. Кошке и вправду не помешал бы какой-нибудь особый глаз: она столь замкнута внутри себя, что для взгляда во внешний мир ей нужна мощная линза. Глядя в глаза кошки, невольно испытываешь чувство, что за этими глазами скрыт могучий дух: и даже если гипотеза эта кажется фантастической, она вполне может объяснить, почему кошка веками считалась символом мудрости, — ведь люди прошлого выбирали свои символы отнюдь не случайно.

Авторы средневековых бестиариев — энциклопедий зоологических знаний, сохранившихся со времен античности, — по-

лагали, что слово «кошка»¹ (англ. «cat») произошло от латинского «острый, тонкий» (*catus*): «...так остер ее взгляд, что глаза ее пронзают тени мрака, словно луч света». Один из типичных текстов, в которых речь идет о кошках, настаивает, что правильное имя кошки — «мышкун» (*musto*), потому что она «гибельна для мышей». «Лишь непосвященные называют ее "кошкой"», — заверяет нас автор. В том же тексте содержится и другая этимология, согласно которой слово «кошка» происходит от «captura»², потому что она ловит свои жертвы, или от «captatio»³ — потому что она подстерегает птиц и мышей в засаде. На прелестной иллюстрации из Бодлеанского бестиария (ил. 6) изображены две кошки: одна так устала ждать, что запустила лапу в птичью клетку, а другая поймала крысу и использует ее, судя по всему, на манер лозоискательского прутика. Впрочем, судя по мрачному выражению кошачьей морды, крысы этой надолго не хватит. Фон картинки не случайно испещрен звездами и полумесяцами: все современники средневекового просветителя, создавшего эту иллюстрацию, прекрасно понимали, что кошками правит Луна. Эти средневековые этимологии совершенно фантастичны, однако предположение о том, что у кошки два имени (одно — описывающее, как она расправляется с мышами во внешнем мире, а другое — намекающее на скрытый внутри ее существа свет), возможно, не лишено правды.

Ранняя иллюстрация из коллекции Эшмола — одно из старейших известных нам изображений одомашненной кошки. Кошка сидит между дикобразом и кроликом; сверху от нее — слон, а снизу — собака и некое подобие льва. В целом картина изображает сотворение животных на пятый день трудов Господних. Приятно думать, что кошку создали уже прирученной и домашней. Некоторые оккультисты полагают, что поначалу все животные были ручными, но из-за недобросовестности человека одичали.

Гипотеза о том, что у кошки должно быть по меньшей мере два имени — имя внешней оболочки и тайное имя внутренней сути, — не просто прихоть поэтического воображения. «Учеб-

¹ Лат. «catta».

² «Ловля» (лат.).

³ «Уловка, трюк (у цирковых борцов)» (лат.).

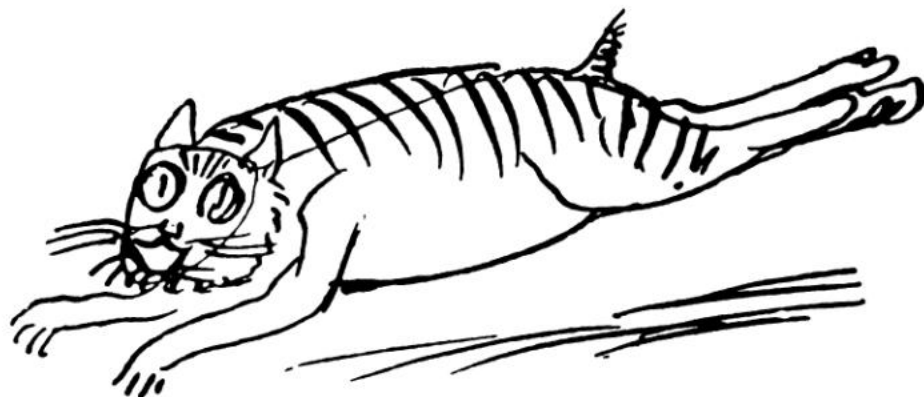
Ил. 6. Кошка с птичкой и кошка с крысой. Иллюстрация из средневековой рукописи. Бодлеанская библиотека, Оксфорд

ник по практическому котоведению Старого Опоссума» Томаса Элиота¹ обрел в последние годы широкую известность благодаря сценической версии «Кошек»², хотя некоторые эзотерические подтексты оригинала в спектакле были утрачены. В стихотворении «Как назвать кота» Элиот утверждает, что у каждой кошки есть три имени, последнее из которых человеку узнать не дано, ибо оно известно одной лишь кошке. Элиот играет на легенде о том, что кошка, пребывающая в состоянии глубокой медитации, на самом деле размышляет о своем истинном имени, подобно факиру или буддисту, созерцающему вовсе не собственный пупок, но Высшие силы. Итак, согласно стихотворению, у кошек три вида имен: обычные, личные и «несказанно-сказанно- / никем

¹ Сборник детских стихов Т. Элиота.

² «Кошки» (Cats) — знаменитый мюзикл Эндрю Ллойда Уэббера.

Ил 7. «Фосс на охоте». Рисунок пером из серии геральдических эмблем, выполненный Эдвардом Лиром. Этот знаменитый кот прожил семнадцать лет и был похоронен в саду арендованной Лиром виллы в Сан-Ремо. Над его могилой был установлен камень с мемориальной надписью

не узнанные/ сокровенно-особенные имена»¹. Как это соответствует оккультной традиции, с которой Элиот был весьма неплохо знаком?

Обычное имя, «разумное, будничное», действительно совершенно обычно. Это мирское имя, которым кошку называют на материальном плане. Но есть и второе, тоже известное людям, — «особое имя, благородней, точней». Оно позволяет кошке «...гордиться усами своими, / и держать хвост трубой, и себя уважать». Элиот приводит забавные версии таких имен (Munkustrap и Jellylorum²); я думаю, к их числу относится и Пайуокет, и, возможно, самое знаменитое из подобных кошачьих имен — Фосс, ставшее знаменитым благодаря великому весельчаку XIX века Эдварду Лиру: то было имя его домашнего кота (ил. 7).

Разница между первым и вторым именами кошки не вполне очевидна. Совсем непросто отличить одну форму от другой, если вы незнакомы с оккультным геософским учением, по всей види-

¹ Перевод С. Дубовицкой

² Сами эти имена на русский язык непереводимы, как и Пайуокет (см. ниже); в различных переводах встречаются «аналоговые», игровые вариации на их тему — «Сладкоежка, Ревун, Полотер, Салабон» и т. д.

мости, прекрасно известным Элиоту, так как за его стихотворением стоит подлинная эзотерическая традиция. Второе имя, позволяющее кошке держать хвост трубой (то есть указывать им в небеса), соответствует особой стадии развития животного, которую оккультисты именуют «индивидуализацией».

Оккультисты считают, что лишь пять животных могут обрести индивидуальность. Это лошадь, обезьяна, слон, собака и, конечно, кошка. Только эти создания обладают внутренней природой, позволяющей им реагировать на человеческие эмоции таким образом, что реакция эта оказывает влияние на всю их судьбу, — и ни одно другое животное на это не способно. Такое понимание индивидуализации уходит корнями в учение о так называемой «групповой душе», то есть в представление о том, что животные, в отличие от людей, обычно не имеют индивидуального эго, продолжающего жить после смерти. У человека, по общему мнению оккультистов, разумеется, есть такой высший элемент психики (в разные времена называвшийся по-разному), неразрушимый и способный пережить даже смерть.

Этот самый высший элемент, который мы пока будем называть «эго», в соответствии со своей природой периодически воплощается в физическом теле, дабы обрести опыт материального существования. В момент смерти эго сбрасывает низшее тело (равно как и те духовные оболочки, которые позволяли ему обитать в этом теле), сохраняя при этом знания о том, чему оно научилось в завершившемся воплощении. Далее оно долгое время остается на духовном плане, но рано или поздно снова нисходит в материю, сохраняя, опять же в значительной степени, свою первоначальную сущность и преобразованное знание обо всем, чего достигло в предыдущей инкарнации. На протяжении всего этого процесса индивидуальность рассматриваемого эго остается в некотором смысле священной и неприкосновенной.

Животные умирают иначе, ибо они обладают не индивидуальными эго, а общей, групповой душой. Проще говоря, согласно тайной традиции, животные, обитающие на материальном плане, на плане духовном представлены как одно целое, как некое единое животное. Учение о групповой душе гласит, что духовная жизнь животного протекает на астральном плане в рамках обширной не-

дифференцированной матрицы. Из этой матрицы на земной план проецируются отдельные лучи, одушевляющие тела животных одного типа. Так, например, существует кошачья групповая душа; лучи, исходящие из нее, даруют жизнь телам всех кошек на свете, независимо от породы. Индивидуальное животное представляет собой нечто наподобие искры или «клетки» этой групповой души и поддерживает с ней духовную связь.

Из доктрины существования групповой души непосредственно следует не только то, что качество жизни большинства животных отличается от качества жизни человека, но и то, что умирают они по-другому. Человек, умирая, сбрасывает материальные оболочки, а его вечное эго на время покидает земной план. У животного же нет никакого вечного эго, которое могло бы удалиться с земли после смерти тела; поэтому частный жизненный опыт каждого животного поглощает групповая душа. Разумеется, и при кончине животного ничто не пропадает втуне, ибо все, что испытало каждое живое существо во время земного воплощения, обогащает групповую душу того вида, к которому оно принадлежит; но ни о какой индивидуальности умершего животного речи быть не может.

И все же, согласно оккультной теории индивидуализации, некоторые животные не возвращаются после смерти в общее лоно групповой души. При определенных условиях кошка, собака, лошадь, обезьяна или слон после смерти могут унести на духовный план ощущение некой «самости». С подобными терминами следует обращаться особенно осторожно, так как предполагать, что у животного может развиться эго в том же смысле, в каком им обладает человек, было бы грубой ошибкой. И тем не менее можно с полным правом утверждать, что некоторые животные могут индивидуализироваться.

Авторы, пытающиеся представить комплексные оккультные представления в максимально простых образах, нередко изображают групповую душу при помощи схемы, напоминающей человеческую кисть, пальцы которой символизируют отдельных животных, вышедших из групповой души и некоторое время обитающих в пространственно-временном континууме. В этом континууме они обретают знания о мире и накапливают впечат-

ления (важнейшее место среди которых занимают проявления любви и ненависти человека), но при этом никогда не чувствуют себя духовными созданиями, независимыми от групповой души. Если представить кошачью групповую душу в виде такой же руки, но отраженной в водах, символизирующих материальный мир, то можно составить представление о том, каким образом после смерти кошки и поглощения ее групповой душой что-то остается на земном плане и продолжает существовать само по себе. Разумеется, речь идет не о «тенях» или «призраках», обитающих на ином плане (о них мы поговорим в главе 4, в разделе о сверхъестественной кошке), а о внутренней реальности кошки, о том ее элементе, который с полным правом можно назвать «вечной кошкой» (в том же самом смысле, в каком вечными можно назвать людей).

Индивидуализация достигается благодаря общению с человеческими существами. Если животное правильно любят, у него развивается индивидуальность — оно становится ручным. Это означает, что оно отделяется от «дикого» состояния, естественного для воплощенных элементов групповой души. И снова нам стоит тщательно выбирать слова: «правильно любят» совсем не означает «любят романтически» или как-то особенно сильно. Согласно оккультной традиции, истинная любовь подразумевает свободные отношения с возлюбленным объектом. Оккультисты считают, что «неправильно» можно любить не только человека, но и животных. И в этом есть зерно здравого смысла, ведь незрелая, преждевременная индивидуализация — не всегда благо, поскольку ключевым элементом для любого развития является естественный рост. Только представители человеческого рода способны ускорять собственную эволюцию при помощи обучения и медитативных практик.

Тем не менее факт остается фактом: с точки зрения оккультного знания кошка относится к числу тех особых существ, которым доступна индивидуализация. В силу этого ее судьба отлична от судьбы большинства животных, и потому не стоит удивляться, обнаружив эту идею зашифрованной в символах литературы и искусства. Большинство басен Эзопа помимо обычной морали содержат тайную мудрость, отдельные элементы которой про-

ники, судя по всему, даже в оккультную теорию индивидуализации.

Басня о коте и лисице в своей эзотерической мудрости почти прозрачна и говорит об индивидуализации напрямую. Как-то раз кот повстречал лису, которая принялась хвастать своим умом и «сотней хитростей». Кот мудро улыбается и говорит ей: «А у меня хитрость только одна». Тут налетает свора собак. Лиса улепетывает прочь, а кот прибегает к своей единственной хитрости — попросту забирается на дерево, где и остается сидеть в полной безопасности (см. цветную ил. 1). Лиса же, пытаясь спастись от висящих у нее на хвосте собак, одну за другой применяет все свои хитрости. В конце концов, хитрости у нее кончаются, и собаки ее затравливают. Кот тем временем отсиживается на дереве, наблюдая за тем, до чего доводит похвальба.

Лиса со всеми ее хитростями всегда проигрывает, сколько бы трюков для спасения жизни ни было в ее распоряжении, потому что в конечном счете ее все равно поглотит групповая душа. Лиса — не из тех животных, которые на настоящем этапе эволюции мира были избраны для индивидуализации. Кот, напротив, благополучно поднимается на высшие планы мироздания (взбирается на дерево) и как совершенно полноценный индивидуум созерцает оттуда царящую внизу суматоху. Возможно, именно поэтому гравюра Тенниела с исчезающим котом на дереве (ил. 8) обрела вечную славу: это образ, говорящий непосредственно с нашим бессознательным, как и пересказанный Эзопом сюжет. Подобно кошачьим глазам, все тело Чеширского Кота тоже «прибывает» и «убывает», как, собственно, и все земные вещи, но индивидуальность его при этом остается неизменной, ибо кот этот вечен. Улыбка кота — символ вечного духа, который «висит на дереве», пока физическое тело ненадолго погружается во время и пространство.

Еще одна рассказанная Эзопом басня — на этот раз о коте и петухе — уводит нас на еще более глубокие уровни эзотерического символизма. Кот нападает на петуха (ил. 4) и пытается объяснить, почему намерен его съесть. Оправдание его, впрочем, слабовато: «Ночью ты устроил ужасный шум, раскукарекался и всех перебудил, вот я тебя и съем». Бедняга петух возражает, что кукарекает только для того, чтобы люди вовремя встали и приступили

Ил. 8. Лунная улыбка исчезающего Чеширского Кота. Иллюстрация Тенниела к «Алисе в Стране Чудес»

к дневным трудам, да и вообще мир чрезвычайно нуждается в нем как в будильнике. «Да хоть бы и так, — отвечает кот, уже махнув лапой на оправдания. — Я тебя все равно съем». И действительно съедает.

История эта затрагивает древнейший в мире пласт оккультного символизма: противопоставление души и духа и эзотерическую идею о том, что человек должен пробудиться в духовном отношении. Котом управляет Луна, следовательно, он — символ жизни души; петухом же — Солнце, и он олицетворяет дух. Коту, в отличие от петуха, дела нет до людей. В отсутствие любви жизнь души подчиняет жизнь духа; в отсутствие любви Луна, аллегорически говоря, побеждает Солнце. Перед нами — циклическая история рода человеческого в кошачьем облике. Эзопова басня содержит важное оккультное послание: кот должен научиться любить людей, а для этого люди должны стать достойными его любви.

Я давным-давно пришел к выводу, что древние мифы содержат мудрость, которую в нынешние времена часто оставляют без внимания. Индивидуализация связана с любовью и богиней любви Венерой, которая в мифах превращалась в кошку. Истории о богинях, превращающихся в кошек, и о кошках, превращающихся в богинь, указывают нам на идею любви, ведущей к духовной изоляции от групповой души. Приходит на память еще один сюжет, приписываемый тому же Эзопу, но, по всей видимости, более древний, — предание о богине Венере и кошке, влюбившейся в красивого мужчину. В ответ на мольбы кошки богиня превратила ее в прекрасную женщину и тем самым дала возможность выйти замуж за возлюбленного. Богиню всегда интересовала форма вещей (то есть скорее красота физического тела, нежели красота души), но вот в один прекрасный день она решила проверить, действует ли ее магия так же хорошо внутри, как и снаружи. Когда молодая пара была в постели, Венера послала мышь, чтобы та пробежала через спальню. Бывшая кошка не смогла противиться своей истинной природе и, отбросив простыни, бросилась в погоню за мышью (см. цветную ил. 2). Венера поняла, что ее магия оказалась весьма поверхностной, и вернула женщине ее прежний облик. А мораль здесь такова: все мы желаем стать тем, чем не являемся, но мало кто имеет достаточные внутренние ресурсы, чтобы справиться с тем, что мы сами для себя пожелали. Кошачья мудрость свидетельствует о том, что боги действительно способствуют трансформации кошки в человека, хотя превращение это совершается далеко не столь эффектно и мгновенно, как в басне Эзопа. Кошка, благодаря силе человеческой любви, постепенно гуманизируется, и только благодаря этой любви внутренние изменения могут стать столь же радикальными и убедительными, как и внешние.

Сомневаюсь, что нам когда-нибудь суждено узнать, почему кошки — такие необычайные создания, столь прочно укорененные в собственном бытии и в то же время явственно причастные духовному миру. Ответы на подобные вопросы можно найти на таком уровне мышления, который в обычных условиях человеку недоступен. Но то, чем человек окружил кошку, например, ее символизм, в некотором роде противопоставляемый кошке как таковой, — это уже совсем другое дело. Символика кошки отражает

представление о ней как о центрированном духовном существе и с течением времени породила совершенно поразительный свод таинственных и смутных верований, аллегорий и догадок о ней и ее внутреннем смысле. Символика эта столь разнообразна и противоречива, что объемлет и кошку как символ Девы Марии (ил. 9), и кошку как символ дьявола. Поверья об этом животном охватывают огромную территорию от Египта, где кошку обожествляли и считали порождением звезд (см. цветную ил. 4), до Англии XVI века, где ее низвели до положения демона (см. цветную ил. 22), а затем, два века спустя, снова вознесли к звездам силами уже новой мифологии. Однако все эти разные и даже противоречащие друг другу образы и мифы утверждают: кошка — поистине удивительное создание, таящее в себе целый мир разнообразных смыслов — от эзотерических до самых банальных.

Ил. 9. Джакомо Бароккио да Виньола. «Мадонна с кошкой». Национальная галерея, Лондон. Кошка связана с символизмом Девы Марии. Эта связь восходит к египетской эзотерической образности, в которой кошка иногда толковалась как символ девственности

Как и человек, который либо любит ее, либо ненавидит, кошка изначально была детищем звезд, но отпала от них и сошла на землю, чтобы превратиться в материалистический символ адских кошмаров. Поэтому книгу, которую вы держите сейчас в руках, можно для удобства разделить на две части, одна из которых посвящена звездной кошке, а другая — кошке падшей. Звездная кошка, подобно многим нашим современникам-людям, еще только пробуждается, чтобы увидеть новую зарю, в сиянии которой сможет осознать себя такой, какой была всегда, невзирая на всю клевету, пятнающую ее имя и историю, — вечной кошкой, в честь которой я и назвал первую часть своей книги. Демоническую кошку, напротив, судьба несправедливо наделила репутацией, которой та не заслуживает. И тем не менее многие легенды и мифы о проклятом кошачьем роде требуют специального рассмотрения, которое мы и проводим во второй части под общим названием «Адская кошка».

Создается впечатление, что кошка совершенно счастлива в обоих амплуа и в обоих обладает своим особым очарованием и своей тайной историей. Ибо по природе своей она — посредник, истинный посвященный, способный обитать и в высших, и в низших мирах одновременно. Представление о кошке как существе, относящемся и к миру людей, и к миру духов, как нельзя более ярко отражено в карело-финском поэтическом эпосе «Калевала». Ее герой Лемминкяйнен — веселый, безрассудный человек, который насмеялся над людьми — от мала до велика, — подшучивая над ними с помощью заклинаний. Он пустился в магические приключения в компании гигантской кошки, тянувшей по снегам сани с путешественниками в страну злых духов, Похьёлу. Во многом сходный, «кошачий» символизм характерен и для египетского бога Тота, величайшего из посредников между человеком и его сокровенной мудростью, между человеком и областью духовного, куда он попадал после смерти. Неудивительно, что средневековые бестиарии связывали одно имя кошки с «внутренним светом», а другое — со смертью и убийством.

Часть первая

ВЕЧНАЯ КОШКА

Глава 1

Магический глаз

Почему очи Фрейи
Пронзительны так?
Из глаз ее, кажется,
Огонь полыхает.

Старшая Эдда

Зрение кошки и Луна;
Йейтс и его Минналуш;
Рука Славы;
египетский иероглиф «ру»;
символизм ока Уаужет;
богини Сехмет и Бастет;
камень «кошачий глаз»;
Том и Джерри;
лунная сила.

В

мифах взгляд кошки сильнее человеческого, потому что ее глаза видят в высшем и низшем мирах. Из этих всевидящих глаз, как сказано в древнем скандинавском эпосе, словно бы полыхает огонь. В классической греческой мифологии рысь (которая тоже была священным животным скандинавской богини Фрейи) умела видеть сквозь каменные стены. На самом деле глаза рыси, хотя и не столь мощные, как им это приписывают мифы, обладают некоторыми замечательными способностями. В 1950 году натуралист Линдеман опубликовал данные своих экспериментов, показавших, что его ручная рысь видит мышь на расстоянии семидесяти пяти метров, а коосулю — на расстоянии полукилометра.

Дрессировщик Клайд Битти в своих мемуарах рассказывает, как во время первого представления в Монреале он работал с целой клеткой львов и тигров. Внезапно в цирке погас свет. Для зверей это не составило проблемы: острота зрения позволяла им видеть достаточно хорошо и в темноте. А вот Битти оказался в весьма затруднительном положении: он совсем не видел животных. Ему нужно было во что бы то ни стало не дать хищникам почувствовать, что он их не видит. Битти признавал, что для нападения им было вполне достаточно ощутить свое преимущество перед ним. Инстинкт дрессировщика подсказал ему, что нарушать ход представления нельзя, так как это заставит животных волноваться. Он продолжал работать в темноте в обычном порядке, полагаясь на свои ощущения и опыт, и сумел так заморочить животных голо-

ву, что дотянул до тех пор, пока на арену не был подан временный свет. Любой другой дрессировщик, не обладая знаниями Битти об особенностях кошачьего зрения и его чувством ритма, уже не вышел бы живым из этой клетки.

Радужная оболочка кошачьего глаза способна принаравливаться к самым разнообразным условиям освещенности; в зависимости от них кардинально меняется и внешний вид глаза. На ярком свете зрачок превращается в вертикальную щелочку, а в темноте расширяется почти до размеров самой радужки. Это умение приспособливаться к свету, обусловленное соотношением палочек и колбочек сетчатки, послужило основанием для распространенного ошибочного мнения, будто кошки могут видеть в темноте. Аккерман, составитель замечательной коллекции заблуждений (многие из которых непосредственно связаны с кошками) приводит забавную историю из «Дэйли телеграф» от 12 марта 1941 года. Кто-то, судя по всему, пришел к выводу, что лучший способ решить проблему с ночными рейдами вражеских бомбардировщиков в начале Второй мировой войны — это снабдить все истребители Королевских ВВС кошками. Пулеметчик должен был стрелять туда, куда смотрит кошка, в полной уверенности, что непременно собьет самолет противника.

Идея эта не более абсурдна, чем многие «заклинания» и «чары», перечисленные в «Алфавитном указателе физических тайн» Оуэна Вудса (1639), где среди прочего можно найти такой рецепт исцеления зрения: «В случае если в глазах видна жемчужная белизна или сетчатый рисунок, возьмите целиком голову черной кошки, — советует этот предшественник миссис Битон¹ от оккультизма, — и сожгите дотла, а затем при помощи полого пера вдуйте полученный пепел в больной глаз трижды в день. Затем накладывайте на глаз дубовые листья, сложенные попарно и смоченные розовой водой. Меняйте по мере необходимости, — заключает автор. — Это действительно помогает». По нынешним меркам это кажется сущим вздором, и все же приведенный у Вудса рецепт наглядно демонстрирует, насколько тесной была символическая

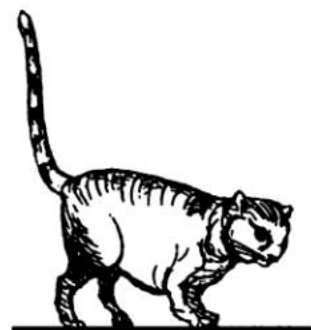
¹ Изабелла Мэри Битон (1836—1865) — автор знаменитой «Книги домашнего хозяйства миссис Битон».

связь кошки со зрением в популярных оккультных представлениях. Даже натуралист Топселл вскользь намекает на то, что слепоту можно вылечить с помощью головы черной кошки. Черный цвет здесь, по-видимому, символизирует тьму, которой окутан человек, нуждающийся в исцелении. Корнуолльский способ, пожалуй, выглядит не столь мрачным. Он предписывает «поглаживать слепнувший глаз концом хвоста черной кошки». К тому же, что неудивительно, поглаживать ячмени или другие поражения глаза нужно было девять раз: число это было связано с тайными силами кошки и с количеством приписываемых ей жизней.

Связь кошки со зрением, без сомнения, проистекает из комплекса представлений, который мы сейчас назвали бы симпатической магией. Она основана на древнейшей вере, согласно которой подобные вещи мистическим образом связаны между собой. Некоторые специалисты по мифологии утверждают, что глаз кошки считался одним из очей египетского бога Хора, взирающего на землю с небес. И поскольку вторым глазом Хора было само солнце, остается предположить, что кошачий глаз — луна. Из этого следует, по крайней мере некоторые египтяне могли в это верить, что на небе сидит огромная кошка — видимо, черная как ночь — и глядит на мир. По другим египетским поверьям, вошедшим в западную традицию благодаря герметическим текстам, луна — это левый, а солнце — правый глаз бога Хора; или же ночное и дневное светила соответственно представляют собой глаза Исиды и Хора или других богов, в которых соединяются кошачьи и антропоморфные черты. Прибывание и убывание кошачьих зрачков до некоторой степени напоминают рост и «старение» круглого лика Луны, огибающей Землю в своем ежемесячном цикле. У.Б. Йейтс пишет о черном коте Минналуше, «ближайшем родственнике луны», чистый свет которой тревожит его звериную кровь.

Знает ли Минналуш,
Луны полуночный друг,
Что в искрах его зрачков —
То серп, то холодный круг?¹

¹ Перевод Dana Mad.

В средневековых магических рецептах зрение так прочно связывалось с кошкой, что кошачий жир входил даже в формулу изготовления знаменитой «Руки Славы» — любимого талисмана воров, веривших, что он делает их невидимыми. Саму руку, точнее кисть, нужно было во время лунного затмения отрезать у повешенного убийцы, а свечу, вставляемую в эти жуткие останки, сделать из жира мертвеца или же из жира и топленого сала черного кота. Тот, кто при жизни имел идеальное зрение, по смерти представлял столь жуткое зрелище, что люди, находившиеся в одной с ним комнате, видеть не могли владельца Руки.

Если пролистать магические гримуары позднего Средневековья — эти собрания предрассудков, которые все еще подпитывают современные расхожие представления, — то можно узнать следующее: кошки видят в темноте; они умеют видеть призраков и мяукают при встрече с демонами, незримыми для человека; глаза их настолько эффективны с магической точки зрения, что находят применение в колдовстве вуду; по размеру кошачьих зрачков можно сделать вывод о состоянии моря — когда зрачки сужены, на море отлив, а когда расширены — прилив. Следы старой веры в силу луны смешиваются здесь с древнеегипетской традицией почитания кошки как победительницы демонов и даже самого змея тьмы (см. цветную ил. 4).

Как мы уже говорили, между египетским иероглифом «ру» 0, фигурирующим во многих магических текстах, и оригинальной формой кошачьего зрачка прослеживается связь. Иероглиф «ру» означал множество разных вещей, но почти все они так или иначе связаны с переходом из одного пространства в другое: это и дверной проем, и врата рождения, чрез которые новое существо переходит из мира духовного в мир материальный. Этот странный символ двери сохраняется даже в современном знаке женского начала ♀, используемом также в астрологии для обозначения планеты Венера — архетипа женственности. Специалисты заявляют, что, вопреки ожиданиям, этот символ происходит вовсе не от зеркала, которое венерианская «вечная женщина» держит в руках, а от комбинации «ру» и тау-креста. И не случайно идеи женщины и рождения связаны с символом, почти наверняка имеющим отношение к кошачьим глазам. Это объясняет, почему камень «ко-

шачий глаз», часто упоминаемый в средневековых оккультных рукописях, использовался как амулет и почему кошка в древнеегипетских культах была священна для женщин. Этот женский символизм, как и сама концепция духовного рождения, сохранился и в раннехристианских изображениях, на которых Дева или Младенец играют с кошкой. Тайный символизм подобных изображений мы рассмотрим в главе 3.

Связь между кошками и рождением породила множество самых странных предрассудков, но, вероятно, самый удивительный среди них тот, который время от времени в той или иной форме обнаруживается в Шотландии. Вплоть до недавнего времени в некоторых областях Шотландии верили, что если кот перепрыгнет через еду, то съевшая ее женщина зачнет котят. Возможно, за этим стоит поверье, что прыгающий кот может испустить в тарелку семя, которое и оплодотворит женщину. 5 марта 1654 года некая Джин Симпсон из Ротимэя призналась на суде, что ходила вместе с матерью к некой мудрой женщине за особыми травами, чтобы выкинуть котят, которые завелись у нее в утробе. Врачи и духовенство отказали ей в возможности прервать нежеланную беременность при помощи травяных зелий, заявив, что никакие там не котята, а нормальный ребенок. Если бы у юной леди и вправду родились котята, она наверняка приобрела бы некоторую известность, однако ее дальнейшая судьба не попала на страницы истории.

Магическая сила египетского ока Уаджет признается и оккультистами, и мифологами; неудивительно, что оно множеством нитей связано со священной кошкой. В популярной мифологии Уаджет — это око бога солнца Хора, но действительная история этого символа свидетельствует, что это не просто обожествленный глаз. Хор — царь-бог, чьи глаза ассоциируются со светилами: правый — с солнцем, а левый — с луной. Элементы этой символики «левого» и «правого» присутствуют и в двух лежащих львах, располагающихся по обе стороны от солярного диска Хора на многих египетских изображениях. Лев слева символизировал прошлое, лев справа — будущее, так что можно считать, что один обладал солнечной природой, а другой — лунной. Есть также основания полагать, что две львиные головы, которыми украшен небесный

Ил. 10. Кошка, сидящая на ящике с символом Уаджет. Погребальный папирус жреца Неспехерана. Бодлеанская библиотека, Оксфорд

престол Девы Марии в поздней христианской иконографии и которые традиционно ассоциируются со «львом Иуды»¹, на самом деле восходят к египетскому солярному символизму прошлого и будущего как вечности, состоянию вне времени.

В более поздних образцах египетского изобразительного искусства солнечное око предстает как атрибут солярного бога Ра, а лунное сохраняет связь с Хором. Злой бог Сет похитил это лунное око, но, не найдя ему применения, бросил на землю, и оно разбилось. Затем осколки нашел Тот, бог тайн, соответствующий позднему Гермесу, и восстановил око Хора. Итак, Тот — целитель, Хор — ослепленный бог и Сет — змей зла, а также образ ока, которое было некогда целым, затем разбилось, но в конце концов снова

¹ Лев — символ израильского колена Иуды (см.: Быт. 49:9).

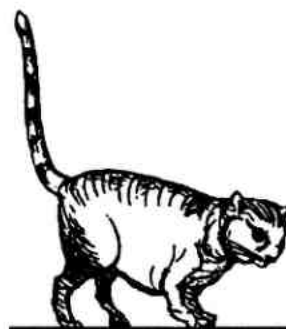
стало целым: не есть ли это история духовного ока, которое разбивается при рождении, когда младенец проходит родовыми путями через царство Луны и теряет возможность созерцать высший мир, а потому нуждается в восстановлении при помощи тайной мудрости человека, сведущего в герметических практиках? Но что общего — не считая связи с луной — у этой истории с египетской кошкой или даже с египетской богиней Бастет?

В нынешние времена исчерпывающего ответа на этот вопрос уже не найти, однако египетская культура сохранила соблазнительные намеки, свидетельствующие, что в магических представлениях египтян кошка и Уаджет были самым тесным образом связаны между собой. Многие египетские амулеты, изображавшие священное око, включают изображения кошек, являющихся либо

Ил. 11. Изображение богини Сехмет с головой кошки, с котятами у ног и систром в правой руке. Британский музей¹

¹ Ошибка автора. Эта статуэтка изображает богиню Баст (Бастет), атрибутом которой и является систр. Сехмет изображалась с головой львицы. Впрочем, поскольку обе эти богини представляют собой аспекты Хатхор, можно рассматривать Баст как умиротворенную форму Сехмет.

частью декора, либо откровенно восседающих на символе (см. ил. 10). Превосходный тому пример обнаруживается в собрании Флиндерса Петри (Юниверсити-колледж, Лондон): девятнадцать крошечных кошек сидят, расположившись двумя рядами, сверху и снизу от ока Уаджет. Шею самой совершенной из египетских кошачьих статуй, Бастет из Британского музея в Лондоне (ил. 11), украшает защитный амулет с оком Уаджет, а лоб — скарабей.

Так в чем же состоит кошачий символизм Уаджет, столь тесно переплетенный с мифологией Ра и Хора и с темой восстановления зрения при помощи герметического искусства? Это вечная история, находящая выражение в самой кошачьей природе. Кошка обладает зрением, с легкостью проникающим в высшие сферы, закрытые от людей, не причастных к герметическим мистериям.

На погребальном папирусе жреца Неспехерана из Бодлеанской библиотеки (ил. 10) кошка восседает на ящике с изображением Уаджет, Ока Зрящего — единственного (что любопытно) правого глаза бога. Оккультисты утверждают, что Уаджет — символ так называемого «третьего глаза», органа высшего видения, у обычных людей не развитого. На Востоке он считается одной из чакр (органов, или энергетических центров в астральном теле человека), расположенной на лбу между двумя физическими глазами. Имеет ли это какое-то отношение к тому факту, что скарабей (символ воскресения) на бронзовой статуэтке кошки из коллекции Гейера Андерсона тоже располагается посреди лба (ил. 3)? Не служит ли эта кошка символом всего того, чем может стать человек, — преобразованным участником высшего видения?

Египетская богиня Сехмет была Великой Кошкой и иногда звалась «Мау»; тысячи памятников Древнего Египта изображают ее с таинственной кошачьей головой (ил. 11). Мифология Сехмет, как и ее сестрицы Бубастис¹, связана с огнем; ее называют «огненной» и «львиной», богиней огня и львиц. Именно она с помощью огня² уничтожила змея зла Апопа, который был владыкой

¹ Обычно Бубастис — греческое название египетского города Пер-Бастет, расположенного в дельте Нила, где был храм богини Баст.

² Ошибка автора. Победителем змея Апопа является бог солнца Ра, иногда — в образе рыжего кота.

сил тьмы, египетским аналогом зороастрийского Ангро-Майнью и прототипом европейского Сатаны. Нападая на Апопа, Сехмет тем самым становится на сторону ангелов; она связана с Луной — спутницей Земли, в ранних астрологических текстах именуемой владычицей женщин и кошек¹.

Поэтому неудивительно, что в культуре, где видное место занимала столь влиятельная богиня-кошка, как Сехмет, должна была существовать и система запретов и верований, защищавшая кошку и обеспечивавшая ей уважение. Благодаря этому, вероятно, появились первые домашние кошки, распространившиеся из Египта (и, скорее всего, гораздо раньше, чем принято считать) по Европе и всему остальному миру. Кошка пользовалась таким почетом, что египтяне мумифицировали тела своих домашних любимцев, словно те были святыми. В XIX веке в Бени-Хасане было обнаружено кладбище с пятьюдесятью тысячами мумий кошек; то, что оно было разграблено, а мумии уничтожены, — ужасная потеря для нашей археологии и естественной истории.

Другое свидетельство почти суеверного трепета, окружавшего кошку в Древнем Египте, — обычай сбривать брови всем обитателям дома, в котором умерла кошка. Брови удаляли не просто в знак того, что домочадцы лишились питомца, но и в качестве акта симпатической магии, поскольку мягкие волоски бровей напоминают шерсть умершего зверька и изогнуты в виде полумесяца, древнего лунного символа.

В Египте кошка была лунным символом, посвященным богине Исиде, поэтому изображение кошки иногда помещали на сестре, который богиня держит в руках. Оккультист XIX века Джеральд Мэсси пишет: «Глаз кошки <...> следует лунным фазам в росте и ущербе; очи ее сияют двумя звездами во мраке ночи». Это соответствие иногда приводят как объяснение легенды о том, как лунная богиня Диана приняла облик кошки, чтобы спастись от сексуальных домогательств Тифона. Однако истина в том, что

¹ Ошибка автора. Сехмет никак не связана с лунным символизмом. Напротив, она является богиней палящего солнца и его разрушительной силы и изображается с солнечным диском на голове.

Диана и Исида (от которой произошла Диана¹) были важнейшими лунными богинями, поэтому их обеих, естественно, связывали со священным образом кошки.

Форма анха (иероглиф «ру») и око Уаджет — не единственные кошачьи символы в египетском искусстве. Многие традиции применения магических камней-«гамалей» в средневековом оккультизме происходят из египетских верований в магическую силу кошачьего глаза. Само существование камня «кошачий глаз» (иногда называемого на латыни «*cati oculus*», иногда — на греческом «*pledopoly*») совершенно неудивительно, поскольку многие магические камни так или иначе связывались с персонажами бестиариев: жабий камень, орлиный камень, ласточкин камень, петуший камень — все они присутствовали в магической фармакопее Средних веков, и каждый обладал особыми свойствами и незримыми, но могущественными узлами был связан с существом, имя которого носил.

Во многих средневековых руководствах по камням «кошачий глаз» упоминается в качестве действенного амулета, способного защитить своего носителя от всякого злого колдовства. Египтолог Уоллис Бадж² сообщает, что арабы считали этот камень средством, делающим воина невидимым на поле битвы, а в некоторых регионах мужчины, отправляющиеся в долгое путешествие и сомневающиеся в верности жен, заставляли их выпить молоко, в котором омывали камень «кошачий глаз». Такой магический напиток должен был не столько обеспечить верность супруги, сколько исключить возможность появления детей от гипотетического адюльтера.

«Кошачий глаз» — камень с переменчивым блеском. Его часто путают с желто-зеленым полудрагоценным камнем под названием «хризоберилл»; кроме того, его не всегда бывает легко отличить от тускло-красного камня с белой отметиной, не без оснований считающейся символом кошачьего зрачка. Эта разновидность камня редко используется в качестве амулета, так как обладает дурной

¹ С исторической точки зрения теория происхождения мифологемы греческой Артемиды (и тем более римской Дианы) от египетской Исиды несостоятельна.

² Эрнест Альфред Уоллис Бадж (1857—1934) — английский востоковед и археолог.

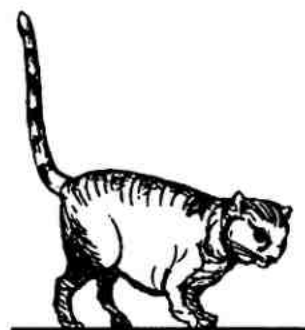

Ил. 12. «Кошки и воробьи». Фрагмент живописи по шелку. Пьон Санг-Бьок, дворец-музей Дуксоо, Сеул

репутацией. Некоторые авторы утверждают, что с ней работают те, кто стремится посеять раздор между людьми.

Применение кошачьих глаз в магических целях отнюдь не ограничено древностью. Их необычная лунная форма используется даже в современном искусстве мультипликации. Когда художнику-мультипликатору нужно максимально очеловечить животное, он делает его глаза как можно более похожими на человеческие. В случае с кошкой это представляет определенную проблему, и обычно художники делают выбор в пользу круглого человеческого зрачка, а не щелеобразного кошачьего. Как и большинство карикатурных или мультипликационных кошек, Том из знаменитого мультсериала «Том и Джерри» является счастливым обладателем человеческих

глаз. Но когда его нужно представить в особо зловредном настроении, художник тут же рисует ему обычные кошачьи зрачки-щелочки, и его морда становится почти демонической.

Этот художественный прием изобретен не сегодня. Многие художники-анималисты склонны очеловечивать кошачьи глаза, особенно когда изображают хороших маленьких котят. Превосходный пример — кошачья идиллия XVIII века кисти Пьонг Санг-Бьока (ил. 12), изображающая двух кошек на охоте за воробьями. Это настоящий шедевр с точки зрения передачи волнообразной кошачьей пластики и текстуры шерсти. Зрачки «хорошенького котенка», застывшего перед прыжком на дерево, весьма показательны очеловечены.

Кошка — самый популярный из всех лунных символов, а ее глаза наглядно выражают присущую ей энергию — творческую и возрождающую. Через узкие щелки кошачьих зрачков дух истекает на земной план, пронизывая материю той лунной силой, которая у неразвитых душ вызывает лунатизм, а в более восприимчивые вдыхает поэзию и тягу к искусству. В самых разных традициях глаза кошки символизируют двойственность демонической тьмы и духовного света.

Эта причудливая двойственность находит выражение уже в комплексном символизме священной кошки в Древнем Египте. Согласно древним папирусам, ставшим доступными благодаря переводам Уоллиса Баджа, голова кошки ассоциируется с богом Ра, а ее глаза — со змееподобным уреем (что снова приводит на память буддийскую легенду о змее и кошке, отказавшихся оплакивать кончину Будды). Носом кошки управляет обезьяноголовый Тот (это напоминает уже средневековую легенду о том, что первыми двумя животными, сотворенными Луной, были кошка и обезьяна). Кроме того, кошка обладает ушами Неб-ер-чера, устами Тэма, шеей Нехеб-ка, грудью Тота, сердцем Ра, животом Осириса, бедрами Менту, ногами Кенсу, лапами Амона-Хора, ляжками Хора, пятками Ра и чревом Мех-урит¹. Каждое из

¹ Огласовки имен египетских божеств по Уоллису Баджу, до сих пор иногда используемые в западной египтологии, считаются устаревшими, а зачастую просто неправильными. *Неб-ер-чер* («Владыка до самого крайнего предела») — бог-творец, возможно в образе скарабея-Хепри; возможно, одно из имен Осириса. *Тэм* — Атум, также бог-демиург. *Нехеб-ка* — Нехебкау — зме-

этих соответствий хранит свои собственные магические тайны, и даже без дальнейшего подробного рассмотрения ясно: в теле кошки нет ни одной части, которая не была бы божественной. И все же самое могущественное в этом удивительном существе — глаза, волшебные врата, через которые лунный дух воображения находит себе путь в земной мир.

еголовое божество, спутник и защитник солнца в ночном плавании через Дуат. *Менту* — Монту, божество войны, принадлежавшее к солнечному кругу и отождествлявшееся с Ра и с Хором. *Кенсу* — Хонсу, сын Амона и Мут, божество луны. *Мех-урит* — Мехетурет, персонификация рассветной области неба в виде небесной коровы.

Глава 2

Магическое имя

От «киски» к «кошке»;
Кот в сапогах
или Chat Botté;
Гримаалкин;
«проклятые шаюхи»
Реджинальда Скотта;
Арчи и Мехитабель;
кошачьи камни
и кошкнн колыбелька;
Маху и Мау;
коты и гааки;
мэнские котята;
кошки-рыболовы
и леопардовые кошки;
ягуары и тигры;
Палласов кот;
кот-скрипач;
кошка в геральдике.

К

ак и в любой тайной вещи, в самом названии кошки — и даже в некоторых кошачьих именах собственных — заключена магия. Многие из этих имен и названий проливают свет на оккультную природу их владелицы, а потому нам стоит взглянуть на них пристальнее. Оба наших современных популярных наименования кошки выдают ее происхождение — как с исторической, так и с магической точки зрения. Слово «puss»¹ почти наверняка произошло от египетского «Пашт» — одного из имен богини Бастет, упоминания о которой вы еще не раз встретите на страницах этой книги. Простое слово «cat» пришло в Британию вместе с домашней кошкой — то ли с римскими legionами, то ли с монахами, принесшими на острова христианство. Римляне называли кошку «felis»; это слово имеет общий корень с «felix» — добрым, благоприятным знамением при магической дивинации. Но когда кошка в Риме обрела популярность в роли крысолова — конкурента горноста, — ее, как и горностая, стали звать «catta», возможно, от нубийского «kadis». Это слово египетского происхождения, возможно, послужило производным для всех европейских названий этого животного — от уже упоминавшегося английского «cat» до итальянского «gatto» и русского «кошка».

Магические имена живут в бессознательном, и интересное отражение этого — тот факт, что даже сегодня мы подзываем кош-

¹ Англ. «киса».

ку именем египетской богини «puss»¹, а не римским «cat». Ни одна уважающая себя кошка на такое имя не отзовется, если, конечно, вы при этом не будете завлекательно греметь кормушкой. Известна шуточная этимология, возводящая «puss» к псевдофранцузскому «le puss», что, в свою очередь, якобы произошло от латинского слова «lepus», означающего «заяц». Это, конечно, забавно, но все же вплоть до XVIII века в Англии словом «puss» называли и кошек, и зайцев. Причиной тому вполне могло послужить поверье, что ведьмы превращаются в зайцев. Этих зверьков иногда считали ведьмовскими фамильярами (как и кошек), а иногда — самими ведьмами во плоти, принявшими облик животного. Этот предрасудок был настолько распространенным, что на пике английских судов над ведьмами некий фермер с севера заявил: если по вашему полю бежит заяц, можете быть уверены — это ведьма торопится на шабаш.

Судя по материалам этих процессов, не менее подозрительно относились и к кошкам, невинно спящим у огня или сидящим на крыльце хозяина. Это были не милые киски, а бесенята или демоны. Старые улочки Кингс-Линна, что в Норфолке (в XVII веке этот городок пользовался дурной славой местного центра ведовства), нам с вами покажутся мирными и безобидными, но когда-то в любой пробегающей по ним кошке видели самого дьявола. Документы судебных процессов над ведьмами свидетельствуют, что, например, у жителей деревни Сибл-Хедингэм, расположенной к северу от Челмсфорда, не возникало никаких сомнений, что бродящая из дома в дом кошка — замаскированный демон, а на судебных слушаниях дел по обвинению в ведовстве кошку называли не иначе как «Sathan»², что немногим отличается от Сатаны, которому она, предположительно, служила.

Кот в сапогах, горделиво расположившийся у подножия бюста Шарля Перро в парижском саду Тюильри (см. цветную ил. 6), похож не столько на кота, сколько на пирата. Он отлично одет (я бы сказал, *слишком* одет) и чрезвычайно уверен в себе; он, судя по всему, прекрасно понимает, что происхождение его уходит да-

¹ Русскому «кис-кис» соответствует английское «kitty-kitty» или «puss-puss».

² Ср. «Sathan» и «Satan».

леко во тьму веков и в глубины мистической мудрости. В своем захватывающем труде о тайнах соборов Фулканелли¹, не понаслышке знакомый с эзотерическим символизмом, указывает, что на самом деле сказочный Кот в сапогах — персонаж оккультной традиции.

Он пришел во французскую литературу из новелл итальянца Страпаролы², сменив имя на Chat Botté³ и представ в образе хитреца, раздобывшего своему хозяину-бедняку невесту-принцессу и недурное состояние. В этой сказке заключено скрытое послание; в ней прослеживается символизм кота как олицетворения бессознательной силы человека, обладающей гораздо большей мудростью и способностью слышать зов судьбы, чем та, что присуща сознательному разуму. Бессознательное, как и кошка в оккультной традиции, ассоциируется с силой луны. Даже в наше время в популярных книгах по астрологии Луна в гороскопе связывается с бессознательной сферой или подсознанием, то есть с теми силами, действие которых скрыто от света разума. Жизнерадостный Кот в сапогах — это та бессознательная мудрость, которая способна вознести глупого хозяина из крестьянской реальности в идеальный мир королей и королев, помочь ему отыскать свою принцессу и взять ее в жены. Об этом итало-французском коте мы поговорим поподробнее чуть позже, но уже сейчас следует отметить, что та же тема фигурирует во множестве самых разнообразных сюжетов и мифов и до некоторой степени отражена в ежегодно разыгрываемых у нас пантомимах о том, как Ричард Уиттингтон стал мэром Лондона и женился на дочке своего богача-хозяина не без помощи верного кота. Кроме того, «Chat Botté» — словосочетание, на тайном «зеленом языке» оккультистов связанное с французским «chabot» или «sabot» — волчком. Есть данные, что в Средние века у мальчишек-хористов был ритуал, связанный с этой игрушкой: они гоняли кнутиком такие волчки по нефам собора во фран-

¹ Фулканелли — псевдоним известнейшего алхимика XX века, автора книг «Тайны готических соборов» и «Философские обители». Подлинная его личность не установлена до сих пор.

² Джованни Франческо Страпарола (ок. 1480—ок. 1557) — итальянский писатель, автор сборника «Приятные ночи». Отдельными его новеллами пользовался впоследствии Шарль Перро.

³ Кот в сапогах (фр.).

цузском городе Лангре, называя это «бичеванием Аллилуйи». На плоской поверхности волчка был вырезан или нарисован краской крест или буква «тау», часть анха; связь его символизма с кошкой мы уже обсуждали.

Подобные обычаи и процессии были довольно распространены в Лангре; самый известный из них — «Пир Дураков» с его Чокнутой Мамашей (возможно, послужившей прототипом Матушки-Гусыни Шарля Перро). Они оставили нам в наследство множество интересных слов и символов, сохранившихся в искаженном виде в волшебных сказках или зашифрованных в тайном символическом языке церковного декора с его горгульями и мизерикордами. Не случайно у нескольких горгулий Лангрского собора усатые кошачьи мордочки. Не в этом ли причина бытующего в некоторых общинах (и ныне исчезающего) табу на произнесение слова «кошка» вслух? И не потому ли столь любимые моряками черные кошки никогда не упоминаются на борту корабля прямым текстом, а только лишь при помощи эвфемизмов?

Даже личные кошачьи имена хранят оккультные тайны. В прежние времена старым кошкам часто давали имя Грималкин — особенно если они выглядели достаточно зловеще, чтобы их можно было считать чертенятами. Считается, что имя это происходит от сочетания слов «grey»¹ и «malkin», где последнее — уменьшительная форма женского имени «Матильда», которое в переносном смысле служило названием неопрятной бабы, пугала или гротескной куклы. Любопытно, что то же самое имя часто давали языческой Майской королеве, образ которой несет в себе явственные обертоны «старой веры», или ведовства.

Доротея. Ты капюшон надень
И осторожно, верно и внезапно
Прими обличие порядка и приличья
Не то возьмешь ты в жены Малкин, леди мая... —

¹ «Серый» (англ.)

...пишут Бомон и Флетчер в своей пьесе «Месье Тома» (II, ii). Позднее вместо «Матильда» или «Малкин» стало употребляться распространенное в народе имя Мэрион, так как «леди мая» — это всего лишь деревенская девушка, возведенная в сан Майской королевы. Со временем Майская королева отождествилась с девицей Мэрион, возлюбленной Робина Гуда, а имя «Малкин» вошло в традицию танцев Моррис, хотя роль Малкин в них обычно достается переодетому мужчине. А к тому времени, как Шекспир написал свою ведьмовскую пьесу «Макбет», имя Грималкин стало практически нарицательным для фамильяра. «Иду, Грималкин», — говорит Первая ведьма, следуя к месту шабаша за кошкой, в которой любой англичанин елизаветинской эпохи без труда распознал бы замаскированного демона.

• *Первая ведьма. Иду, Грималкин!*
Все вместе. Жабы зов¹.

Может быть, Пэддок — тоже имя кошки? Нет, потому что «paddock» — уменьшительная форма англо-саксонского слова «pad», означающего жабу. Выражение «as cold as a paddock» в наши дни понимается как «холодный, как открытое поле», но в действительности оно означает «холодный, как жаба». Реджинальд Скотт, писавший в XVI веке о ведовстве в надежде разоблачить хоть какие-то из его заблуждений, указывает, что жаба — второй по популярности фамильяр среди ведьм:

Некоторые утверждают, что держат при себе дьяволов и духов в обличье котов и жаб. <...> жаба — существо особое, ее безобразная внешность принимается за знамение удачи, и потому некоторые суеверные ведьмы держат жаб за фамильяров.

¹ Слово «paddock» (см. ниже) означает выгон, поле, пастбище, но также и жабу.

В русском переводе М. Лозинского:
Первая ведьма. Иду, Царапка!
Все три вместе. Жаба кликнула. — Сейчас!

В переводе Б. Пастернака:
Первая ведьма. Мурлычет кот, зовет. Иду!
Третья ведьма. Зов жабы слышу я в пруду.

Кошка и жаба, таким образом, оказываются двумя излюбленными ведовскими фамильярами. Ужасный царь демонов Базль изображался трехголовым: посредине располагалась человеческая голова, с одной стороны от нее — голова жабы, а с другой — кошки. Я всегда задумываюсь, не было ли случаем у Шекспира перед глазами изображения Базля, когда он писал процитированные выше строки о коте и жабе из эффектного пролога к «Макбету»?

Скотта чрезвычайно интересует, почему пользующийся самой дурной славой судья ведьмовских процессов XVI века, Жан Боден, был так уверен в том, что все кошки суть ведьмы, сменившие обличье. По этому поводу он замечает не без иронии:

Превращениям ведьм в кошек [Боден] не приводит никаких причин, а между тем все потому <...> говорю я, что ведьмы — проклятые шлюхи и часто царапают лица друг другу или соседям. Потому-то время от времени они и превращаются в кошек. Мне, однако, удалось поставить в тупик добрых два десятка охотников за ведьмами при помощи простого вопроса: «Если ведьма может превратить женщину в кошку, то может ли она также превратить и кошку в женщину?».

Мы же мимоходом порадуемся прелестному выражению Скотта: «Ведьмы — проклятые шлюхи». Он был превосходным книжником и, без сомнения, прекрасно знал, что кошку некогда любили и почитали как Царицу Небесную¹, даже если и не был вполне осведомлен об особенностях египетской традиции поклонения богине Баст. Именно от этой царицы произошла Майская королева, а от нее, в свою очередь, и Мэрион, и Грималкин. Так ходят кругами слова, скрывая в своих метаморфозах тот факт, что кошка есть падший дух небесный.

Позже мы рассмотрим более глубокое значение традиционного портрета котоглавого Базля, ибо, в соответствии с эзотерическим символизмом, левая сторона демона холодна (как можно было бы ожидать по ассоциации с жабой), а правая — тепла или даже горяча. Связь кошки с жаром восходит непосредственно

¹ Игра слов «queen» (королева) и «queane» (проститутка, распутница); ср. современное обозначение выступающего в кабаре трансвестита — «drag queen».

к Древнему Египту, где Сехмет с головой кошки была богиней огня¹. Даже изображения демонов-кошек (см. цветную илл. 7) не заставляют нас забыть, что животное это некогда почиталось как богиня.

Некоторые наши современники тоже помнят о египетском происхождении кошки. Об этом свидетельствует, в частности, очаровательное стихотворение Дона Маркиса о кошке Мехитабель и ее приятеле Арчи, бывшем некогда поэтом-верлибристом, а ныне обреченном влачить жалкое существование в теле таракана. Имена эти на самом деле следует писать со строчной буквы — «мехитабель» и «арчи», так как стихотворения были написаны самим арчи на пишущей машинке: он поочередно прыгал на клавиши. Увы, ему не доставало сил, чтобы оперировать рычагом смены регистра, и потому заглавных букв он не использовал. Скорее всего, в век текстовых процессоров арчи превратился бы в Арчи, но тогда потерялась бы добрая половина всей прелести его поэзии.

А та самая мехитабель (со строчной буквы) твердо верит в реинкарнацию и утверждает, что некогда обитала в Древнем Египте в теле Клеопатры. Весьма соблазнительно принять это за обычную юмористическую отсылку к египетской родословной домашней кошки (которой на самом деле и являлась мехитабель, что бы она там о себе ни думала), но выбор имени здесь вызывает особый интерес из-за его структуры. Если убрать заглавную «К», получим:

леопатра или *лео патра*,

что очень близко к латинскому «*Leo Patria*», «родина львов». Кроме того, из целого слова «*CLEOPATRA*» легко извлекаются *LEO* и *CAT*, а также оно содержит более чем прозрачный намек на *LEOPARD*². Возможно, мехитабель была далеко не так проста, как хотела казаться, поскольку выбранное ею для предыдущей жизни имя указывает одновременно и на древность происхождения

¹ См. примечание на с. 37.

² Лат. «лев»; англ. «кошка», «леопард».

домашней кошки, и на самых могущественных ее современных родственников.

И даже простое слово «кошка» — не всегда то, чем кажется. В нем просматривается связь с древними стоячими камнями, каирнами и скальными формациями, как, например, Кошачий камень возле Блэксоун-Эдж в Ланкашире. Впрочем, это название, вероятнее всего, имеет отношение не столько к кошачьему роду, сколько к старому слову «cot», означающему место обитания. Точно так же и шотландские «кошачьи камни» не связаны с кошками: название восходит к кельтскому «*cath*», означающему битву. Замечательные образцы таких камней можно найти в Кирклистоне (Западный Лотиан) и Кингсинхе; еще один превосходный Кошачий камень и связанные с ним окаймленные камнями захоронения располагаются неподалеку от Эдинбургского аэропорта.

Что до популярной детской игры на пальцах, обычно называемой «кошачьей колыбелькой», то она, скорее всего, тоже не имеет отношения к кошкам. Некоторые специалисты высказывают догадку, что «cat» в данном случае — всего лишь искажение глагола «catch»¹, который, в свою очередь, восходит к французскому «*càtche*», то есть «*manger*» («есть»). Связь между этой игрой и магией подтверждает Джеймс Фрэзер в своей «Золотой ветви». Он сообщает, что мальчикам-эскимосам запрещено играть в нее, чтобы в будущем их пальцы не запутывались в стропах гарпунов.

Некоторые личные кошачьи имена, которые до сих пор используются, имеют весьма древнее происхождение. Так, имя Маху, которым Шекспир называет одного из демонов в «Короле Лире»² почти наверняка восходит (по демонологической линии) к египетскому «*Maui*» — одному из имен богини Баст. Это имя присутствует и в пьесе сэра Джона Саклинга «Гоблины»: там его носит сам дьявол. Оно напоминает о тесной связи кошки с темой упадка древних богов и богинь, ставших демонами в Писаниях христиан. Что касается Шекспира, то не одна ли это из его двой-

¹ «Ловить» (англ.).

² Эдгар. Ведь князь потемок — тоже дворянин; Модо зовут его и Маху (Акт III, сцена 4, пер. Б. Пастернака).

ных шуток? Ведь Маху превращает в ад жизнь «бедняги Тома», а даже в те времена «Том» было именем нарицательным для кота. В современной культуре оно увековечено в названии жизнерадостного мультсериала «Том и Джерри». Скрытый же подтекст шекспировской шутки состоит в том, что кошка (Маху) портит жизнь коту (Тому).

Преподобный Брюер в своих штудиях фактов и вымыслов, в одном из самых очаровательных лирических отступлений, указывает, что, когда два имени — Том и Джек — противопоставляются друг другу, то

Джек всегда будет сообразительный, хитрый, деятельный парень, а Том — честный дурень. Никому в голову не придет называть тупоголового котяру Джеком, а нахального, пронырливого, вороватого галчонка — Томом. Первый из них всегда Том, а второй — Джек¹.

Брюер отнюдь не был оккультистом и во многом неверно понимал историю магии, но тем не менее в этом наблюдении он вольно или невольно подошел к самому порогу тайного знания о звуках. В поддержку своей точки зрения он цитирует коротенький фрагмент стихотворения Коупера, но поскольку он не мог знать более подходящего по смыслу «Кота Эсфири» Теда Хьюза, я приведу здесь пару строк и порекомендую любителям кошек прочесть целиком все это прекрасное стихотворение, доводящее характеристику Томовой природы до полного совершенства:

Весь день сей кот лежит простерт,
Что старый половик — ни глаз, ни рта.
Как орды войн и жен все уши изорвали
И истрепали голову ему!

... Вскочил, и легок шаг
Его во сне; рассудок устремлен к луне.

¹ В английском языке «tom-cat» и «tomcat» — кот; «jack-daw» и «jackdaw» — галка.

В ночи над круглым обиталищем людей,
Над крышами летят и взгляд его, и вопль.

Пока мы говорим о кошачьих именах, уместно было бы задаться вопросом, какие символы и мифы связаны с мэнской кошкой? И как эта своеобразная бесхвостая кошка вообще попала на остров Мэн? Одна из гипотез гласит, что пришла она с Тибета, где служила храмовым стражем, подобно китайской собачке фу (в родословной которой, если судить по экстерьеру, кошачьи предки смешались с драконьими). Каким-то образом эта тибетская кошка нашла дорогу в Испанию и попала на борт одного из галеонов Великой армады, который в свое время затонул у берегов острова Мэн. Кошка, не иначе, спаслась с тонущего корабля и доплыла до земли. Этот захватывающий приключенческий роман в целом ничуть не хуже любого другого объяснения тому, как на острове появилась бесхвостая кошка, хотя гораздо более вероятно, что ее завезли непосредственно из малайских джунглей и по происхождению она не более «мэнская», чем священная бирманская порода — уроженка Бирмы. Но, как бы там ни было, существует немало других интересных — и совершенно игнорирующих историю — версий происхождения мэнской кошки. По свидетельству Оливии Мэннинг, на самом острове Мэн рассказывают, что когда-то у мэнских кошек хвост был, но ирландские солдаты воровали их котят и отрывали им хвостики, чтобы сделать из них магические талисманы для своих щитов; и тогда мамы-кошки сами пооткусывали детям хвосты, чтобы остановить бессмысленную бойню.

На самом деле все имена таят в себе магию или по меньшей мере некоторым образом с ней связаны, так что, надеюсь, вы простите мне рассмотрение одного-двух названий диких кошек, которые мне особенно симпатичны. Азиатская леопардовая кошка, как о том и говорит ее имя, несколько крупнее домашней и обладает характерной узкой мордой с двумя светлыми полосами, идущими от внутренних уголков глаз, и такими же на щеках, словно она нанесла себе боевую раскраску, отправляясь на охоту. У большинства представителей вида шкура испещрена темными

пятнами, которые и привели их на страницы магических гримуаров. В Китае этого зверька зовут «денежной кошкой», или, более поэтично, «драгоценной металлической кошкой» (*чин чьен мао*), поскольку считают, что пятна похожи на монеты. Третий из элементов имени — ономатопоэтическое «мао» — означает кошку и снова приводит на память египетский культ. Существует ряд прелестных китайских присловий о природе и свойствах домашней кошки. Действовать можно «нежно, как кормящая кошка»; ложное сочувствие характерно для «кошки, оплакивающей крысу»; а если власти договорились с преступниками — это «кошка и крыса спят вместе».

Кошка-рыболов, тоже родом с Востока, ничуть не боится воды: она бродит по мелководью и преспокойно плавает в поисках рыбы. Имя ее пришло из Бенгалии — *мах-баграль*; европейские натуралисты долго не могли поверить, что она любит воду. Однако рыбной ловлей таланты кошки-рыболова не исчерпываются. Гуггисберг приводит слова миссионера с Малабарского побережья, утверждающего, что временами она ворует и пожирает маленьких детей: «История эта была встречена недоверчиво, но Стерндэйл как-то раз тоже слышал об убитой в Джайпуре дикой кошке, которая пыталась украсть четырехмесячного младенца. Он полагает, что из всех кошек размером меньше леопарда на такой поступок способна только кошка-рыболов. Ребенка, к счастью, удалось отнять живым». Добавим, что и некоторые другие дикие представители кошачьего рода относятся к воде положительно: тигры, судя по всему, получают от нее подлинное наслаждение, а леопарды недурно плавают.

Долгое время натуралисты считали, что название «ягуар» для вида *Panthera onca* произошло из языка группы тупи-гуарани, распространенного в Амазонском регионе, а именно от слова «ягуара», якобы означающего «дикая тварь, прыжком нападающая на свою жертву». Однако недавние исследования показали, что слово «ягуа» означает собаку, и, следовательно, вышеприведенный перевод — не более чем плод воображения. Современное название тигра имеет гораздо более благородную этимологию: утверждают, что оно происходит от древнеперсидского «тигри» — «стрела». К

началу Средних веков слово «тигр» стало означать также «полосатый» — и на этом примере можно наблюдать, как работает магия слов: от полета стрелы, давшего имя еще и быстротекущей реке Тигр, до полосатой ткани в лавке купца XIII века. Живые тигры попали в Европу в результате завоеваний Александра Македонского: одного тигра подарил народу Афин кто-то из военачальников. Тем из них, кто вынужден был познакомиться с римлянами в начале нашей эры, повезло меньше: многие из этих величавых кошек пали жертвами гладиаторских боев и охоты, которую устраивали на аренах на потеху публике. Даже в III веке они оставались редкими чудовищами, но утверждают, что император Элагабал¹ отметил свою свадьбу убийством более полусотни тигров за одно представление. Тиграми же была запряжена его триумфальная колесница, на которой он изображал Бахуса. Китайцы назвали бы это «наступать на хвост тигру». Пороки и эскапады Элагабала, среди которых развлечения с тиграми были лишь одним из эпизодов, привели к тому, что преторианская стража убила его, а искалеченное тело вышвырнула в Тибр. История упадка и низвержения порочного императора всегда доставляла мне глубокое удовлетворение: ему хватило безрассудства, чтобы заключить символический брак с сирийской лунной богиней Астартой², чей образ специально для этого доставили из Карфагена. Глуп человек, насмехающийся над богиней луны и убивающий посвященных ей созданий!

Даже Нерон был мудрее Элагабала: одна тигрица, сражавшаяся на римской арене, так покорила его, что он нарек ее Фебой и держал в золотой клетке в садах своего Золотого дома. Нерон, конечно, был сведущ в магии: он прекрасно знал, что «Феба» — одно из имен Луны, и понимал, что человек, балансирующий на грани помешательства (как он в то время), должен с почтением относиться к богине, властвующей над безумием.

¹ Цезарь Марк Аврелий Антонин Август по прозванию *Элагабал* (эллинизированный вариант — Гелиогабал) — римский император с 218 по 222 г., известный своими излишествами. Насаждал в Риме культ сирийского солнечного бога Эль-Габала, который и был ритуально обвенчан с карфагенской богиней луны Танит (см. ниже).

² *Астарт* — греческое прочтение имени семитской богини, культ которой имел самое широкое распространение в регионах вокруг Средиземного моря. В них она известна под разными именами, в том числе Иштар, Атаргатис, Анат, Анахита и др.

К числу самых прекрасных римских мозаик исследователи относят те, которые были обнаружены в 1779 году на полах виллы императора Адриана в Тиволи. На одной из них изображена битва тигров, львов, пантер и кентавров. На переднем плане тигр терзает упавшего кентавра, но вот-вот будет сокрушен камнем, который собирается бросить в него другой кентавр. Сцена эта обладает занятным двойным смыслом, ибо кентавр был символом той демонической и неприрученной низшей природы человека (которую мы ныне могли бы назвать бессознательным), той определенно бестиальной его части, избавиться от которой он так или иначе не может. Здесь же на эту дикую и неприрученную часть нападают столь же дикие и опасные кошки внешнего мира.

Впервые услышав о Палласовом коте¹, я решил, что это название может открыть широкий путь в непознанное в мифологии, так как Паллада — одно из имен богини Афины, облеченной древней мистериальной мудростью. Что же такого особенного в этой дикой кошке, если даже имя связывает ее с эзотерической традицией? Увы, никакой тайны в этом названии не оказалось, так как произошло оно от фамилии Петера Симона Палласа, в XVIII веке обнаружившего этого зверя в России. И все равно магия имен не отпускает меня, ибо глаза манула велики и смотрят на мир не мигая, словно совиные. Глядя в лицо такому созданию, невольно представляешь отрастившую четыре лапы сову. Интересно, что священным животным Паллады была именно сова, ставшая практически символом города, которому богиня подарила свое имя². Может, и у имен есть судьба, и они сами выбирают себе носителей, а вовсе не наоборот, как мы привыкли думать?

Образный ряд, ассоциирующийся со стишком «Кот и скрипка», не оставляет сомнений в тесной связи этого музыкального инструмента с кошачьим родом. Образы стишка давно уже вышли за рамки детской поэзии и подарили нам не только популярное название для таверн, но и традиционную их вывеску. Сопоставление двух столь несхожих между собой объектов иногда объ-

¹ Pallas's cat — манул (*Felis manul*).

² То есть города Афины.

ясняется тем, что скрипичные струны делаются из кетгута, хотя, несмотря на название, этот материал не имеет к кошкам ни малейшего отношения¹. И все же, как и многие другие образы детской поэзии, кот со скрипкой имеет свою тайную историю: изображения играющих на скрипке котов можно найти в средневековой церковной архитектуре. Некоторые исследователи полагают, что слово «fiddle», скрипка, — это типичная средневековая двусмысленность, на тайном языке означающая «fidèle», по-французски — верного сторонника. Кот, играющий на скрипке, может восприниматься в демоническом ключе (кошка лунной демоницы Дианы) и показывать, как сатанинские чудища могут использовать как инструмент своей злой воли даже тех, кто достаточно тверд в вере. В наши дни намеки на это древнее знание можно обнаружить разве что в иллюстрациях к детским книжкам, хотя и в них буквально бросается в глаза, как часто в связи с кошками фигурирует луна — постоянное напоминание об утраченной истории имен. Что же касается старинных изображений и упоминаний кота со скрипкой, то, по всей вероятности, за образом животного в них скрывается совершенно иной смысл. Многие специалисты полагают, что в контексте церковного символизма слово «cat» представляет собой сокращение от имени «Екатерина», принадлежавшего святой мученице. Если они правы, то кошка со скрипкой оказывается символом «*fidèle Catherine*», сохранившей верность Христу до самого конца.

В геральдике кошка носит весьма интересное имя, тоже непосредственно связанное с игрой звуков. В ранних геральдических текстах кошку называли «*musion*» или даже «*leyzard*», но слова эти уже вышли из употребления. На геральдических щитах и прочих атрибутах можно обнаружить тигра (*tygre*, как пишется данное слово согласно правилам этой загадочной области символизма), кошку, дикую кошку, циветту и некую *горную кошку* (*cat of the mountains*), которую часто называют просто *catamount*². Рысь в геральдике изображается с кисточками на ушах и коротким

¹ Cat-gut или catgut (англ. дословно, «кошачья кишка»).

² В английском языке встречается как обозначение рыси, пумы, кугуара.

хвостом. Вероятно, самое известное изображение кошки в британской геральдике — герб города Ковентри (см. цветную ил. 8): мы бы сказали, что это именно кошка, но в древние времена, судя по всему, считалось, что на гербе изображен леопард. Латинский девиз этого щита, «Палата принца», как утверждают, некоторым образом связан с Черным принцем¹, имевшим особые отношения с этим городом в XIV веке. В дальнейшем мы встретимся с этим принцем еще раз, когда речь пойдет о его скульптурном портрете, сохранившемся в Кентербери (см. главу 3).

Некоторые историки считают, что изображавшиеся на гербах «английские львы» первоначально являлись леопардами, а первым королем, носившим трех золотых леопардов на алом поле, был Ричард I. Здесь, однако, нужно сохранять осторожность, так как геральдика — поистине темный лабиринт; древнее геральдическое наименование леопарда (*leopard*) служило техническим обозначением фигуры «*lion passant guardant*»². А из средневековых текстов можно узнать, что леопард есть плод соития льва и *паргуса* — черной пантеры, не имеющей на шкуре ни одной светлой отметины.

Три леопарда чистого золота на алом, бегущие, яростные, горделивые и жестокие, дабы показать, что король, подобно им, ужасен для врагов своих, и немал укус его для всякого, кто вызовет его гнев...

говорится в геральдическом свитке, датированном 1300 годом. Весьма вероятно, что первым атрибутом с изображением льва, принятым английскими королями, была печать Генриха I с одним львом, которую кое-кто принимал за знак исполнения пророчества волшебника Мерлина, упомянутого Гальфридом Монмутским, — о том, что грядет «лев правосудия». Еще один след древней магии — «леопардова голова», она же «королевская марка», встречающаяся иногда на пробированном серебре: выглядит она как голова кота, но на самом деле является львиной.

¹ Черный принц — Эдуард Плантагенет (1330—1376), принц Уэльский, герцог Аквитанский, сын короля Эдуарда III. Он умер раньше отца и потому так и не взошел на престол.

² Лев, идущий с поднятой правой передней лапой, обращенный анфас.

Вся история Европы, и в особенности Франции, заключена в первой четверти этого щита, где красуются цветы лилии в лазурном поле, включенные туда Эдуардом III в 1340 году. Самый оккультный элемент этого разделенного щита — вовсе не зверь (будь то лев или леопард), а цветок. Лилия обладает особым оккультным смыслом, связанным с тайной рождения: согласно преданию, когда Гера кормила грудью младенца Геракла, молоко брызнуло на небо и превратилось в белые звезды Млечного Пути, а те капли, что пролились на землю, превратились в белые лилии. Однако некоторые оккультисты настаивают, что стилизованный цветок лилии — изначально вовсе не лилия, а пчела. Это та же самая пчела, которая присутствует на скульптурном изображении Дианы Эфесской и посвящает нас в самую суть герметического символизма. Пчелу нередко считают символом человеческого духа, обитающего в физическом теле; некоторые объясняют такую ассоциацию тем, что внутренняя температура улья равна температуре тела человека. В таком случае в чередовании четвертей щита — с пчелами и со львами-леопардами — можно усмотреть интересный эзотерический момент, ибо пчела правит человеческим сердцем. Нововведение Эдуарда III как бы вложило сердце в физическое тело. Этот гордый щит видел славу Азенкура; его несли елизаветинские моряки, сокрушившие корабли испанской армады. После Эдуарда III Англия была обречена стать великой державой будущего, взяв верх даже над Францией. Полевые лилии были не затоптаны, но собраны, дабы сотворить новый мир из старого.

Впрочем, таинственный символизм геральдической кошки чаще оказывается связан с литературной игрой слов, нежели с превратностями истории, ибо представители рода кошачьих (и далеко не всегда домашние) воцарялись на гербах и эмблемах многих семейств, в фамилиях которых присутствовало слово «cat». Так, кошки присутствуют на гербах родов Кит (Keat) и Кетли (Cattley). Китсы (Keats) выбрали себе тигра, а Киты (Keate) и Кэтреллы (Caterall) — рысь *пассант*. Герб Кейтсби (Catesby) украшает леопард, а Кэттонов (Catton) — две кошки *пассант* и *гуаргант* (идушие, обращенные анфас). У Кейтонов (Caton) из Бинбрука на гербе

нет изображения кошки, но они играют с ее именем в своем девизе: «Catus Metuit Foveam Lupus» («Бдительный волк силков остережется»). Известно и множество других девизов, содержащих игру слов и геральдические шарады, связанные с кошачьими. Известно много тайн, и в числе самых интересных из них — кошачья голова на памятнике Томасу Феррерсу (см. цветную ил. 9).

Глава 3

Священная кошка в литературе

И нет ни ссор, ни суеты,
Ни зависти меж нами.
И кот, и я увлечены
Любимыми делами.

...
Пытлив и скор, кот вперил взор
В нору, где мышь таится.
Мои ж глаза глядят всегда
На книжные страницы.

...
Сидим с котом мы за трудом,
Друг другу не мешаем,
Хоть занят я борьбой с грехом,
А кот — борьбой с мышами.

*«Пангур Бан», ирландское
стихотворение X века¹*

Р

читается, что после того, как христианство вытеснило древние религии, некоторые атрибуты египетских богинь Исиды, Баст и Сехмет были включены в образный и ассоциативный ряд Девы Марии. Это наглядно отражено в одной популярной легенде: в то самое мгновение, когда Мария родила Иисуса, в том же хлеву окотилась кошка. Иллюстрацией к этому преданию часто служат прелестные полотна, на которых ребенок Иисус играет с кошкой. Одна из самых знаменитых таких картин — «Мадонна с кошкой» XVI века (принадлежащая кисти Федерико Бароккьо), на которой

**«Кошка из халеса»;
кошка-оградул;
Иудины альбы;
тайны пшеничной кошки;
день Фрейи;
Книга из Келаса и
Монастербойский крест;
Ирушкан, кошачий царь;
отлученный кот
преподобного Хокера;
знак тампайеров;
Петр Пахарь;
портрет Черного принца;
кот де Оннекура;
магистрат Джорджа Уизера;
Дук Уиттингтон;
своа и кот;
и снова Кот в сапогах;
Чеширский Кот
и паламинское графство;
нарийский рыжий кот;
еще одна басня Злопа.**

¹ Оригинал текста, датируемый периодом VIII—X вв. и написанный на древнеирландском языке, был найден на полях монастырской рукописи в Рейхенау. Перевод на английский язык выполнен Робинот Флауэром (1881—1946), поэтом, специалистом по кельтской и англосаксонской культуре. Перевод на русский выполнен В. Заславским.

изображен маленький Иоанн Креститель, дразнящий кошку пойманной птичкой, чтобы развлечь Младенца Иисуса.

Во всей этой истории обнаруживается, как минимум, одна тайная символическая линия. Связанные с кошкой популярные суеверия того времени, ныне почти исчезнувшие, проливают некоторый свет на образ «кошки в хлеву». Так, судя по всему, бытовало поверье — без сомнения, скорее шуточное, чем серьезное, — что кошка рождает котят изо рта. Возможно, своим возникновением оно обязано общеизвестному зрелищу кошки, несущей в пасти котенка. Однако и в древнем мире верили, что кошки беременеют необычным образом — через ухо. И это снова отсылает нас к легенде о Деве Марии и ее кошке, так как в Средние века многие считали, что Богородица зачала Иисуса через ухо, внимая речам Святого Духа. Почти наверняка эта любопытная идея уходит корнями в понимание Христа как Логоса, святого Слова, исходящего из уст самого Господа Бога. Слово нисходит на землю, Дева слышит его и зачинает дитя. Сохранились картины и резные изображения, иллюстрирующие эту идею (обычно — через образ Святого Духа в обличье голубя, влагающего свой клюв в ухо Марии). Возможно, параллели между «кошкой в хлеву» и девственным рождением связаны с эзотерическими представлениями гораздо теснее, чем принято считать.

На ранних изображениях (где этот символизм читался легче и был многим понятен) художники обычно рисовали крест на шерсти «Иисусовой кошки», чтобы подчеркнуть ее христианскую природу. Но в классической мифологии есть сюжет, до некоторой степени параллельный христианской легенде и, возможно, даже послуживший ее источником. Аполлон создал льва как воплощение солнца в животной форме; тогда Диана, богиня луны, решила сотворить уменьшенную версию символического зверя — кошку. Вполне возможно, что эта легенда, первоначально благая, впоследствии послужила основой для прочной ассоциации кошек со злом, ибо и лунную богиню в христианские времена постигла злая судьба: она слилась с богиней ночи Гекатой¹.

¹ Геката в древнегреческой мифологии была, скорее, богиней зловещих ночных порождений, ночных занятий и границ между мирами. У ночи как таковой было свое божество — Нюкта (Никта, Никс).

Сверхъестественные силы кошки тоже далеко не всегда обладают демонической природой (см. главу 4), но, как и демоны с кошачьими головами, кошки, согласно поверьям, тоже способны видеть будущее и поступать в соответствии со своим предвидением. Самое распространенное «доказательство» кошачьей пророческой силы — вера в то, что кошка внезапно покидает дом, если знает, что живущий в нем человек скоро умрет. Вообще, образ кошки-оракула весьма древний. В Бирме почитали божественную Синх, кошку с золотыми глазами; жрецы поклонялись ей как обладательнице пророческих сил. Египетскую Баст, по некоторым данным, называли «Владычицей оракула». Кое-где в храмах кошек использовали для дивинации, но все же главным кошачьим пророком Египта был лев. Солнечный бог Хор изображался в виде солярного диска, обрамленного львами: слева помещался лев прошлого, а справа — будущего. Как мы уже говорили, эти языческие символы из тайной герметической мудрости проникли в христианское искусство в форме (не сразу опознанной историками искусства) львов или львиных голов на подлокотниках трона Девы Марии. Обычно этот символ толкуется как «лев Иуды», однако его интерпретация в связи с египетским символизмом представляется гораздо более осмысленной, так как связывает Деву и ее Сына с солярной силой, со «Светом», о котором говорится в Евангелии от Иоанна.

Египетская Исида, с другой стороны, ассоциировалась с отраженным сиянием полной луны, а связь ее с кошкой достаточно хорошо обоснована, чтобы побудить нас к поискам дальнейших параллелей между кошкой и Девой Марией. Символизм христианской Матери привнес в нашу культуру многие символы Исиды, аспектами которой были Баст и Сехмет¹. Вероятно, наиболее очевидная связь между Исидой и Марией заключена в символе зерна, которое ассоциировалось с ними обеими. Исидой называли в древности созвездие Девы, впоследствии связанное с Богородицей. Это объясняет, почему и Исиду, и Марию называли «Матерью зерна» — хотя эзотерический символизм

¹ Бубастис и Сехмет можно считать аспектами Исиды лишь при условии смешения Исиды и Хатхор, имевшего место в поздний период египетской истории.

здесь несколько сложнее, чем можно предположить на основе такого простого толкования. Известно множество живописных полотен и шедевров деревянной резьбы, изображающих Деву Марию в образе богини зерна — вплоть до платья с рисунком из колосьев. Еще более впечатляющий пример — изумительный триптих Гуго ван дер Гоеса¹ (XV век, галерея Уффици), где Дева поклоняется Младенцу, а на первом плане лежит на земле сноп колосьев. После знакомства с такими картинами начинаешь ощущать всю важность древних слов, связанных с зерном и одновременно с образом ребенка, например, ассирийского «бар», означающего одновременно и «зерно» и «сын». Вавилонская Дева (созвездие) несла в руках сноп пшеницы, являвшийся также и ребенком. Латинское слово «спика», обозначающее пшеницу в руках небесной Девы², эквивалентно греческому «стахис», означающему помимо зерна еще и потомство. Эта небесная богиня впоследствии отождествилась с рождающей сына Девой христианской мифологии. Именно в этом свете и следует воспринимать распространенных в аграрных ритуалах куколок из колосьев. Окультный символизм, окружающий христианскую Деву-Мать, трехступенчат: зерно отождествляется с Сыном, а Сын — с хлебом. Все эти ассоциации отражаются не только в связанных из соломы куколках, но и в почитании (а иногда и в принесении в жертву) кошек на праздниках урожая. Вот что пишет об этом Олдфилд Хауи³:

У этого Небесного Снопа, Spica Virginis⁴, порождения Девы, с древних времен была спутница — кошка-хранительница. Белая кошка-луна, очистительница ночи, рассеивающая тени своими серебряными лучами, — защитница небесного зерна, которое пытаются пожрать и уничтожить серые мыши ночи. Млеко кормящая Дева представляет собою луну, а кошка — ее древний символ.

¹ Гуго ван дер Гоес (1440—1482 или 1483) — фламандский живописец.

² Спика — название звезды, альфы созвездия Дева.

³ См.: Oldfield Howey, *Cat in Magic and Mythology*.

⁴ Колос пшеницы Девы (лат.).

Исказив этот эзотерический символизм, средневековая Церковь (с легкостью позабывшая древние мистерии и символы) связала кошку с ведьмой — сниженным образом Исиды-чародейки и прочих египетских богинь.

Интересное, хотя в чем-то ужасное смешение символизма христианской и языческой «пшеничной кошки» обнаруживается в популярном в Экс-ан-Провансе ритуале, первоначально приуроченном ко Дню Тела Христова. Специально выбранного кота пеленали свивальниками, а затем поклонялись ему как святому Младенцу. Связь этого ритуала с солярными культами становилась особенно очевидной, когда Солнце переваливало через меридиан, ибо после полудня несчастного кота раздевали, сажали в сплетенную из ивняка корзину и живьем сжигали на городской площади под пение христианских (!) гимнов. Магический элемент в жертвоприношении божества и его связь с солярным культом указывают на происхождение гораздо более древнее, чем у веры в Христа, и возникает вопрос: как в центре ритуала оказалась домашняя кошка, которой в языческие времена в Европе еще не водилось? Может быть, это попытка соединить черное и белое, христианское и демоническое в едином акте поклонения и очищения? Многие частично христианизированные культы и ритуалы кельтов были прослежены¹ вплоть до египетских прообразов, доказывающих, что северные мистериальные школы (поверхностным пережитком которых является современное друидическое движение) поддерживали связи с великими мистериальными посвященными школами Египта. Иначе как можно объяснить столь необычные, но прочно укорененные в народной традиции культ Черной Девы и этот поразительный ритуал жертвоприношения солнечного кота?

Египтяне считали домашнюю кошку священным животным, требующим особого обращения, в тевтонском фольклоре она предстает спутницей богов. Считается, что египтяне отказывались вывозить из страны своих божественных гладкошерстных кошек и что в Северной Европе своя, местная кошка была одомашнена сравнительно поздно. Отсюда следует, что кошка, являвшаяся у германских племен священным животным богини Фрейи

¹ В работах по альтернативной истории.

(как того можно было ожидать, лунной владычицы¹), практически наверняка была дикой. Фрейя изображается на колеснице, влекомой двумя прекрасными рысями. Эта богиня, чье имя отражено в названии пятого дня недели («Friday» — день Фригг, или Фрейи), была покровительницей женщин, а ее день считался благоприятным для брака. Возможно, тут не обошлось без ассоциаций с находившимися в ее ведении урожаем и плодородием.

Христианская церковь превратила Фрейю в демона, а посвященную ей пятницу — день распятия и смерти Христа — сделала излюбленным днем мерзких ведьмовских шабашей. В образе едущей на кошках Фрейи заметны отголоски древней лунарной тройственности (характерной для Дианы классической эпохи), так как в одном из своих аспектов, как Хель (иногда Хольда), она была владычицей темного подземного царства, а в другом как Холле — богиней домашних ремесел и, следовательно, имела связь и с земледелием². Тройная природа богини экзотерически отражена в трех кошках, влекущих ее колесницу, ибо кошка есть одновременно богиня тьмы, солнечного света и домашнего очага. Об эзотерической природе тройной богини весьма оригинально писал еще Адам Маклин. Ясно, что тройственность богини, как и тройственность человека, в вырождающейся форме сохранившаяся в средневековом оккультном подразделении на разум, эмоции и тело, связана с культом кошки. Фрейя на кошачьей колеснице и римская Диана, египетская Исида и греческая Артемида, которые впоследствии стали ассоциироваться с Девой Марией, все еще включавшей в свой символизм образ кошки, — лишь некоторые из многих тройственных богинь неба, земли и преисподней.

Тройственная природа Гекаты, богини темных искусств и одного из аспектов Дианы Триформис, наглядно отражена в классической традиции, наделившей эту богиню тремя телами. Геката изображалась в виде трех женщин, стоящих спиной к спине, одновременно охватывая взглядом все вокруг. Геката — темная вла-

¹ Лунарные коннотации Фрейи в скандинавской мифологии неочевидны.

² Хель — в скандинавской мифологии самостоятельное хтоническое божество, дочь Локи и великанши Ангрбоды, никак не связанное с Фрейей. Покровительницей женских домашних ремесел была Фригг, а не Фрейя, хотя образы этих двух богинь иногда смешивались.

дычица перекрестков, и это частично объясняет окутывавшие ее средневековые легенды. Рыба, которую оставляли на перекрестках в качестве приношения, весьма очевидным образом указывает на связь этой богини с кошкой¹; менее очевидно жертвоприношение черных щенков, так как собакам традиционно покровительствует мужская планета Марс, а кошкам — его духовная противоположность, женственная Венера.

Одна из величайших загадок кошачьей истории связана с тем фактом, что домашняя кошка, как до сих пор считается, была привезена в Северную Европу не ранее XI—XII веков, но тем не менее изображения кошек, явно одомашненных, обнаруживаются на кельтских книжных миниатюрах уже в VIII—IX веках, а также на основании по меньшей мере одного из известнейших каменных кельтских крестов. Выходит, что домашняя кошка оказалась в Северной Европе значительно раньше, чем мы думали. Гладкошерстная египетская кошка была завезена в Ирландию, но, как и новое для этих земель христианство, одновременно с которым явилась эта «белая» кошка, так и не смогла вытеснить черную кошку ирландских сказаний о прежних временах и о доблести королей прошлого.

Великолепное мозаичное изображение кошки до сих пор можно видеть в римских Помпеях, и это со всей очевидностью домашняя кошка. Помпеи были разрушены (и увековечены) потоком вулканической лавы в 96 году н.э., в то время, когда христиане, возможно, уже распространили свою деятельность на этот город. Поэтому с нашей стороны не будет слишком смело предположить, что между этой мозаичной кошкой и ее соплеменницами в раннехристианском искусстве Ирландии существует прямая связь. Весьма вероятно, что домашняя кошка была привезена в Ирландию монахами, путешествовавшими на север с IV века и основывавшими монастыри на Британских островах.

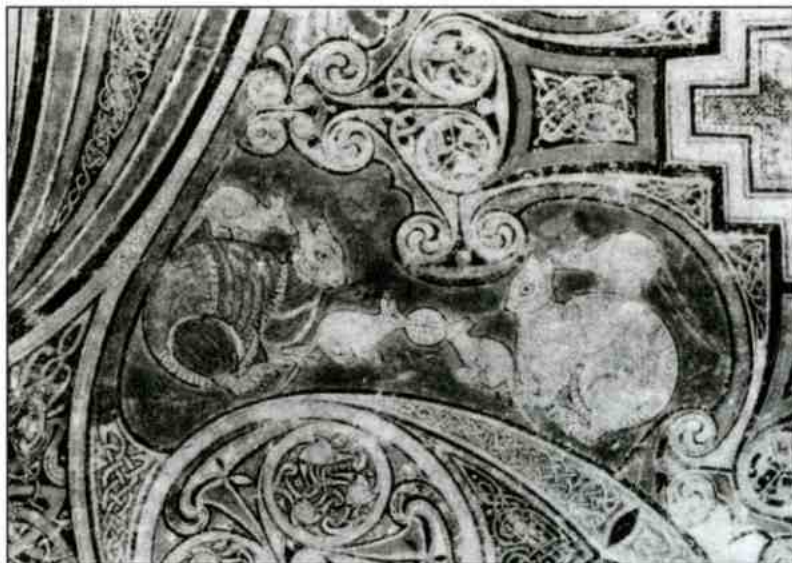
Это могло бы послужить ответом на вопрос, откуда взялся глубоко христианский образ кошек, мирно сидящих в компании мышек (ил. 13), на одной из страниц удивительнейшей Книги из

¹ Традиционно и особенно в постантичном фольклоре спутницами Гекаты считались не кошки, а собаки.

Ил. 13.
Увеличенный
фрагмент
оформления
Книги из Келлса,
страница Хи—Ро:
кошки и крысы
(или мыши).
Библиотека
Тринити-
колледжа,
Дублин

Келлса, иллюстрированной в Ирландии в VIII веке. Увеличенный фрагмент на ил. 13 показывает, почему исследователи называют эту страницу «самым изысканным образцом каллиграфии, когда-либо выходившим из-под рук человека».

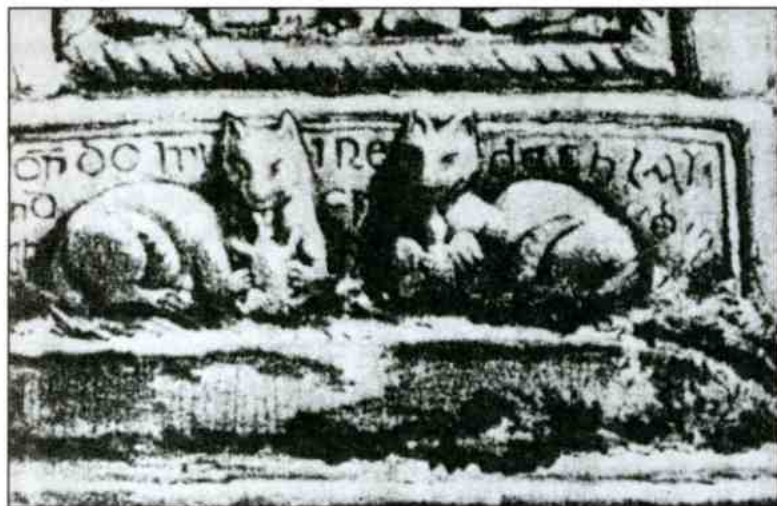
В высшей степени мирные кошки здесь — не просто декоративный элемент; эта мелкая деталь, как, впрочем, и все остальные, символизирует нечто связанное с христианской верой. Крысы глотают используемую во время святой мессы облатку, и потому считается, что они «причащаются недостойно», то есть те, кто пребывает во грехе и тем не менее подходит к причастию. Кошки в таком случае олицетворяют Страшный суд, ожидающий таких людей. Что же, они — демоны? Едва ли. Если бы художник намеревался изобразить их прислужниками дьявола, он сделал бы их куда более ужасными или снабдил бы некими явными атрибутами демонической натуры. Кто бы ни нарисовал этих кошек-стражей, он явно был любителем всего кошачьего рода, сведущим в сокровенной его природе. Но можно посмотреть на это изображение и под другим углом зрения: традиционные враги пребывают в гармонии. Когда послание христианства будет верно понято и принято, даже лев и агнец возлягут в мире рядом друг с другом.

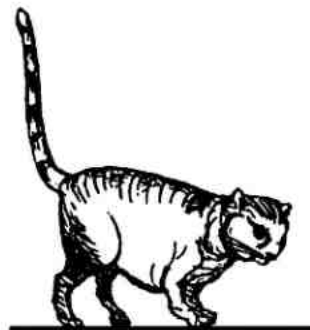

«Христианские кошки» украшают и основание знаменитого Монастербойского кельтского креста (графство Лут, Ирландия). Одна из них, судя по всему, вылизывает новорожденного котенка, а другая играет с пойманной птичкой или уже ест ее (ил. 14). Они сидят на фоне палетки с посвящением, словно стражи. На палетке написано по-ирландски: «*Or do Muireadach las ndearnad in Chros*» («Молитва за Мирадаха, повелевшего изготовить сей крест»). Этот самый Мирадах был аббатом *Mainistir Buithe* (монастыря Св. Биха) до 922 года, что опять же рановато для изображений домашней кошки на этих северных территориях. Как уже упоминалось, когда-то христианские художники имели обыкновение рисовать крест на спинках кошек в память о тех котятках, которые родились в хлеву одновременно с Христом, так что в монастербойских кошках можно усмотреть почти юмористический символизм: они подпирают цоколь громадного семнадцатифутового¹ креста из монолитного камня.

Еще одна раннесредневековая монастырская кошка пришла к нам из литературы. В начале этой главы было частично процитировано стихотворение неизвестного монаха VIII века из монастыря

Ил. 14. Две кошки с крысой и птичкой. Деталь основания Монастербойского креста, графство Лут, Ирландия. Литография из книги: Н.О'Neil, *The Sculptured Crosses of Ancient Ireland*

¹ Немногим больше пяти метров.

Св. Павла в Каринтии (Австрия); в нем кошка предстает другом автора, и это еще раз свидетельствует о том, что в монастырях она в то время уже была домашним животным. Кота клирика зовут Пангур Бан. Это — одно из немногих известных ирландских кошачьих имен. Датировка стихотворения вновь опровергает теорию о том, что домашняя кошка прибыла в Европу не ранее конца X—начала XI века. Мне нравится думать, что монахи, тащившие мешки с землей через море в Скеллиг, последний скалистый бастион графства Керри, самую западную точку Европы, чтобы разбить сады в горных трещинах и впадинах, везли с собой также и котят. Не одну ночь провел я в руинах монастыря в полном одиночестве и как никто понимаю, сколь нуждались они в тепле и дружбе там, в клыках ветров и моря.

Однако были в Ирландии и кошки тьмы — еще до того, как монахи обрели пристанище в этих землях: об этом свидетельствует кошка Финна. Кошка в ирландских сказаниях — отнюдь не христианка; судя по иллюстрациям Рэкхема (см. цветную ил. 10), она даже еще не одомашнена. Старые сказки повествуют об Ирушкане, кошачьем короле, громадном, как буйвол, жившем в пещере в Ноухе (Мах). Поэту Шенхану, певшему на пиру, который давал Марбан, хватило глупости высмеять сразу и кошек, и мышей, причем первых за то, что позволяли мышам свободно бегать вокруг и совать усы ему в еду. Далее рассказывается, как Ирушкан разгневался на эту сатиру и утащил Шенхана, чтобы съесть, но святой Киран швырнул в кота раскаленным докрасна металлическим прутом, убил его и спас поэта.

Победа христианского святого над местным демоном — совсем не типичный сюжет для древнего барда: эту сказку христиане явным образом присвоили и переработали. Мощь древнего кота не усмирить каленым железом, и более древние сюжеты единогласно это подтверждают. Фольклор трепещет перед Ирушканом: в одной из сказок говорится о том, как крестьянин убил обычного кота. Умирая, жертва сказала убийце: «А теперь пойдешь домой и похвастайся жене, что убил кошачьего короля». Кот королем, разумеется, не был, но вот ума ему было не занимать, в отличие от крестьянина. Придя домой, тот немедленно похвастался жене, что только что убил кошачьего короля. Его собственная домашняя кошка, лениво валявшаяся у огня,

тут же прыгнула на него и перегрызла ему горло — а как еще наказать преступника за такое деяние?

Христианская культура изобилует сюжетами о кошачьей мудрости, но одну историю я особенно люблю — об эксцентричном преподобном Хокере из Морвенстоу. Сейчас Хокера знают в основном благодаря забавным трубам на доме викария, которые он соорудил в годы руководства своим корнуольским приходом, но, по словам историка Майкла Уильямса, при жизни он был местной легендой. Ходили слухи, что Хокер призвал к себе на службу девять кошек, а одну из них потом отлучил от церкви за то, что та поймала мышь в воскресенье.

Многих красивых ориентальных кошек считали священными. Некоторые сиамские кошки имеют на шерсти так называемую «храмовую отметину», расположенную чуть ниже загривка. Она выглядит так, будто кто-то взял кошку за шкурку грязными руками. Сиамские жрецы рассказывают, что Бог отметил кошку, оставив ей и ее потомкам на шерсти след своих пальцев. Доктор Лилиан Вели в своей статье в сборнике «Слухи о кошках» рассказывает о японской священной кошке, занимающей особое положение в литературе и общественных традициях: она служит «домом» для духа особо выдающегося предка. Одну такую кошку украли из храма и вывезли в Англию; у нее была черная «священная отметина», пользовавшаяся особой популярностью у фотографов. Некоторые впечатлительные зрители утверждали потом, что она похожа на женщину в кимоно.

Вне христианского контекста кошка в средневековой литературе или искусстве вряд ли встретится вам иначе как в качестве демона или, как охарактеризовал ее ученый XIII века Нэкем, «твари весьма распутной». Однако в самом конце эпохи Средневековья этому символизму, пусть хотя бы ненадолго, суждено было претерпеть изменения. Лэнгленд в своей аллегорической поэме «Видение о Петре Пахаре»¹ в 1377 году пишет о коте, пугающем мышь, скрывая в этом описании прозрачную политическую сатиру. Как

¹ Уильям Лэнгленд (ок. 1330—ок. 1400) — английский писатель, предполагаемый автор «Видения о Петре Пахаре» — морально-дидактической аллегорической поэмы в традиционном средневековом жанре видения, сюжет которой объединен темой поиска Правды.

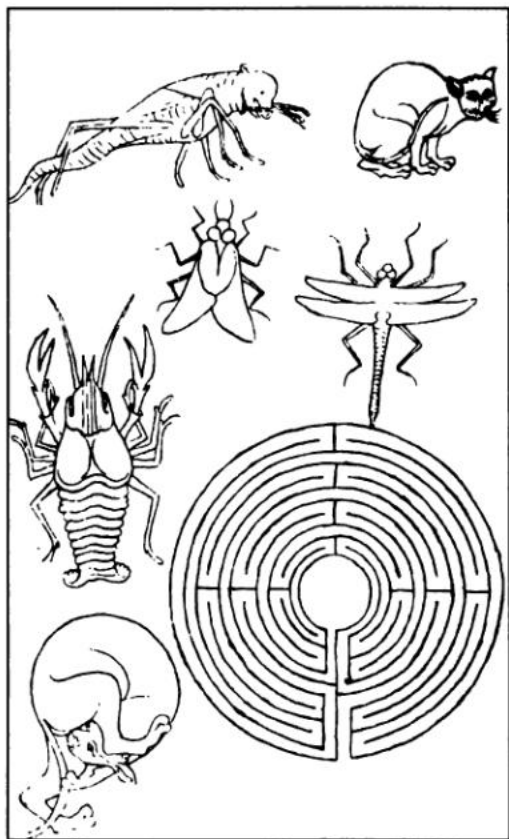
отмечает в своей веселой книге «Животные в искусстве и философии» Френсис Клингендер, произведение Лэнгленда было призвано отразить напряженную политическую атмосферу Англии того времени. Кот определенно символизирует короля Эдуарда III, а котенок, который ходит за котом и преследует мышей, — его внука, наследника престола и будущего Ричарда II. Когда Лэнгленд писал эту поэму, годы Эдуарда уже клонились к закату (он умер в тот же год), а королевство уже находилось под игом Джона Гонта¹. Конечно, такой символизм тоже делает свой вклад в «демонический» образ кошки, потому что мыши (народ Англии) боялись и кота, и котенка и пришли к выводу, что бесполезно вешать коту на шею колокольчик, если котенок ничем не лучше папаши.

Демонический образ котенка, который, как воображали мыши, «сокрушит и нас и племя наше», может быть связан с тем, что отцом его был Черный принц (см. примечание на с. 58). В популярной традиции эпитет «черный» предположительно происходит либо от морального облика принца, либо от цвета его доспехов, хотя куда более вероятно, что он навеян черным цветом геральдической эмблемы и, следовательно, никакого отношения к темным силам не имеет. И, однако же, весьма возможно, что смеющаяся кошачья морда геральдического льва на скульптурном портрете Черного принца в Кентерберийском соборе как-то связана с кошачьим символизмом поэмы, а охотящийся кот — не что иное, как сниженный вариант английского льва.

Средневековый символизм часто бывает многослоен и включает косвенные нюансы, чуждые современным методам построения и чтения символов. И иллюстрации на странице XIII века из знаменитого альбома Виллара де Оннекура по архитектуре (ил. 15) это подтверждают. Кошка в верхней части страницы выглядит определенно демонической, в то время как умывающаяся кошка внизу слева — просто домашний питомец. Но при этом невозможно не заметить, что поза этой домашней кошки имитирует расположенное рядом с ней изображение лабиринта.

¹ Джон Гонт (Иоанн Гентский, 1340—1399) — первый герцог Ланкастерский, третий сын Эдуарда III. Потомком его бастарда Джона Бофорта был Генрих VII Тюдор, основатель королевского дома Тюдоров, не имевший других законных предков из династии Плантагенетов.

Ил. 15. Кошка и прочие создания (кузнечик, муха, речной рак и стрекоза), а также лабиринт, похожий на лабиринт, вырезанный в мраморном полу Шартрского собора. Страница из архитектурного альбома Виллара де Оннекура. Национальная библиотека, Париж

Этот лабиринт очень похож на тот, который украшает мраморный пол Шартрского собора, а также на другие лабиринты, во множестве сохранившиеся в средневековых храмах по всей Европе. Впрочем, это не лабиринт в буквальном смысле слова, так как заблудиться в его извилинах практически невозможно. На самом деле это схема для ритуального танца, столь же тесно связанная с посвятительной мудростью той эпохи, сколь и кузнечик в верхней левой части рисунка де Оннекура. Назначение лабиринта — направить паломника к центру, к точке неподвижности внутри танца, где обретается мир Христов. И возможно, кошка, имитируя этот круговой рисунок, тоже символически танцует и стремится обрести внутренний мир. Может быть, эта кошка де Оннекура — символ Девы Марии, отсылка к изначальному толкованию этого животного как царицы ночи?

Кошка — благодатный символ и для политической сатиры, и для нравоучительной литературы, но охота на ведьм в позднее Средневековье истребила почти все его недемонические черты. Мир кошачьего демонизма подробно рассматривается в главе 6, но уже сейчас стоит отметить, что именно он виновен в некотором пробеле в кошачьем символизме недемонического толка, продолвшемся вплоть до XVII и XVIII веков, когда английский художник Хогарт в своих знаменитых гравюрах наконец освободил кошку от демонических ассоциаций и ввел ее в область литературной журналистики (см. главу 5).

«Политическая» символика кошки в собрании эмблем Джорджа Уизера относится к тому же жанру, что у Лэнгленда; будучи политической сатирой общего рода, она носит не столь выраженный антироялистский характер, но отнюдь не с меньшим пылом обрушивается на вероломство, коррупцию и прочее зло. На гравированной рондели (илл. 16) Уитнер изображает саму кошку в клетке, а беззаботно играющих мышей вокруг нее. Сцена эта показывает, что

Раз магистраты сели в клетку,
Ликут те, кто в страхе жил.

Кот идеально воплощает «магистрата, тиранического или злого», поскольку хотя мыши и весьма вредные грызуны, а кошка — спасение от них, но

Кот ненасытный повесит на Мышь
Те преступления, что сам сотворил
В доме своем; за тот самый грех,
Что ему — во хвалу, Мышка убита.
И не только лишь жизни лишал
За то, в чем он сам виноват,
Но кормился, жирел кот на смерти чужой.

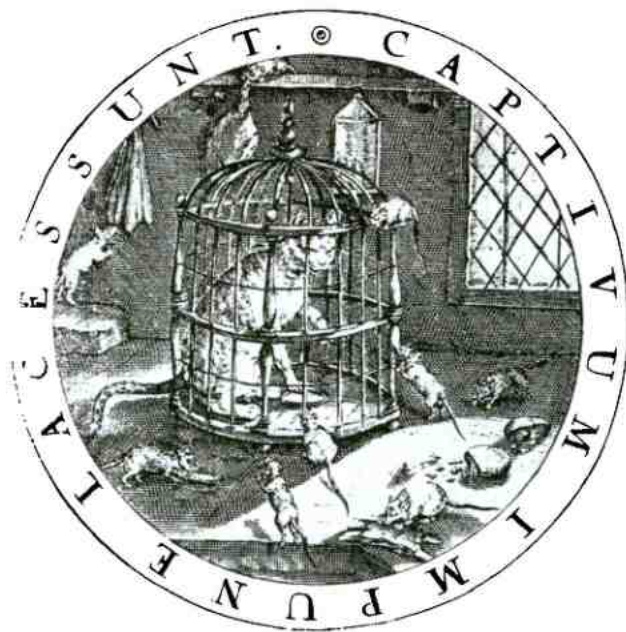
Он паче терзал их бесплодной надеждой
И страхом, раздирая клыками им чрево;
Такие жестокость и ужас
Десятикратно их убивали
В сравнение со смертью простой.

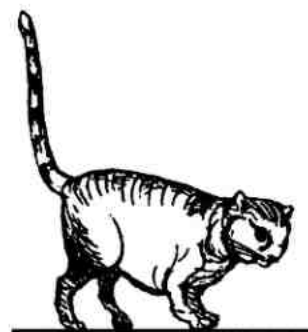

На полпути к вершине Хайгейт-Хилл, откуда раньше открывался превосходный вид на Лондон, стоит бронзовая статуя кошки, отмечающая то место, где Дик Уиттингтон и его кот остановились передохнуть, покидая Лондон, и где обещание, прозвучавшее в колокольном звоне, убедило их вернуться. «Возвращение» Дика и роль, сыгранная его котом в истории превращения мистера Уиттингтона в мэра Лондона, почти наверняка вымышлены, хотя был и вправду некий Ричард Уиттингтон, занимавший несколько раз между 1397 и 1419 годами пост первого шерифа и затем мэра Лондона. В 1416 году он был избран членом парламента от Лондона.

С котом, впрочем, не все так ясно, как с хозяином. Мы должны спросить себя, откуда проник этот вымышленный зверь в английскую мифологию и как приобрел столь важное значение. Почему именно кот из пантомимы про Уиттингтона поселился в детских сердцах гораздо надежнее, чем сам Уиттингтон? Исторический Дик, очевидно, пришел в Лондон пешком, женился на дочери своего хозяина и даже разбогател, став весьма состоятельным челове-

Ил. 16. Кот в клетке.
Иллюстрация к строкам:
«Раз магистраты сели в
клетку, // Ликуют те, кто в
страхе жил».
Из «Собрания эмблем,
древних и современных»
Джорджа Уизера,
издание 1635 года

ком. Но в этих исторических событиях кот не играет никакой или почти никакой роли. Не был ли он, подобно своему итало-французскому двойнику, Коту в сапогах, реликтом герметического и оккультного символизма?

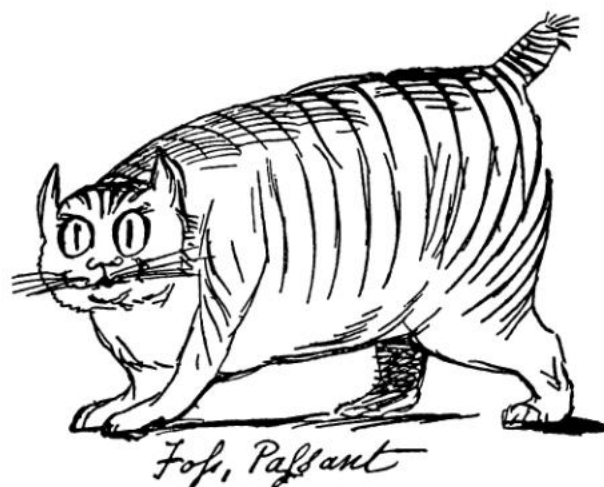
Ответ историка будет сух, как архивная пыль. Поскольку Уиттингтон пришел к власти, попросту купив ее при помощи взяток, и поскольку такое прибыльное предприятие в те времена называлось «achat» (от французского «покупка»; произносилось это слово, однако, с твердым «с», как «acat»), путаница между «acat» и «a cat» в дальнейших пересказах сюжета «из грязи в князи», вполне понятна и объяснима. Предлагались и другие толкования, но мало кто из историков действительно верит, что некий представитель семейства кошачьих принимал участие в получении Диком Уиттингтоном поста мэра Лондона. С академической точки зрения бронзовый кот, смиренно сидящий за загородкой на Хайгейт-Хилл (см. цветную ил. 11), — не более чем символ величайшего мифотворца, чье настоящее имя — ложная этимология.

Какое же это облегчение — обратиться от утраченного символизма вымышленного кота Дика Уиттингтона к совершенно реальным котам Эдварда Лира и особенно к его собственному коту Фоссу, прожившему бок о бок с художником целых семнадцать лет и достаточно везучему, чтобы обрести последний приют в Италии в саду виллы хозяина в Сан-Ремо. Но какое же отношение имеет этот кот, воссозданный в нескольких блестящих линиях хозяйского наброска (ил. 7), к оккультному символизму? Ответ: скорее всего, никакого, ибо Лир обессмертил своего друга без каких-либо тайных атрибутов; его «Фосс пассант» в галерее кошачьих геральдических блазонов (ил. 17) — возможно, один из самых знаменитых рисунков кошек, сохранившихся с XIX века. Лир был слишком великим мастером каламбура и литературной шутки, чтобы наспиговать ими свои рисунки. Уверяю вас: если рассматривать его графическое и поэтическое наследие просто как «абсурд», можно пропустить половину веселья. Есть ли какое-нибудь символическое значение у, казалось бы, абсурдного стихотворения «Кот и сова»? Эти двое отправились по морю на красивой, зеленой, как горошек, лодочке и после некоторых приключений были обвенчаны индюком, живущим на холме (ил. 18):

Ил. 17. «Фосс пассант».
Портрет Фосса, кота Эдварда
Лира, выполненный хозяином

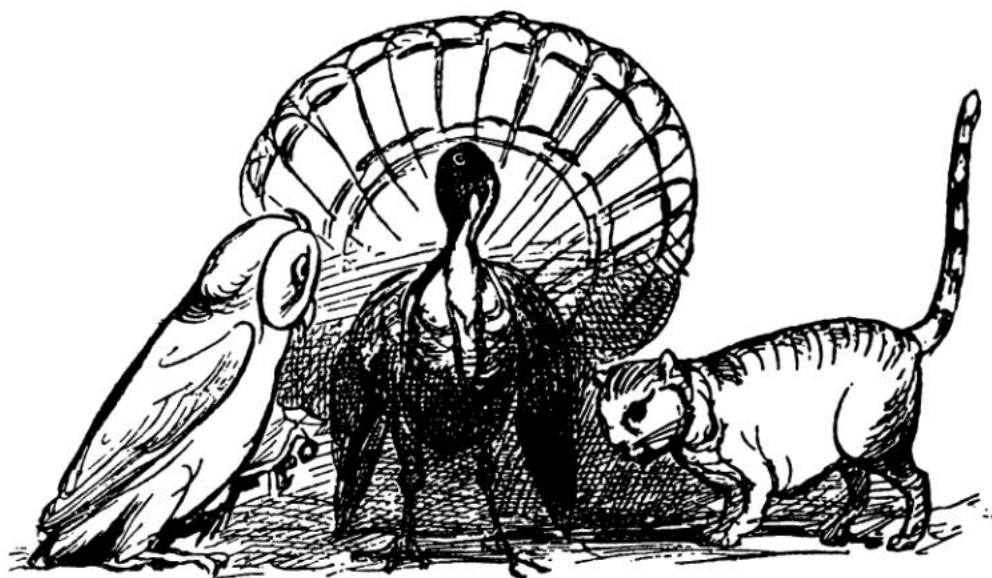
...А вечером, счастья полны,
Рука в руке,
На прибрежном песке
Плясали при свете луны,
Луны, луны,
Луны, луны,
Плясали при свете
Луны...¹

Уже одно только упоминание луны заставило бы оккультистов присмотреться повнимательнее к смыслу этого абсурдного стихотворения, особенно после первых строчек, где «...сова, поглядев на луну, / На волну, / Запела под звон гитары...»². Один из непреходящих лунарных символов — священная эмблема османских турок. Причины принятия ими этого символа носят комплексный характер, но известно, что впервые он был пущен в обиход в XIII веке первым султаном Стамбула (бывшего Византия); в кон-

¹ Перевод С.Я. Маршака.

² В оригинале стихотворения сова — он, а кошка — она; в переводе Маршака гендерные роли поменялись местами. Также сова у Лира смотрит на звезды, а не на луну.

Илл. 18: Свадьба кота и совы. Иллюстрация Эдварда Лира к его стихотворению «Кот и сова». «Бессмысленные песенки», издание 1871 г.

це концов полумесяц попал на турецкий флаг вместе со звездой¹. Но какова бы ни была история этого лунарного символа, в стихотворении Лира удивительным образом обнаруживаются одновременно и луна, и звезда, и индюк².

Сова — традиционный символ греческой богини Афины (а позднее — ее римского соответствия, Минервы). В христианской символической системе сову обычно считают птицей ночи, связанной со скрытой мудростью и с тайной традицией. Интересно, не имеет ли внутреннее содержание стихотворения какого-нибудь отношения к тому факту, что написано оно было в год объявления папской непогрешимости?³

¹ Полумесяц был историческим символом римского Византия, впоследствии переименованного в Константинополь, а после захвата турками в 1453 г. (а не в XIII в.) — в Стамбул; по другой версии, полумесяц со звездой был родовой эмблемой султана Османа (правил в конце XIII — начале XIV в.).

² Англ. «Turkey» — Турция; «turkey» — индюк.

³ В 1870 г. был официально провозглашен католический догмат о непогрешимости (безошибочности) суждений папы римского относительно вопросов веры и нравственности, провоз-

Вы, должно быть, уже поняли, что объяснить тайный символизм кошки в нескольких словах не представляется возможным, ибо в истории и науке о символах этот зверь ведет себя не менее скрытно, чем в реальной жизни. И все же можно не сомневаться, что для Лира кот был символом радости жизни, созданием духа. На первой его иллюстрации к указанному стихотворению кошка правит лодкой на море, пустившись на поиски приключений: ей определенно ведомы тайны навигации. Сова в это время, вольготно развалившись, поет ей серенады под гитару. Кошка и сова — порождения ночи, а индюк — символ языческой страны. Так не может ли свадьба животных в лунном сиянии скрывать в себе намек на радости лунного язычества, объединяющие жизненную силу кошки с тайной мудростью совы?

Шарль Перро со своим котом, появившемся в 1697 году в «Сказках Матушки-Гусыни», сделал очень многое для избавления кошки от демонической репутации. На первый взгляд сказка эта совсем не загадочная и вовсе не исполнена морали. Сын недавно умершего мельника получил в наследство кота. Парень не очень обрадовался подарку, ведь братья его получили куда более ценные вещи — мельницу и осла. И то и другое куда лучше кота. Однако кот оказался непростым: он умел говорить. А сказал он хозяину, чтобы тот не печалился, потому что его наследство гораздо лучше, чем у братьев, и вскоре он в этом убедится. Но, прежде всего, коту необходимо пошить сапоги. Элемент этот весьма важен; он давно уже стал частью популярной мифологии: каждому знакомы картинки с котом в облике бравого кавалера (ил. 19).

При помощи цепочки стратагем этот причудливый обутый кот заманивает хозяина в реку и убеждает случайно проезжающего мимо короля, что там едва не утонул богатый землевладелец, маркиз Карабас, которому теперь нужно пожаловать платье, соответствующее его рангу. Дабы обеспечить хозяина жильем, предприимчивый кот хитростью уговаривает великана (живущего как раз в подходящем замке) превратиться в мышь, которую благополучно съедает. Замок, таким образом, переходит к новоиспечен-

ному маркизу, чье богатство так впечатляет короля, что он отдает свою дочь в жены мельникову сыну.

Перро старается не выводить прямой морали из этой сказки. Кот, как и его хозяин, становится вельможей — это прекрасная награда. Однако сказка не так проста, и смысл ее часто упускают из виду те, кто не способен понять: во всех старых сюжетах сокрыта тайная мудрость. Джордж Крукшанк усмотрел в этой истории некие дидактические возможности и в своем издании сказки 1870 года переработал финал, превратив кота в человека. Хотя лично для меня мало разницы в том, кто врёт — кот или человек, такая трансформация сообщает произведению мораль, даже если и не имеет никакого отношения к фабуле Перро. У Крукшанка Кот в сапогах объявляет, что он на самом деле — бывший егерь настоящего маркиза Карабаса, которого превратили в кота за то, что он не слишком ценил счастье быть человеком. Вот вам и мораль — честно говоря, довольно тупая и полностью лишенная свойственного Перро изящества. Вмешательство Крукшанка — отличный пример того, как из-за недостатка понимания можно полностью упустить весь скрытый смысл.

В 1729 году сказка появилась в английском издании «Историй, или Сказок прошлых времен» под названием «Мастер Кот, или Кот в сапогах». Оттуда его образ перешел в целые поколения популярных сказок, в которых кот, обутый или босой, становится героем тысячи эскапад. Кто же такой этот кот-супермен и почему он носит сапоги? А сапоги он носит по совершенно неубедительной причине: в самом начале сказки, открыв хозяину, что умеет говорить, кот требует пошить ему пару сапог, чтобы сподручнее было продирааться через подлесок. В чем тайный символизм этих сапог, унизившийся до знака на двери лавки французского сапожника, обозначающего практикуемое внутри ремесло?

Кот этот, как уже говорилось, — совсем не тот, кем кажется; фигура его обладает смыслом, относящимся к сферам весьма таинственным. Значение сапог в этом сюжете очевидным образом непосредственно связано со значением самого кота. Кто такой кот? Прежде всего, это дар отца сыну, дар наследный. Первый бросающийся в глаза элемент абсурда — убежденность кота, что ему нужны сапоги. Это само по себе символично. Кот нуждается в осо-

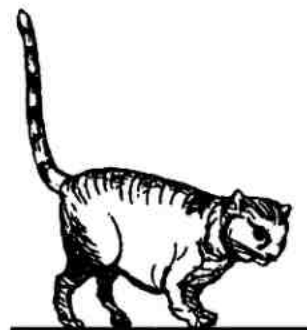

Ил. 19. Кот в сапогах. Гравюра по дереву на основе иллюстрации Гюстава Доре к сказкам Шарля Перро. Кот спрятал одежду хозяина, купающегося в реке. Мимо едет король, и кот вопит, что грабители украли одеяния маркиза Карабаса. Король жалуется предполагаемому вельможе роскошное платье из собственного гардероба, знаменуя тем самым начало блестящего пути владельца кота к славе и богатству

бой защите от окружающего мира: подросток — не естественная для него среда обитания. Сапоги, таким образом, превращаются в знак того, что кот — не просто обычная мирская кошка, но находится под специальной защитой. Кот — символ внутреннего видения человека, явления тонкого и уязвимого, которое может легко пострадать в густом подлеске обыденности. Кот видит и понимает важность короля, ценность великана-людоеда и пользу для своего хозяина женитьбы на королевской дочке.

Нас не особо интересует сейчас, что король и королевская дочь — стандартные алхимические символы, указывающие на сокровенную природу человеческого бытия. Заметим лишь, что брак представляет в сказке исполнение всех мечтаний сына мельника, но без помощи кота он не смог бы ни распознать этих мечтаний, ни определить средства для их осуществления.

Людоед в замке — темный элемент души, который есть в каждом человеке. Великан, страж тьмы, он присутствует во многих сказках; его нужно обмануть, обойти или трансформировать во что-то другое. Он — невидящая и невидимая тьма внутри каждого из нас. Замок его — загадочное место, которое надо исследовать и извлечь из него пользу: обычно в сказках в нем скрыто сокровище, которое должен найти герой. Кот в сапогах достаточно хитер, чтобы заставить людоеда принять куда более удобную для него форму мышки. И снова это не сам герой ускользает от опасности и использует людоеда в своих целях, а его внутреннее видение, его кот, обладающий нужными способностями. И именно кот понимает, как можно использовать замок людоеда, — для того, чтобы произвести впечатление на короля. Какое приятное совпадение! В замке как раз сервирован обед, так что король, принцесса и сын мельника могут от души попить. Никакому людоеду замок на самом деле не принадлежал, равно как и спрятанные в нем богатства, — а принадлежали они по праву хозяину кота, как и рука прекрасной принцессы; но только у кота хватило мудрости разглядеть истинное положение вещей.

Символизм Кота в сапогах — явление поистине необычайное. Он показывает, насколько фундаментально автор может изменить образ персонажа, в 1697 году все еще носящего клеймо ведьмовского фамильяра, и ввести его в структуру эзотерической сказки.

Перро не сам придумал этот сюжет; он просто сплел воедино несколько сюжетных линий из старых сказок, в которых кот помогал своему хозяину примерно так же, как лондонский кот — Дику Уиттингтону. У другой версии этой истории, тоже датируемой XVII веком, финал отличается от этого. Он вполне достоин Перро, хотя и не такой счастливый: новобрачные — сын мельника и принцесса — клянутся в вечной признательности коту и обещают, что когда кот умрет, тело его сохранят в неприкосновенности и поместят в золотую клетку. Но кот слишком умен и хорошо знает цену человеческим обещаниям. Он симулирует смерть, и, в точности как он и подозревал, хозяин нарушает данное обещание и собирается выбросить умершего друга в окно. Кот тут же «оживает» и, сурово осудив неблагодарность хозяина, оставляет замок, предо-

ставив мельникова сына и принцессу их собственной судьбе. Плата за неблагодарность — утрата бесценного внутреннего видения.

В сказке о Коте в сапогах кошачий символизм рафинируется и обращается к корням — к религии древних египтян. Самые ранние толкователи считали кошку символом внутреннего зренья человека, опираясь на прославленную способность ее глаз видеть даже в темноте. А теперь и французский писатель Нового времени вывел в том же качестве кота, нуждающегося в защите от окружающего мира, но способного прозревать сквозь время и пространство.

Чеширский Кот, с которым повстречалась Алиса во время своего путешествия по Стране Чудес, — обладатель самой знаменитой улыбки в английской литературе. Ни коту, ни улыбке никто так до сих пор и не дал удовлетворительного объяснения, однако очевидно, что в тексте книги присутствует множество эзотерических намеков. Можно не сомневаться, что Льюис Кэрролл держал в голове кое-какой интересный символизм. Намеки автора, скрытые и в тексте, и в иллюстрациях, нарисованных Тенниелом специально для гравировки по дереву в соответствии с точнейшими инструкциями Кэрролла, столь тонки, что для читателя вполне простительно не разглядеть их, сколько бы раз ни погружался он в хитросплетения этого приключенческого сюжета.

Гравюра Тенниела, на которой Алиса держит «малыша», превратившегося в поросенка (ил. 20), содержит интереснейший пример такого скрытого личного символизма, описанный Мартином Гарднером в «„Алисе” с комментариями». Кэрролл лично указывал, что наперстянка на втором плане картинки с поросенком обладает особым смыслом, так как никаких перчаток лисы обычно не носят¹ (или, скажем так, не чаще, чем младенцы превращаются в поросят). Слово «foxglove» происходит от «folks-gloves», утверждает Кэрролл, напоминая читателям, что одним из названий фейри было «добрый народец»². В таких литературных играх заключена самая суть «Алисы в Стране Чудес», и потому не стоит удивляться, что и Чеширский Кот — тоже персонаж из подобной игры.

¹ Англ. «foxglove» — наперстянка; «fox glove» — лисья перчатка.

² «Folks gloves» — перчатки народца; «good folks» — добрый народец.

Рисунок с поросенком и Чеширский Кот связаны между собой совершенно особым образом. Льюис Кэрролл придумал «Альбом для почтовых марок из Страны Чудес» и постарался сделать его уникальным, чтобы никто не смог продавать подобные в магазинах. Его собственный экземпляр представлял собой купленный в Оксфорде картонный альбом очень простого дизайна, предназначенный для почтовых марок. Альбом был вложен в похожую на конверт обложку, на которой была напечатана картинка с Алисой, держащей на руках младенца Герцогини. Когда же альбом вынимали из конверта, на нем оказывалась картинка с превращением младенца в поросенка и Чеширским Котом, улыбающимся своей пустой, почти исчезнувшей улыбкой. Вот как Кэрролл объяснял, почему взял именно эти две картинки: подражания этому альбому, без сомнения, вскоре появятся, но среди них не будет «этих двух Графических Сюрпризов, которые теперь защищены авторским правом». На самом деле эта трансформация означала, что человеческое существо (младенец) обладает одновременно неразумной (поросенок) и Божественной (кот) природой.

Шутки и словесные игры Кэрролла могут выглядеть почти ребячливо, однако в самой идее исчезающего кота есть ряд интересных моментов. Прежде всего, она реализует древнюю символическую связь между котом и луной, возможно, именно поэтому он и помещен высоко на дереве, на фоне неба. Исчезая, кот оставляет после себя лишь полумесяц зубов, и даже сам этот образ связан с луной, которая, как всем известно, сделана из чистого сыра. А «сыр» — любимое слово фотографов, если они хотят запечатлеть на карточке нашу улыбку¹. Такое объяснение кошачьей ухмылки может показаться слишком легковесным, но не следует забывать, что Кэрролл был энтузиастом фотографии и искусным фотографом.

Гравюра по дереву, на которой Чеширский Кот со злокозненным удовольствием наблюдает сверху за спорящими картами (ил. 1), тоже не лишена символического смысла. Безумная Королева приказывает палачу снять Чеширскому Коту голову с плеч, тот вполне логично заявляет, что при отсутствии плеч снять с них го-

¹ При произнесении английского слова «cheese» («сыр») губы растягиваются в улыбку.

Ил. 20. Алиса нянчит поросенка.
Гравюра по дереву
по рисунку Тенниела
к «Алисе в Стране Чудес»

лову будет затруднительно. Королева возражает: если голова есть, то ее можно отрубить. Иными словами, бестелесный кот на иллюстрации созерцает дискуссию об отношениях между головой и телом. Подобно тому, как нереальны карточные «тела» игровых карт («придворных карт» — еще одна литературная шутка), нереально и тело кота, и даже сама его голова исчезает, остается только улыбка. В конце концов, все, что происходит в Стране Чудес (а возможно, и все, что происходит в нашем собственном мире) — это «лунные тени». И голова Чеширского Кота полной луной взирает на простирающийся внизу иллюзорный картонный мир.

Возможно, кот получил свою «фамилию» в честь чеширского сыра, то есть опять же улыбки, а может быть, это словоупотребление у Кэрролла носит более символический характер. Чешир, где Кэрролл провел юные годы, был палатинским графством¹, владением эрла, пользовавшегося в своем домене королевскими привилегиями. Эбенезер Брюер приводит поговорку, что коты в Чешире все время смеются, потому что сама идея пфальцграфства совершенно абсурдна. Герцогиня — жена или вдова герцога, то есть по рангу она выше эрла-пфальцграфа и, вероятно, по этой причине она так пренебрежительно отзывается о Коте, когда Алиса ее о нем спрашивает. Вспомним, что именно Герцогиня сообщает Алисе, что это Чеширский Кот. Известно, что чеширские сыры одно время изготавливали в формах в виде головы смеющегося кота, но это ни в коем случае не должно отодвигать на второй план оккультный символизм этого образа. В своей психоаналитической работе по Кэрроллу Филис Гринакр указывает, что на одном из уровней это фантазия о том, что сырный кот может съесть мышь, которая ест сыр. Но в тексте никакой мыши нет, и потому, возможно, будет правильнее видеть в коте юмористический лунарный символ, восходящий к древнеегипетскому культу Бастет, — смеющийся лунный лик; улыбку в форме полумесяца. Чеширский Кот растет и убывает, появляется и исчезает, как сама луна. Такая интерпретация, кстати, объясняет, почему Алиса и Герцогиня обсуждают, хорошо ли ускорять время.

Некоторые критики считают, что источником вдохновения для Кэрролла послужила смеющаяся голова, вырезанная на арке южного трансепта приходской церкви в Крэнли (Сюррей). Одно то, что в английском церковном декоре присутствуют изображения кошки (об этом еще пойдет речь дальше) — еще не доказательство, что резьба в Крэнли вообще изображает кошку. Это типичная ухмыляющаяся демоническая рожа, каких немало найдется в декоре храмов позднего Средневековья. Куда лучшие головы — и, несомненно, гораздо более «кошачьи» — можно найти на южном портале церкви в Иффли близ Оксфорда.

Чтобы полюбоваться на гротескных смеющихся кошек, нет нужды ехать в Крэнли. Северную сторону церкви в Дарсби, где

¹ К палатинам (пфальцграфствам) в Англии относятся Чешир, Ланкашир и Дарем.

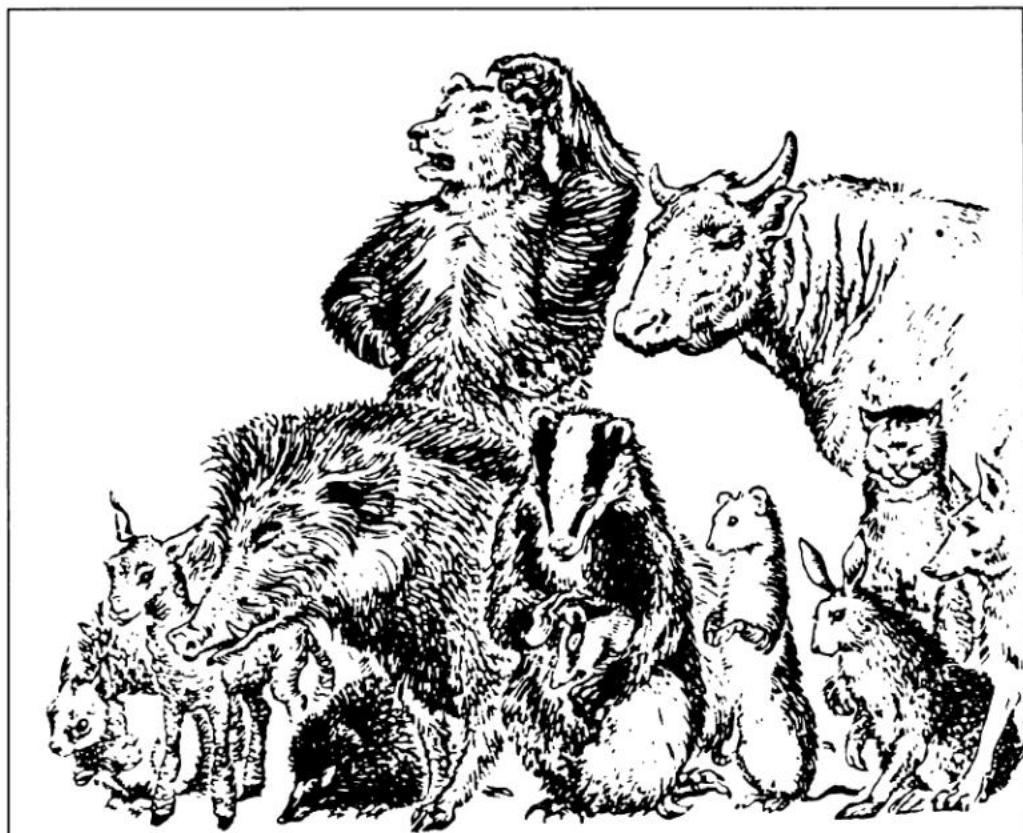

Кэрролл жил в детстве, украшает ряд львообразных ухмыляющихся горгулий, которые тоже вполне могли подсказать впечатлительному мальчику идею улыбающегося кота. Приходскую церковь в Дарсби стоит посетить по многим причинам, не последняя из которых — мемориальный витраж в восточном приделе, изображающий основных персонажей Страны Чудес, в том числе, разумеется, улыбающегося кота, не нуждающегося в теле.

Дистанция между Чеширским Котом и львом Асланом из детских историй о Нарнии не столь велика, как могло бы показаться, хотя по сравнению с христианским символизмом, любезным сердцу К.С. Льюиса, Чешир глубоко и определенно язычен. Корни аллегорической льюисовской Нарнии уходят в христианскую эзотерику, так как автора больше всего интересовали именно эти линии тайного символизма и вообще многие области мысли, которые в наше время назвали бы оккультными. Джинджер (Рыжий), кот из «Последней битвы» (в этой книге лев Аслан разрушает внешние границы Нарнии), буквально пропитан лишь слегка завуалированным символизмом средневекового толка. Перед началом ужасных событий в Нарнии — это «великий кот в расцвете лет», сидящий гордо и отважно, обвив хвостом лапы, пред лицом всех чудищ. Он ловкий, хитроумный и проницательный, он первым среди животных понимает, что злые обезьяны обманули нарнийцев. Инстинктивно злая натура побуждает его сговориться с обезьянами, в результате чего он обретает сомнительную славу первого из говорящих зверей, вернувшегося в свое «естественное состояние» — бессловесного животного.

Судьба этого рыжего кота — первое событие, напоминающее об обещании, данном Асланом «на заре мира». Он превратил животных Нарнии в говорящих зверей и предупредил их, что если они не будут хорошими, в один прекрасный день могут вернуться в свое прежнее состояние бедных неразумных тварей наподобие тех, что водятся в других странах. Прелестные иллюстрации Полин Бейнс выразительно показывают контраст между исполненным подозрений котом, который сидит среди говорящих зверей, озадаченных словами обезьяны (ил. 21), и перепуганным зверем, суперменским прыжком прорывающимся через ряды обезьян назад к двери. Он обращается в бегство при виде царя демонов, про-

Ил. 21. Говорящие животные удивляются словам обезьяны. Иллюстрация Полин Бейнс к «Последней битве», заключительной книге нарнийского цикла К.С. Льюиса

тивника Аслана, которого злые калормены называли Ташем, — inferнального персонажа, словно взятого из средневекового гримуара, — с птичьей головой и четырьмя руками, плывущего над землей, не касаясь ее, так что травы увядают под его тенью.

Сила аллегории в том, что, проходя через дверь хижины, каждый зверь или человек видит тот мир, которого заслуживает, как бы отражение собственной внутренней жизни. Дверь всегда была оккультным символом, означавшим переход от обыденной жизни к жизни высшей, которую люди называют смертью. Эта дверь находится под охраной сущности, именуемой современными оккульт-

тистами Стражем Порога и представляющей собой отражение темного «я» человека. Темное «я», видимое коту, должно быть поистине ужасно, ибо оно из уверенного в себе говорящего зверя вновь превращает его в дикое животное: «Кот попытался что-то сказать, но изо рта его вырвались лишь обычные гадкие звуки, какие можно услышать от любого разозленного или перепуганного котяры». В аллегории Льюиса в самой натуре кота заключен некий демонический элемент, точно так же, как Таш содержит в себе характеристики демонов, описанные и запечатленные в средневековых гримуарах. В некотором смысле кот здесь — фамильяр обезьяны, которая сама по себе оказалась марионеткой злых калорменов, а они, в свою очередь, — лишь вассалами царя демонов Таша.

Мы так привыкли считать басни Эзопа «сказками с моралью» (которыми они, несомненно, тоже являются), что склонны игнорировать мнение оккультистов, считающих их эзотерическими притчами. Превосходным примером, в котором кошка символизирует внутреннее состояние человека, служит басня об орле, свинье и кошке, живущих на одном дереве. Орел строит себе гнездо на вершине, дикая свинья с поросятами селится у корней, а кошка с котятками занимает дупло на полпути. Все трое живут в согласии, пока кошка не проявляет свою злую натуру и не подает орлу совет остерегаться свиньи, которая собирается подрыть корни дерева. Напугав орла, кошка спускается по стволу и советует свинье остерегаться орла, который только и ждет, чтобы слететь вниз и похитить себе на обед ее поросят. Орел и свинья перестают выходить на промысел, чтобы не оставить свое жилище без защиты, и в конце концов умирают с голода вместе со всеми детенышами, а кошка получает для своего вечно голодного потомства большой запас еды — тушки легковерных соседей.

Моралей у этой истории, как водится, несколько, и основная из них — не стоит верить всему, что нам говорят. Однако же эту басню можно рассматривать и в контексте человеческой природы, или, точнее, ее подразделения на три части. Большинство старых сказок, действие которых вращается вокруг образа дерева, на самом деле повествуют о сокровенной природе человека, ибо ствол дерева — одно из обозначений позвоночника, корнями уходящего в мозг. Подобный символ укорененности человека в незримом

духовном мире используется во многих оккультных системах. Вероятно, самый знаменитый пример — каббалистическая схема структуры космоса, называемая обычно Древом Сефирот. Для каббалистов то, что вверху, отражается в том, что внизу. Верхний мир, космос, они визуализируют в виде дерева, раскинувшего свои ветви во времени и пространстве, но и нижний мир, то есть человек, тоже представляется как дерево, охватывающее корнями мозг и простирающее ветви вниз. Таким образом, мозг есть средоточие духовного и источник жизни человека.

Что же представляют собой эти трое животных, обитающих на Эзоповом «позвоночном древе»? Орел — символ мышления, подобно разуму, воспаряющий в небеса. Кошка — символ эмоций, то есть психической жизни человека, а свинья — символ физического бытия в нижних областях, где нет ни интеллектуального полета орла, ни восприимчивости и житейской мудрости кошки.

Даже такого мимолетного взгляда на эзотерику кошки и корни ее символизма в европейской литературе вполне достаточно, чтобы убедиться, что питает их богатая и плодородная почва. Кошка — символ мудрости, но (как прекрасно иллюстрирует сказка о Нарнии) причина этой мудрости — острота зрения, которая может и притупиться, если обладательница зорких глаз совершает ошибки. У вечной кошки есть тень, а тень мудрости — пустота и безмыслие. Кошачий символизм в оккультном контексте балансирует между мудростью и неразумием, так что кот может быть все-таки мудр, как тот, что помогал мельнику сыну у Перро, но и пуст и эфемерен, подобно знаменитому уроженцу Чешира. Однако именно в оккультном контексте сама эта двойственность является важным и неотъемлемым элементом кошачьего символизма, ибо кошка на самом деле представляет человека в его дуализме, заключающем в себе все многообразие вещей: от плодов эзотерической мудрости до пустоты эгоистической бессодержательности. Кошка идеально соответствует этому глубинному уровню символизма, поскольку и в литературе, и в искусстве христианская кошка с крестом, начертанным на спинке, гордой поступью следует бок о бок с демонической, чьи глаза горят адским пламенем. Этой двойственностью проникнуто все мироздание, и все же она объединяется в образе кошки, ведь в эзотерике кошка — символ че-

ловека, сына небес, временно погруженного по колено в мирскую грязь, обутого в тяжеленные сапоги, привязывающие его к земле, настоящего *Chat Botté*.

Изучая кошку в религиозном символизме, мы в целом наблюдаем низведение богини-кошки до демона низшего ранга или жуткого ведьмовского фамильяра. Однако, взявшись за нетеологическую литературу, мы обнаруживаем, что нас перестали так настойчиво и безжалостно тянуть в инфернальные сферы; вместо этого мы исследуем внутреннюю природу кошки. Литературная стезя ведет нас к образу, в наше время именуемому «сверхъестественной кошкой» (см. главу 4). Эта сверхъестественная кошка имеет, конечно, некоторое отношение к темному оккультному царству духов, призраков, а местами и демонов, но, по сути, представляет собой душу человека, его бессознательное, постепенное познание которого раскроет тайны нашего будущего. Сверхъестественная кошка, не принадлежащая всецело ни верхнему, ни нижнему миру, предпочитает жить в средней части древа и служить своего рода стражем порога между простирающимися в небо ветвями и корнями, уходящими в преисподнюю.

Глава 4

Человек и кошка;
зфирная кошка;
антропоморфизм;
дарвинизм и духовная эволюция;
Тигр Сеами и внутренняя кошка;
целительные силы кошки;
кошки призрачные и духовные;
фотографии духов;
демонические кошки;
предупреждения об опасности и
предсказания смерти;
изгнание демонической кошки;
приручение тигра.

Сверхъестественная кошка

Архетипическая кошка ведаёт
пути нашего внутреннего мира
и может указать дорогу к сокровищам,
спрятанным в недрах разума.

Патрисия Дейл-Грин. Культ кошки

Мод конец жизни поэт викторианской эпохи Мэтью Арнольд написал элегию на смерть своего кенара Маттиаса. Он не без уважения поминает уже умершую к тому времени кошку Атоссу, которая в свои преклонные годы имела обыкновение лежать подле клетки, глядя на птицу, «с душою смиренной и кроткой». Она уже слишком одряхла, чтобы гоняться, как прежде, за птичками. Арнольд рассуждает, что поскольку Маттиас видел Атоссу лишь старой и слабой, у него наверняка сложилось неправильное представление о кошках, будто «так называемые кошки сплошь милы и добры»! И все же, продолжает поэт, кошка не просто добра, но в полном своем кошачьем величии равна человеку во всей его сложности и даже сравнима с печально известным римским императором Тиберием. С изяществом и точностью подводя итог своим размышлениям о кошачьей природе в одной строфе, Арнольд пишет:

Жесток, но величав и мил,
Бесстрастен, нем, непостижим —
Тиберий так бы восседал,
Когда б Тиберий кошкой был.

рить о кошке исключительно в человеческих понятиях. Способности кошки «почти человечески», жизнь ее «тесно сплетена» с нашей. Надеясь кошку человеческими качествами, Арнольд не просто прибегает к обычной поэтической условности, он касается наиболее поразительного свойства кошачьей натуры — кошка неким непостижимым образом отражает высшие уровни человеческой души.

В кошке заключена фундаментальная тайна — тайна времени и пространства, столь же актуальная для наших современников, как и для древних египтян, ее обожествивших. Кошка возвещает нам почти осязаемое присутствие мира духовного и сама со всей очевидностью подвержена незримым духовным влияниям. Из этого следует, что человека и кошку связывают совершенно особые отношения, а кошачий и человеческий планы бытия — особый симбиоз. Кошка есть канал, ведущий в невидимые человеку сферы. Неизъяснимое ощущение «чего-то высшего», присутствующее в гармоничных отношениях человека и кошки, часто принимается владельцами кошек за данность. Однако, пытаясь описать эти отношения, мы часто обнаруживаем, что нормальное обособление, характерное для связей человека с другими животными, здесь почему-то не работает. В отношении обычной домашней кошки можно задать вопрос, не возможный ни для какого другого животного, будь то дикого или домашнего: кто кем владеет — хозяин кошкой или кошка хозяином?

Возможно, ответом на него будет «шесть» в пользу кошки и «подюжины» в пользу хозяина, однако любой кошколюб вам подтвердит, что вопрос вполне уместен. Некоторые современные психологи усматривают вполне ощутимую духовную связь между владельцем и животным, хотя и называют ее «внутренним контактом». Признание этого очевидного факта привело к появлению специального термина (сразу и в популярной психологической литературе, и в работах, посвященных кошкам), и термин этот — «сверхъестественная кошка»¹.

¹ Английское слово «psychic» — одно из самых многозначных в этой области. Оно означает одновременно и «духовный», и «психический», и «сверхъестественный», и «экстрасенсорный». В широкий обиход оно вошло во второй половине XIX в. на второй волне так называемого Западного оккультного возрождения.

Название звучит весьма привлекательно, но пользоваться им все равно стоит с умеренностью и осмотрительностью, потому что в некотором смысле никаких особых «сверхъестественных кошек» не существует. Все кошки сверхъестественны. Все они обитают в духовном мире, в обычных условиях недоступном людям. «Сверхъестественная кошка» — тавтология наподобие «кошачьей кошки» или «собачьей собаки». Все кошки по умолчанию имеют доступ к тем планам бытия (или к тому уровню духовности), которые, как правило, скрыты от людей.

Слово «сверхъестественный» сегодня настолько популярно в определенных областях, что нетрудно забыть о его происхождении. Хотя изначально оно было предназначено специально для обозначения явлений предположительно духовного толка теми, кто не имел никакого понятия об оккультизме и не понимал, что в оккультной терминологии давно уже есть более точные термины, гораздо более корректно обозначающие области незримого. Какие бы слова ни использовали психологи, оккультист вряд ли назовет связь между кошкой и человеком «сверхъестественной», так как у него есть другие средства для обозначения того незримого мира, где встречаются люди и животные. Но, как бы там ни было, в целях отображения этой важной для нас области мы вполне можем позволить себе такое словоупотребление.

Большинство слов, используемых оккультистами для обозначения духовной природы кошки, нам не подходят, кроме одного, пришедшего из санскрита¹ и нашедшего ныне широкое применение вместо более древних терминов. Это слово — «эфирный».

Эфирный план — это незримая область бытия, из которой жизненная сила истекает в материальный мир. Я только что назвал ее незримой, но в действительности при определенных условиях (например, когда вы находитесь в медитативном состоянии) некоторые относящиеся к ней явления вполне возможно видеть. Впрочем, описать этот план обычными словами крайне затруднительно — просто потому, что у него нет материальных характеристик, и хотя впечатления от пребывания там проникнуты странным ощущением дежавю, они в то же время очень далеки от всего

¹ В действительности — из древнегреческого языка.

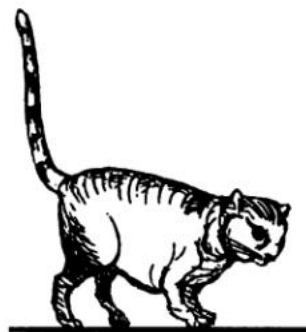

нашего обыденного опыта. Те, кто бывал там (или, лучше будет сказать, «имел соответствующие переживания»), описывают этот мир как прекрасные колеблющиеся ритмы, мерцающий неземной свет, дивные переливы красок и так далее.

Эфирный план часто называют «планом формирующих сил», потому что именно оттуда силы, поддерживающие и стимулирующие жизнь, воздействуют на материальный мир, наполняя его энергией. Это его свойство отражено в древнем алхимическом термине, обозначающем эфирное начало, — «квинтэссенция», или «пятый элемент», стоящий выше четырех стихий — Огня, Воды, Воздуха и Земли, — порождающих все природные явления. Эфирное выше природного, но, несмотря на это, является источником неукротимой естественной жизни.

В этой области не действуют обычные ограничения материи; в ней по-другому течет время и по-другому ощущается длительность. Привычное восприятие прошлого и будущего также меняется: прошедшее и будущее время, условно говоря, аккумулируются в чрезвычайно протяженное настоящее. Пытаясь описать эфирный план в своей книге «Пространства физические и эфирные», Джордж Адамс характеризует его как мир геометрии, обратной евклидовой, определяемый некой космической точкой, несущей в себе зачаток и обещание космического будущего. И хотя все слова в этом описании адекватны и понятны, они наглядно иллюстрируют, сколь несостоятелен язык обыденного общения при описании трансцендентной материи.

Какое же отношение имеет этот таинственный и волнующий воображение мир формирующих сил к сверхъестественному вообще и к кошкам в частности? Оккультисты считают кошку существом, тесно связанным с эфирным планом, словно бы ей куда привычнее обитать там, чем на плане физическом. Согласно этой концепции, большую часть древнеегипетского кошачьего символизма можно понять совершенно по-новому: египетская богиня звездной ночи, чье око — луна, а другое — солнце, есть, несомненно, эфирное создание. Наблюдая за кошкой, в ее безупречных движениях, в ее жизни, исполненной ритмического изящества, мы видим присутствие неразбавленной эфирной силы. Тот факт, что кошки способны чувствовать скрытую опасность,

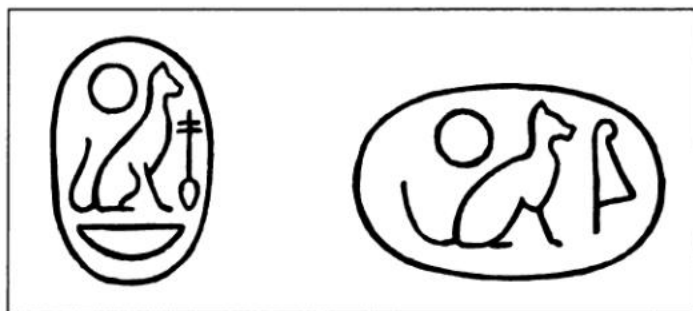

провидеть до некоторой степени будущее, прозревать уровни бытия, обычно скрытые от человеческого взора, и подчиняться иному, чем у человека, течению времени, дополнительно подтверждает, хотя и не столь явно, связь кошки с эфирным планом. И сама эта связь, несомненно, объясняет, почему многие современные авторы, не имеющие возможности определить магию кошки в профессиональных древних терминах, используют простое слово «сверхъестественный», намекая, что животное это принадлежит реальности, превосходящей реальность нашего повседневного опыта.

Оккультная мудрость гласит, что все домашние животные в той или иной степени отражают внутреннюю природу своих владельцев, устанавливают с ними невидимую для остальных сверхъестественную связь. Представление о кошке как о своеобразном психическом продолжении своего хозяина, стало неотъемлемой частью современной популярной литературы о кошках, в которой кошка и хозяин зачастую сливаются в единое целое, меняются ролями или гардеробом. Речь идет не о сказках с оккультными корнями, наподобие «Кота в сапогах». Сына мельника ведут к высшей доле присущие Коту в сапогах разум и смекалка, а тот факт, что Кот носит человеческую одежду, лишь указывает на описанный выше глубинный символизм этой сказки. Иное дело — известная легенда о белой кошке, повествующая о девушке, обреченной несколько лет прожить в кошачьем обличье. Эта легенда относится скорее к фольклорно-психологической, нежели оккультной сфере. Ванималистической литературе такие кошки одеваются как люди, а люди рядятся в кошачьи шкуры или превращаются в кошек. На обыденном уровне подобный символизм не особенно глубок, так как просто выражает исключительно материальными средствами оккультное представление о скрытом духовном измерении, где человеческое и кошачье сливаются воедино, а кошка и ее хозяин если и не равны друг другу, то, по крайней мере, в духовном смысле работают во благо друг другу.

Люди вообще слишком легко видят в кошках продолжение самих себя и с готовностью наделяют их человеческими чертами характера и духовными качествами. Нет сомнений, что и кошки склонны воспринимать людей в кошачьих понятиях. И подобно

Ил. 22. Композиции с иероглифическими кошками на египетских амулетах и печатях

тому, как люди подвергают кошек бессознательной антропоморфизации, кошки тоже испытывают соблазн применить бессознательное «окошачивание» своих владельцев. «Выше нос!» — скажем мы захандрившей кошке; «Хвост трубой!» — ответит она нам в тон. Даже на таком уровне созерцающий становится созерцаемым, а незримые миры, в которых обитают кошка и человек, начинают сливаться воедино. Неудивительно, что многие египетские амулеты со священным оком украшены изображением кошки (ил. 22), ибо, глядя на кошку человеческими глазами, мы видим свою душу, а кошка, глядящая на нас, видит кошачий мир. Да и что такое божественное око Уаджет — вззирающий на нас кошачий глаз или глаз человеческий, смотрящий на кошку? Ответ не имеет значения, пока и человек, и кошка купаются в непреходящем сиянии Хора, которому принадлежит это око.

В «кошачьем» переводе «Безмолвного мяу» Пола Гэллико, выполненном интеллектуальной (если не попросту умничающей) домашней кошкой, открыто признается эта людская склонность видеть человеческое в представителях кошачьего рода:

Я уже упоминала слово «антропоморфизм», — пишет кошка, — и определяла его значение в применении к нам. Оно особенно значимо там, где речь идет о личном отношении, так как большинство людей думают о нас вовсе не как о кошках, но, неким таинственным образом, как о продолжении самих себя.

Эта кошка-писательница совершенно права: люди действительно описывают кошек в антропоморфных терминах. Однако

подозреваю, что перед нами — отъявленный кошачий сноб, а то и макиавеллист: она, не стесняясь, наставляет своих кошек-читателей всячески поощрять в людях такое отношение, аргументируя это тем, что инстинктивный антропоморфизм не дает хозяевам осознать, до какой степени кошка взяла на себя управление домом. Впрочем, нельзя отрицать, что ей присущи мудрость и тонкость, потому что она понимает, насколько наше видение мира определяется бессознательными реакциями и предрассудками.

Так что же, кошка — это некое продолжение человеческих качеств или психологического состояния во времени и пространстве? Окультистская литература настаивает на том, что именно в этом все дело, хотя само это явление описывает не в таких материалистических категориях. Кошка, заявляет оккультист, постигший тайны биогенеза, есть воплощение некоего человеческого качества, нуждающегося во внешней манифестации. В оккультной теории вообще каждое животное мыслится как олицетворение того или иного качества или порока человека, от которого ему надо освободиться в процессе борьбы за развитие сугубо человеческих качеств.

Эта оккультная теория, подразумевающая весьма глубокие отношения между человеком и животными и допускающая между ними гораздо более тесную духовную связь, чем принято считать, слишком сложна, чтобы раскрыть ее в нескольких предложениях. Но смысл ее сводится к тому, что все животные — это воплощения тех сил, которые некогда, в весьма отдаленном прошлом, были частью человеческой природы. Иначе говоря, животные представляют собой освобожденные человеческие склонности, свойства и стремления. Современному читателю трудно понять эту теорию, поскольку она диаметрально противоположна дарвинизму, подчинившему себе наше мышление. Если дарвинисты считают, что человек эволюционировал от существ, подобных современным обезьянам, то оккультисты утверждают, что общее наследие у человека и обезьяны действительно есть, но исключительно духовное. Дарвинизм представляет материалистический взгляд на эволюцию, и его последователи готовы рыться в земле до последнего в поисках доказательств происхождения человека. Окультистская теория постулирует духовное происхождение всего сущего, и по-

тому ее приверженцы ищут предков человека и животных в космосе, понимая, что на земле их материальных останков все равно не найдут, так как древний человек вовсе не имел физической формы, равно как и наиболее развитые из древних животных.

Оккультисты могут поведать вам, что в давние времена, задолго до лемурийской эпохи (которая предшествовала куда более известному веку Атлантиды), человек был духовной сущностью, не нуждавшейся в физическом теле. В тот период ему были присущи многие качества и желания, которые могли бы довести его до дикости, если бы он от них не избавился. Стремясь к самосовершенствованию, он сумел убедить эти нежелательные свойства покинуть его существо, и по мере вывода наружу они мало-помалу обретали самостоятельное бытие. Мир становился более плотным, человек развивал физическое тело, и эти «психические отверженные» занимались тем же самым — обзаводились материальными формами. Именно они и были предшественниками современных животных. Животные первыми сошли в физический мир и облеклись в материю. Именно поэтому в Книге Бытия утверждается, что они были сотворены прежде Адама и Евы (Быт. 1: 24—27). Такой взгляд на происхождение человека — нисхождение из духовного мира вместо восхождения от животных форм — объясняет, почему останки животных находят в геологических слоях, датироваемых периодом, гораздо более ранним, чем приход на землю человека. «Приход на землю» — очень уместное словосочетание, потому что, когда животные обитали здесь уже в более или менее материальных телах, человек соседствовал с ними в духовной форме, никак не зафиксированной в геологическом архиве земли. С тем же успехом можно искать в этой летописи далекого прошлого следы веявшего над землею ветра.

Из этой оккультной теории, сильно упрощенной в моем изложении, можно сделать определенные выводы. Если принять за истину, что человек и животные пребывали некогда в духовном родстве, то верно и то, что человек несет ответственность за животных. Ведь на духовном (по крайней мере) плане они были и остаются частью его самого. Человек вправе любить или отвергать эту тeneвую сторону своего прошлого «я»: он может приручать животных, учить их быть своими слугами или домочадцами,

а может, напротив, загонять их в пучину бестиальности, позволяя выходить из-под контроля, охотясь на них и убивая. Желая следовать по первому пути берет некоторые виды животных себе в домашние питомцы и так учится любви; сознательно или бессознательно он понимает, что искупает нечто, принадлежащее ему самому. Он может прекратить есть мясо на том основании, что нельзя одновременно любить животных и есть их. По этой причине многие оккультные объединения практикуют вегетарианство.

Подобно тому как цветы не просуществовали бы долго без пчел, проповедуют оккультисты, так и человек не протянул бы долго без животных и без установления контактов с ними при помощи бессознательно работающей программы приручения и дрессировки. Незримые и нерушимые узы, связывающие человека со звериным царством, столь же прочны, тонки и экологически необходимы, сколь и те, что объединяют пчелу и цветок, превращая растение и насекомое в цельную экологическую единицу, компоненты которой ведут разный образ жизни, обладают разными правами и обязанностями, но тем не менее нуждаются друг в друге для благополучного продолжения индивидуального бытия.

Одомашнивание животного проникнуто глубоким духовным символизмом, нигде в оккультной литературе не выраженным столь явно, как в описании приручения тигров и волков, превращающихся под рукой человека в кошек и собак. Большинство оккультистов согласятся с тем, что для человека цель и назначение мировой эволюции состоит в познании тайн универсальной любви. Иногда говорят, что прежде, чем научиться правильно любить Бога, нужно научиться правильно любить людей, но прежде, чем это станет возможным, необходимо научиться правильно любить себя самого. К этому можно добавить не столь очевидную истину: прежде чем научиться правильно любить себя, нужно научиться любить животных. С оккультной точки зрения содержание животных в своем доме — это одна из тайных тропинок, идя по которой человек может научиться любить Бога.

Человек, который любит своих домашних питомцев и старается поддерживать с ними гармоничные взаимоотношения, тем

самым учится любить Бога. Все любители кошек — знают они о том или нет, — уже стоят обеими ногами на стезе постижения универсальной любви, являющейся основной целью и задачей любого серьезного оккультиста. И в этом контексте духовного роста и прогресса кошка занимает совершенно особое положение.

Причина необычайной привлекательности кошки для представителей рода человеческого, состоит в том, что это животное воплощает в зримой и плотной форме ту часть человеческой души, которая одновременно прекрасна и безжалостна:

Жесток, но величав и мил,
Бесстрастен, нем, непостижим...

Не нужно обладать богатым воображением, чтобы представить себе, сколь прекрасны были бы мы, люди, обладай мы изяществом кошки. Лучшая из балерин жертвует большую часть своей жизни, непрестанно умиряя тело и душу, дабы достичь подобия той грации, которая свойственна любой кошке от рождения. Здесь сокрыта великая тайна древней истории, связывающая кошку и человеческую душу. Глядя на других животных, мы видим отвергнутые элементы своего прошлого «я», то есть устремляем взор в глубины истории человечества. При взгляде на кошку нам открывается внутренний потенциал собственной души, как если бы мы устремляли взгляд в будущее. Именно в этом и заключена подлинная тайна архетипической кошки египетских мистерий (см. цветную ил. 4), способной уничтожить змея — нашу низшую природу.

Этот бессознательный порыв к универсальной любви и развитие психических связей между человеком и животным породили множество символических сказок, раскрывающих тему зависимости человека от животного царства. Те же самые факторы работают и в сознательном отношении к животным у тех, кто взял на себя труд по исследованию собственного внутреннего мира. Животные вообще и дикий тигр в частности стали символом темных, неприрученных желаний человека.

Когда знаменитому индийскому йогу Тигру Свами задали вопрос о том, как он обрел такую власть над царем джунглей, тот объяснил, что все дело в отношении. «Вы, — сказал он, указывая

на своих посетителей, — видите в тиграх тигров. Я же вижу в них кошечек». Кто-то из присутствующих рассмеялся при этих словах и заявил, что, даже если ему удастся убедить свое подсознание, что перед ним вовсе не тигры, а милые безобидные кошечки, убедить в том же тигров будет гораздо сложнее. Мы, дети Запада, скорее примем сторону этого маловера и стушуемся пред лицом дикого зверя, но разве не правда то, что именно наше отношение к миру определяет его природу? Кошка, одно из самых восприимчивых созданий, может служить настоящим барометром не только внешнего мира, но и мира внутреннего. Прежде чем поведать слушателям свою историю, Тигр Свами заметил, что тело (а вместе с ним и весь материальный мир) в буквальном смысле создается и поддерживается разумом.

Путь Тигра Свами был глубоко символичен, хотя во многом и походил на приключенческий роман. В юности будущий йог неоднократно дрался с дикими тиграми, побеждал и приручал их, но прекрасно понимал при этом, что на свете есть множество других тигров, иные из которых «рыщут в джунглях наших желаний». Это поразительным образом нашло отражение в его реальной жизни, когда местный князь повелел ему победить в сражении недавно пойманного тигра, названного Раджа Бегум. Местные жители считали его воплощением злого духа, проклятого богами и явившегося в образе тигра. Днем он был полосатой лесной кошкой, а ночью принимал демоническую форму. Битва с этим чудовищем, с гладиаторской точки зрения увенчавшаяся полным успехом, полностью изменила жизнь Тигра Свами. Он обратился к своим внутренним тиграм, оставил в покое тигров внешних и отправился на поиски учителя, который помог бы ему побороть «чудищ невежества, рыщущих в лесах его разума».

Многие оккультисты согласятся с Тигром Свами: мир, который мы создаем вокруг себя, отчасти есть отражение нашего внутреннего мира. Мы — средоточия, к которым стремится и в которые изливается вся космическая периферия. В этом центре, вечно жаждущем вновь распространиться к периферии, до самых краев постижения, рыщет множество созданий, одни из которых от света, другие — от тьмы, и самое поразительное из них, без сомнения, кошка. «Архетипическая кошка ведает пути нашего внутреннего

мира и может указать дорогу к сокровищам, спрятанным в недрах разума», — пишет Патрисия Дейл-Грин. И эта оккультная, по сути, точка зрения прекрасно сочетается с видением реальности Тигра Свами.

Широко известно, что владельцы собак нередко бывают похожими на своих питомцев; подчас это сходство приобретает даже карикатурный характер. По мнению оккультистов, это происходит потому, что домашние животные — это зеркала нашего внутреннего, психического состояния. Однако сходство человека и собаки носит, скорее, материальный, чем духовный характер. Другое дело — кошки. Мало кто из владельцев физически похож на своих кошек, хотя духовная корреляция между характерами человека и кошки — совсем не редкость. Нет нужды приводить исторические примеры в доказательство этого утверждения: каждый, у кого есть кошка, понимает, насколько его внутренние процессы отражены в ее личности. Некоторые кошки — в буквальном смысле слова живые зеркала духовной жизни или состояния ума своих хозяев. У духовно травмированного хозяина редко бывает умиротворенное животное; и, напротив, покажите мне довольную кошку, и я скажу, что ее владелец спокоен и безмятежен.

Бывают, конечно, исключения (и какие захватывающие истории можно было бы о них рассказать!), но в целом духовное сходство между владельцем и кошкой обычно оказывается настолько очевидным, что приходится признать: истинное владение, истинная хозяйская ответственность — явление духовного плана, недоступное обыденному уровню восприятия. Так что же такое кошка, этот пленительный элемент внешнего мира? Воплощенный фрагмент психики своего хозяина или облаченный в материальную оболочку символ, обладающий духовным смыслом и содержанием? Трудно ответить на этот вопрос, не вдаваясь в разнообразные и сложные оккультные теории. Но все же вполне понятно, почему некоторые астрологи составляют гороскопы для кошек, как если бы они пребывали в тех же отношениях со звездами и космосом, что и люди, или обладали внутренней жизнью души и духа, обычно считающейся исключительной прерогативой представителей рода человеческого. Кое-кто из астрологов идет еще дальше и рассматривает синастрию — совмещение гороскопов — хозяина и

кошки, прослеживая планетарные связи между двумя картами и объясняя отношения между их субъектами. Синастрическая астрология — особая область астрологического искусства: в синастрии карты партнеров сравниваются между собой для выявления всевозможных параллелей, духовных и не только. Применение этой методики для изучения отношений между кошкой и человеком кошка-писательница Гэлликко наверняка расценила бы как крайнюю форму антропоморфизма.

Есть множество свидетельств о том, что «сверхъестественные кошки» не ограничиваются отражением внутренней природы своих хозяев. Будучи причастной к духовному миру, кошка общается с ангелами и демонами и является одним из немногих истинно ясновидящих существ. Кошка-ясновидица — это вам не просто много повидавший уличный философ популярной литературы, и даже не мудрец литературы эзотерической. Она, как героиня Эзоповой басни, обитает в дупле дерева на полпути между небом и землей. Ясновидящая кошка — психопомп, водитель душ, обладающий властью не только показать человеку дорогу в inferнальные области, но и вывести его оттуда. Временами сверхъестественная кошка опасно близка к кошке демонической (о ней мы еще поговорим подробнее в главах 6 и 7), но это исключительно потому, что, будучи ясновидицей, она открыта разнообразным уровням бытия, окружающим человека со всех сторон.

Обитая, вне всякого сомнения, в недоступном для обычных людей духовном мире, кошка оказывается осведомлена об опасностях, уже очевидных на тонком плане, задолго до того, как они проявятся на более плотном материальном. Благодаря этому дару «повышенного осознания», или инсайта, преданное хозяину животное может предупредить его о грядущей беде, которая иначе осталась бы от него сокрытой. Есть сотни примеров того, как кошки оказывались полезны хозяевам именно своей психической чувствительностью. В своей интереснейшей книге «Невероятные кошки» Дэвид Грин приводит несколько весьма впечатляющих примеров такого рода помощи. Иногда кошки буквально спасали хозяевам жизнь, когда тем грозила беда, как, скажем, в Британии во время Второй мировой войны, когда они предупреждали людей о налетах нацистской авиации еще до объявления воздушной

тревоги, и те могли своевременно укрыться (разумеется, вместе с питомцами!) в бомбоубежищах. Среди этих подлинных историй о кошачьих подвигах есть и рассказ об итальянском коте по кличке Тото. Почувствовав опасность посреди ночи, когда его хозяева крепко спали, кот принялся царапать хозяину щеку, разбудил его и продолжал тормошить до тех пор, пока тот не понял: что-то не так. Хозяин разбудил жену, чтобы обсудить странное поведение кота, и они решили спешно убраться со всей семьей подальше и от греха, и от Везувия, где в то время жили, в другую часть области. Они и понятия не имели — зато их кот, скорее всего, имел, — что через час начнется извержение вулкана и их деревня будет погребена под потоками лавы.

Однако куда важнее этих относительно редких эффектных историй о чудесном спасении многочисленные свидетельства присущей кошкам способности исцелять. Целительная сила кошек давно уже признана медиками, которые даже рекомендуют своим пожилым пациентам, которым показаны покой и умиротворение, заводить этих животных дома. Целительная сила кошки нашла отражение и в египетском символизме, где особо подчеркивалась ее роль убийцы змей, ибо змея в человеческом мире была носительницей смерти, эмблемой темных сил, вызывающих болезнь. Подобные представления существовали в греческой, римской, арабской и европейской культурах, хотя иногда и в уродливой форме — в виде фальшивых заклинаний и целительных смесей, в которые входили различные части тела кошки — от усов и до хвоста, от языка до когтей, — якобы обладающие лечебными свойствами. Мы уже упоминали рецепты обычной и черной магии, в которых входящие в их состав кошачьи органы оказывают то или иное действие, и развивать дальше эту жуткую тему не станем. Современные психологи практикуют более здоровый и холистический подход, так как рекомендуют для работы с аутистами или пациентами, близкими к коме, использование исключительно живых кошек в единстве шерсти, лап и духа.

Среди самых трогательных случаев исцеления можно упомянуть мексиканскую девочку по имени Мария, которую в 1976 году вывел из, казалось бы, необратимой комы некий таинственный котик. Котенок, окрещенный впоследствии Мигелем,

проник к ней в комнату и принялся вылизывать пальцы рук. Он приходил каждую ночь, пока Мария не вышла из комы и не заговорила с родителями. Когда девочка поправилась настолько, чтобы уехать на отдых, Мигель исчез так же загадочно, как и появился.

Есть пример и поближе: преподобный Вуд пишет о своей голубой кошке Преттине, которую звал для краткости Прет. Во время долгой болезни хозяина кошка назначила себя старшей сиделкой.

Было просто поразительно, как быстро она выучила расписание часов, в которые мне нужно принимать лекарства или есть; ночью, если моя сиделка засыпала, кошка шла и звала ее, а если без жестких мер разбудить не удавалось, принималась слегка покусывать спящую за нос. Средство это для произведения желаемого эффекта оказалось безотказным. Достигнув своей цели, мисс Прет самым внимательным образом надзирала за приготовлением всего, в чем я нуждался, а затем шла ко мне и ласковым «мурр-мурр» сообщала, что помощь идет.

Самым удивительным во всем этом было то, что в своих расчетах времени она никогда не ошибалась и на пять минут, даже глухой и темной ночью. Кто мне скажет, как это маленькое существо умудрялось отсчитывать быстро летящие мгновенья и при помощи какой силы увязывало течение времени с фигурой сиделки и ее обязанностями? Без сомнения, здесь работало нечто большее, чем разум.

Безошибочная точность этой мудрой кошечки была тем более удивительна, что расчеты ее были безупречны и ночью, и днем. В доме не держали бьющих часов, которые могли бы ей в том помочь; не было это и привычкой, так как ее верное попечение обо мне началось лишь с болезнью, а по выздоровлении немедленно прекратилось. Эту столь внезапно появившуюся и столь же внезапно исчезнувшую удивительную способность невозможно объяснить так называемым инстинктом. Наверняка некое духовное водительство оживило это полное сочувствие маленькое создание и наставило его к трудам любви.

Хотя оккультисты и стали бы отрицать реальность такого явления, как «сверхъестественная кошка», все же эта особа — неземная, нереальная или «духовная» — проложила себе дорогу в символические системы, искусство, литературу и фольклор в ве-

личайшем разнообразии форм и обликов, как уже было показано на примерах, во множестве приведенных на страницах этой книги. Поскольку словосочетание «сверхъестественная кошка» не имеет самостоятельного смысла, ему с течением времени приписали самые разнообразные значения. «Призрачная кошка», «кошка-целитель», «кошка-экстрасенс», даже «окультная кошка» — так называли нашего сверхъестественного зверька разные авторы с тех пор, как слово «сверхъестественный» впервые употребили в этом контексте в конце XIX века. И все же если словосочетание это должно иметь некий конкретный смысл, применяться оно может лишь в первом из перечисленных значений. «Сверхъестественная кошка» — кошка, обитающая на плане, находящемся за пределами обыденного опыта.

Именно такой тип сверхъестественной кошки некоторые авторы считают вероятным прообразом Чеширского Кота из кэрроловской «Алисы в Стране Чудес». В Конглтоне (недалеко от Дерсби, графство Чешир), по слухам, водился призрак белой кошки. Местные жители имели возможность неоднократно наблюдать эту манифестацию на протяжении XIX века. Известны и несколько случаев, относящихся к XX столетию. Призрак имел обыкновение сидеть на столбе неподалеку от руин Конглтонского аббатства. Как только к нему приближались люди, он подпрыгивал и исчезал. Когда случаи эти (впервые зафиксированные в литературе в начале нынешнего века) были расследованы, выяснилось, что в доме у миссис Уиндж, экономки старого аббатства, некогда жила кошка.

С кошкой, вероятно, произошел какой-то несчастный случай, так как однажды вечером она вернулась домой уже в виде духа. Кошка мирно сидела на крыльце, но в дом заходить отказывалась. При попытке миссис Уиндж загнать ее внутрь, кошка у нее на глазах медленно растворялась в воздухе. Каждый вечер она возвращалась, сидела на ступеньках, а затем исчезала, нимало не стесняясь многочисленных друзей и соседей, собиравшихся поглазеть на поразительное явление. Хотя конглтонский призрак существовал еще до написания Кэрроллом «Алисы», нет никаких свидетельств (кроме географической близости Конглтона к Дерсби) в пользу того, что писатель знал об исчезающей кошке и мог использовать ее в качестве прототипа своего знаменитого кота.

В занимательной книге о призраках животных Эллиот О'Доннел признает, что чаще всего из духовных явлений в частных домах видят именно призрачных кошек. На основании собственного опыта посещения домов с призраками автор доказал (к величайшему собственному удовлетворению), что кошки работают «достойным доверия психическим барометром». Замечательная фраза! Многие владельцы кошек с удовольствием подтвердят, что их питомцы крайне чувствительны ко всему, что происходит на сверхъестественном плане. Известна масса правдивых историй о том, как кошки немедленно реагировали на появление призраков или духовных существ или как умершие кошки возвращались «в духе» в любимые при жизни места. Прекрасный пример такой истории приводит итальянский исследователь сверхъестественных явлений Эрнесто Боццано: это случай из его практики, имевший место в первом десятилетии XX века и связанный как раз со смертью кошки.

Некая леди ужасно боялась кошек (это называется айлуорофобией), но у нее в доме было столько мышей, что кошку приобрести все-таки пришлось. Не без колебаний она сделала это и назначила нового питомца ответственным за домашнее хозяйство. Судя по всему, свою работу кошка выполняла хорошо, но в один прекрасный день у нее начались припадки, и слуги получили приказ ее утопить. Вот как рассказывает о дальнейших событиях сама хозяйка.

Вечером того дня, когда животное было уничтожено, я сидела, погрузившись в книгу, у себя в гостиной, как вдруг, повинувшись внезапному импульсу, подняла глаза и поглядела в сторону двери. Я увидела — или мне показалось, что увидела, — как дверь медленно отворилась, и в комнату вошла кошка, лишившаяся утроб жизни. Это, без сомнения, было то самое животное. Оно выглядело очень худым и было совершенно мокрым, с него стекала вода. Только выражение его глаз не было прежним: кошка смотрела на меня совершенно человеческим взглядом и так печально, что я почувствовала боль.

Подозревая, что слуги недоглядели и кошка осталась жива, леди позвала горничную, чтобы та выгнала ее. Однако девушка не

увидела никакой кошки, которая между тем оставалась для хозяйки «ясно видимой и материальной, как стол или стул». Горничная сообщила, что слуга при ней вынес мертвое тело в сад, чтобы похоронить. Когда девушка ушла, кошка медленно растворилась в воздухе и более не появлялась.

Восприимчивость кошки к необычным, опасным и оккультным явлениям и ее легендарное «второе зрение» фигурируют во множестве похожих друг на друга историй. Одна из самых содержательных таких историй была изложена в письме, пришедшем в редакцию журнала «Оккалт ревю» в апреле 1924 года. Как-то раз подруга автора письма увидела призрак одного своего родственника, восседающий в кресле. В это время ее кошка вошла в комнату и немедленно вспрыгнула на колени привидения. Призрачные колени ее, однако, не удержали, и кошка, чрезвычайно возмущенная, шлепнулась на пол.

Кот по имени Мисуф, работавший фамильяром французского писателя Александра Дюма-отца, вошел в историю благодаря своим сверхъестественным способностям, неоднократно упоминавшимся в книгах о кошках. Дюма сам сообщает о том, что каждое утро, когда он отправлялся на работу (а служил писатель будущему королю Франции Луи-Филиппу), Мисуф сопровождал его от дома на рю де ль'Уэст до угла рю де Вorigар. Каждый вечер кот встречал его на этом самом месте и провожал домой. Хотя в таком поведении, строго говоря, нет ничего необычного, примечателен (и весьма красноречив в плане могучих сверхъестественных способностей Мисуфа) тот факт, что, когда Дюма покидал контору в назначенное время, кот принимался скрестись в дверь, требуя, чтобы его выпустили на улицу и дали вовремя поспеть на место встречи. Когда Дюма по тем или иным причинам не мог уйти со службы в обычное время, кот преспокойно сидел дома и никуда не рвался.

Преподобный Дж. Дж. Вуд в своей трехтомной естественной истории животного царства признается в особой любви к кошкам. Вуд отнюдь не был оккультистом, но это не мешает ему приводить ряд историй о необычайной чувствительности и духовной природе своих любимцев. Длинная евлогия Вуда его кошке Прет, «самой одаренной и уникальной кошке, когда-либо

промышлявшей мышей или гревшейся на коврике у камина», — классика жанра и замечательное чтение для любого кошколюбца. Прет была, вне всякого сомнения, необычайно развитой в духовном плане особой, но Вуд прежде всего обращает внимание на ее чувствительность к статическому электричеству, накапливающемуся в человеческих волосах. Именно этим, вероятно, объясняется тот факт, что стоило поместить волосок с головы ее хозяйки на шерсть Прет, как

... кошка принималась извиваться на полу, выворачивая все тело в яростных изгибах, изо всей силы стремясь стряхнуть предмет своих страхов. Достаточно было указать пальцем ей в бок, чтобы у нее шерсть тут же встала дыбом, а тело задрожало, хотя бы оскорбительный палец и находился в шести дюймах от нее.

Вуд пришел к заключению, что этот электрический заряд, присутствующий в теле кошки, был одной из причин того, что люди, страдающие от ревматизма, часто чувствовали облегчение своих мук в присутствии такого «электрически одаренного животного». Однако куда более впечатляющая «сверхъестественная» история приключилась в 1853 году в связи с пожаром на мельнице в Пиблсе.

Некое семейство обитало некоторое время на южной стороне моста Кадди-Бридж. Затем они переехали на другой берег и вынуждены были оставить на прежнем месте кошку, которая отказалась покидать привычные уголья. Впрочем, новые обитатели дома ей тоже не понравились, и она перебралась на мельницу в Пиблс, где и прожила благополучно около полутора лет.

18 октября 1853 года в десять часов вечера бывший хозяин кошки стоял на церковном крыльце, перед ним появилась его беглая питомица, которая мурлыкала и терлась об ноги, как в старые добрые времена. Он взял ее на руки, а когда попытался поставить обратно на землю, она всеми лапами вцепилась ему в грудь и дала понять на своем кошачьем языке, что намерена отправиться домой с ним. Через шесть часов после возвращения беглянки, на мельнице случился пожар, в самое краткое время превративший ее в груды почерневших тлеющих руин.

Известны тысячи подобных историй, и во всех них кошка фигурирует в качестве совершенно необычайного сверхъестественного создания. Среди них еще одна стоит упоминания: помимо того, что это одна из самых причудливых историй о кошках-призраках в Соединенных Штатах, она еще и подчеркивает, до какой степени собака менее чувствительна к парапсихическим феноменам, чем кошка.

Впервые сюжет появился в «Уикли диспатч» от 3 апреля 1921 года в статье о странных происшествиях, связанных с так называемым Феррифордским призраком. Жители этой маленькой деревеньки в Нью-Джерси были так напуганы их местным призраком и пребывали в таком нервном напряжении, что полиция сочла необходимым распорядиться о профилактической конфискации всего огнестрельного оружия.

Феррифордский призрак был при жизни неким Джоном Кохом, державшим в деревне мастерскую по починке моторов. В пылу ссоры он прикончил своего механика, а затем совершил самоубийство. Через некоторое время после этого инцидента призрак Джона Коха явился в гостиной коттеджа, где жил покойный, в сопровождении громадной белой кошки, чем чрезвычайно испугал пришедших выразить соболезнования его вдове. «Уикли диспатч» продолжает:

Вчера ночью четырнадцать человек во главе с местным полисменом оцепили коттедж, твердо намереваясь разрешить эту загадку. Среди них был человек, у которого Кох за день до смерти одолжил денег, и собака, при помощи которой надеялись призвать к порядку призрачную кошку. Вскоре после полуночи из коттеджа раздался громкий грохот. Войдя внутрь, наблюдатели обнаружили на полу портрет тещи покойного. Затем они услышали глухой хохот, и Кох собственной персоной показался в окне, окруженный «слабым голубым туманом», как его описали очевидцы. На небольшом грушевом деревце за его спиной восседала крупная белая кошка с длинными усами. С громким лаем собака устремилась к кошке. Та спрыгнула на землю. К величайшему своему удивлению, собака проскочила прямо сквозь кошку, а челюсти ее схватили лишь воздух. Почувствовав себя неуютно в этой ситуации, собака издала глухой вой и бежала с места происшествия. Тем временем <...> остальные из партии забрасывали «призрака» лампами, утюгами и прочим скарбом.

Привидение, однако, лишь сардонически улыбнулось, подозвало кошку и растворилось в воздухе.

Конечно, любители собак могут возразить, что, хотя их любимцы более твердо стоят лапами на земле, чем кошки, они не менее восприимчивы к духовным явлениям, и приходится признать, что многочисленные истории о «сверхъестественных собаках» вполне подтверждают эту точку зрения. Меня часто поражал тот факт, что существует куда больше фотографий «сверхъестественных» собак, чем кошек. Объяснения этому у меня нет, за исключением предположения, что владельцы кошек чувствуют, что их питомцы продолжают жить в духовном мире, и не испытывают потребности тащить их назад, в мир материальный, чтобы утолить свое горе — пусть даже в виде фотографий. С другой стороны, владельцы собак известны своим материализмом и худшей настройкой на мир незримый, чем большинство кошкочеловеков, а потому нуждаются в некоем материальном подтверждении того факта, что их любимцы продолжают жить и после смерти. В конце концов, нет ничего более «духовно-материалистичного» (по замечательному выражению Чогьяма Трунгпы), чем фотографии мертвых, ибо мертвые есть духовные существа, обитающие в высшем мире, в то время как обычная фотография способна зафиксировать лишь свет, падающий на чувствительную эмульсию. Такие фотографии просто призваны подтвердить недоказуемое суеверие, будто после смерти остается духовное тело, обладающее более или менее теми же внешними характеристиками, что и оставленное им физическое. Имеет ли это духовное тело хоть какое-то отношение к ушедшему духу, вызывает большие сомнения, тем более что в некоторых случаях оно может быть всего лишь симулякром, используемым другими невоплощенными созданиями в собственных целях.

Первый из великих спиритуалистов, Эндрю Джексон Дэвис, предупреждал своих читателей именно об этом и советовал тщательно проверять духов, являющихся им на спиритических сеансах и в ходе личных исследований.

Оккультисты, в свою очередь, допускают, что одна из духовных форм до некоторой степени напоминает земное физическое

Ил. 1. Кошка на дереве: вечный образ хитроумной кошки, в совершенстве овладевшей своим единственным искусством — выживания. Иллюстрация к басне Эзопа «Кот и лисица», издание XVI в.

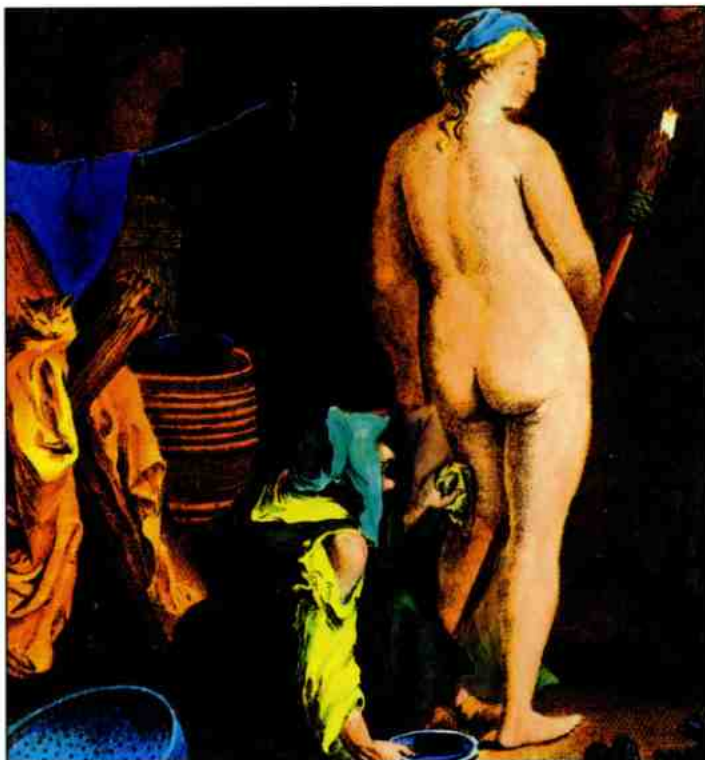

Ил. 2 (слева). Кошка, превращенная богиней Венерой в женщину, обнаруживает свою истинную природу. Иллюстрация Артура Рэкхема к басне Эзопа «Венера и кошка», издание 1912 г.

Ил. 3 (справа). «Иудина кошка», которую Иуда Искарот кормит хлебом (символом святого причастия).
Фрагмент гобелена XV в.
с изображением Тайной Вечери.
Галерея Уффици, Флоренция

Ил. 4 (внизу). Египетский кот, символ солнечного и звездного света, убивающий Апопа, змея тьмы. Папирус Унефера, египетская «Книга Мертвых», издание Уоллиса Баджа

Ил. 5. Средневековый образ кошки как ведьмовского фамильяра. Раскрашенная от руки гравюра Малевра по рисунку Кевердо «Отправление на шабаш». Тот факт, что кошка (de gigueur на изображениях ведьм) сидит на скрещенных деревянных балках, условно намекающих на крест, должен символизировать распространенные в Средние века представления о том, что ведовские ритуалы непременно подразумевают осмеяние и поругание христианских святынь и верований

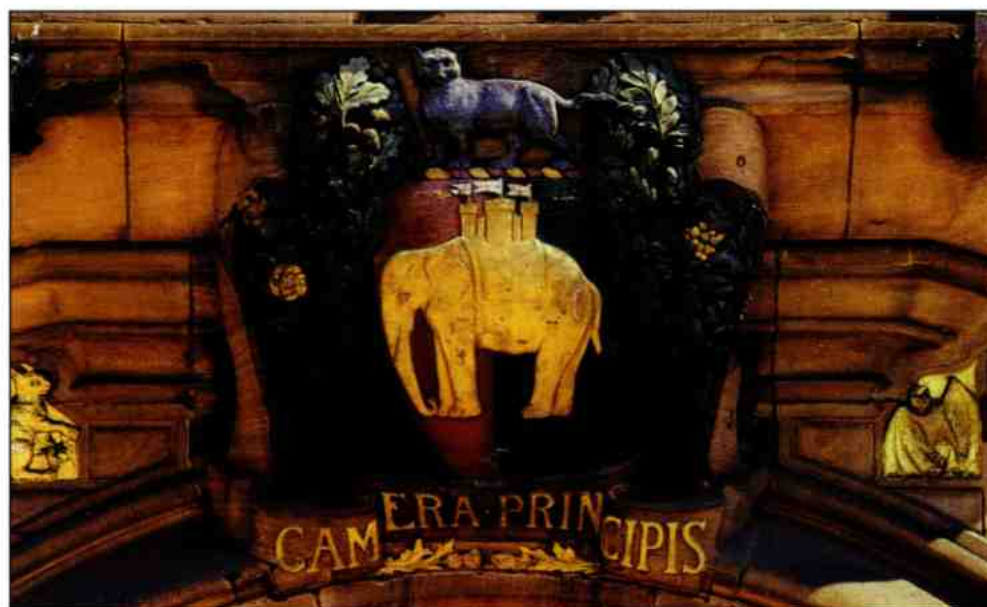

Ил. 6. Бюст Шарля Перро в парижском саду Тюильри. У его подножия — один из вечных его героев, жизнерадостный Кот в сапогах

Ил. 7 (справа). Демон Флаурос
с кошачьей головой, явный
наследник котоглавой
египетской богини Сехмет.
Раскрашенная от руки
гравюра из «Инфернального
словаря» Колена де Планси,
издание 1864 г.

Ил. 8 (внизу). Гербовая кошка на гербе города Ковентри.
Лепнина над входом в мэрию
Ковентри

Ил. 9 (справа). Голова кошки
на мемориальной плите
Томаса Феррера (ум. в 1970
г.). Скульптор Джон Протероу,
северная стена алтаря
церкви св. Михаила,
Бэддсли Клинтон

Ил. 10 (внизу). Кошка,
наблюдающая за лососем:
одна из жизней Брана.
Иллюстрация Артура Рэкхема
к «Ирландским сказкам»
Джеймса Стивена, издание 1920 г.

Ил. 11. Памятник коту Дика
Уиттингтона на Хайгейтском
холме, Лондон

Ил. 12. Призрачная кошка
рядом с живой. Фотография
Альфреда Холлиджа,
сделанная в 1974 г. в Лион-Си

Ил. 13 (слева). Созвездие Кошки (Felis), помещенное Лаландом в 1805 г. между созвездиями Гидры и Воздушного Насоса. Иллюстрация в «Астрономической библиографии» Лаланда, издание 1805 г.

Ил. 15 (справа). Кошачья голова (возможно, голова львицы) на портале дома на Виа Торта, Флоренция

Ил. 14 (внизу). Китайская монета с изображением двенадцати зодиакальных животных, используемая для предсказаний по методике «И цзин» («Книги Перемен»)

Ил. 16. Аркан «Луна» из Таро
Кошачьего Народа
(лицо и рубашка).
Tarot of the Cat People,
Karen Kuykendall, 1985

Ил. 17. Иероним Босх
«Сад земных наслаждений».
Под райским деревом кошка гордо
шествует с мертвой крысой в зубах.
Музей Прадо, Мадрид

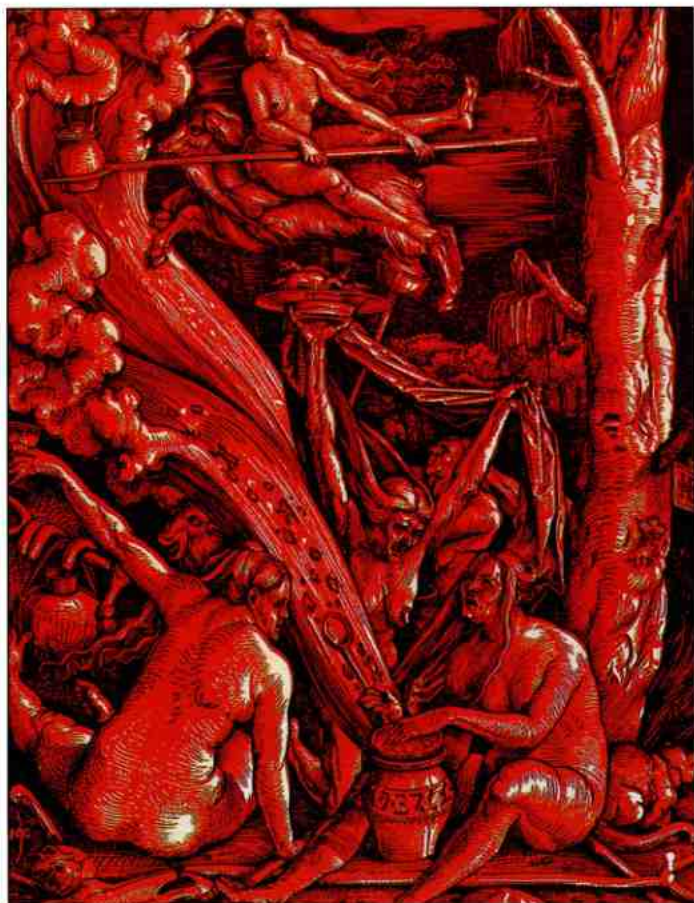

Ил. 18 (справа). Кошка (на пороге комнаты) считалась олицетворением греха гордыни. Фрагмент верхней панели «Семи смертных грехов» Иеронима Босха. Музей Прадо, Мадрид

Ил. 19 (внизу). Купидоны избивают кошку. Эмаль Кули Нуайе, Барджелло, Флоренция. Образный ряд почти наверняка призван напоминать популярный христианский сюжет поругания Агнца

Ил. 21. Ганс Бальдунг Грин.
«Ведьмы», 1510.
Ведьмы колдуют и варят
зелья в присутствии
кошки-фамильяра

Ил. 20. Демон Базль с тремя
головами: кошки, человека
и жабы. Колен де Планси,
«Инфернальный словарь»,
издание 1863 г.

Ил. 22 (справа). Ведьмовской фамильяр в виде демонической кошки по имени Сатана. Материалы процесса над ведьмами в Челмсфорде в 1579 г.
Из трактата того времени, посвященного судам над ведьмами и казням виновных через повешение

Ил. 23 (внизу). Иллюстрация к «Царству тьмы» Натаниэля Крауча, 1688 г. Ведьма по имени Анна Боденхэм прорицает будущее при помощи пляшущих демонов, кошки и собаки

Ил. 24. Фрагмент надгробия леди Анны Смит в церкви святого Михаила в Эдмондторпе. Левая рука изваяния надломлена, а запястье запяtnано некой темнокрасной, видимо, железистой субстанцией. Леди Анна считалась ведьмой и пострадала от того, что оккультисты называют «откатом». Местные легенды утверждают, что дама часто превращалась в кошку. Както раз она в таком виде повстречалась с собственным мясником, который хотел изгнать ее из кухни и поранил лапу, ткнув мясным тесаком. Когда кошка вновь превратилась в леди, у нее на запястье оказалась рана. Эту раненая рука, как гласит народная молва, и изображена на надгробии

Ил. 25. Горгулья с кошачьей головой и магической спиралью. Южная стена приходской церкви в Литлборо. Символ спирали встречается в церковной архитектуре не так уж часто, но изображения кошек в виде горгулий на внутренних поверхностях сводов и других элементах декора довольно распространены

Ил. 26. «Лилит Семи Сказаний». Фэй Померанс, 1986 г.
Художница, особо интересующаяся еврейским
и египетским искусством, представила древнюю тему
в новом свете, попытавшись провести параллель между
семитской демонессой Лилит, первой женой Адама,
и кошачьей богиней Египта.
Частная коллекция

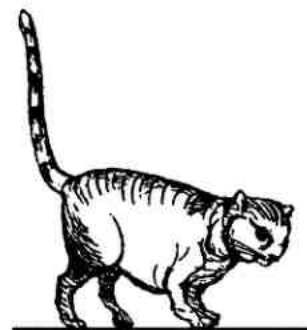

тело, но указывают, что на астральном плане эта «копия» существует весьма недолго. Согласно этим хорошо информированным источникам, в так называемых фотографиях духов и привидений есть нечто глубоко подозрительное, если между уходом прототипа из материального мира и явлением фантома прошло достаточно продолжительное время.

Между тем лучшие образцы «фотоизображений духов» животных запечатлевают именно недавно умерших созданий. Я ставлю словосочетание в кавычки, так как специалисты по истории предмета настаивают на варианте «фотографии душ» или просто «сверхъестественные фотографии», так как, согласно оккультной теории, дух как таковой — в отличие от души — ни при каких обстоятельствах не принимает формы достаточно плотной, чтобы оказаться запечатленной на пленке. Кроме того, животное духа как такового не имеет, хотя имеет то, что можно было бы назвать душой. Я уже рассказывал ранее на страницах этой книги об оккультной концепции групповой души и повторяться здесь не буду.

Ил. 23. Фрагмент семейного снимка с призрачной головой котенка. Фотография сделана майором Уилмотом Эллистоуном в 1925 году

Одна из самых поразительных фотографий кошки в рассматриваемом жанре была сделана в августе 1925 года майором Уилмотом Эллистоуном, когда он с семьей останавливался в пансионе в Кларенсе (Шотландия). Сама фотография — обычный семейный снимок со скверной композицией, где мать или няня стоит с коляской, один ребенок сидит в ней, а другой (которого явно интересуется не папа и не камера, а нечто за пределами кадра) стоит на первом плане. Когда пленку проявили и снимок отпечатали, майор Эллистоун, к своему удивлению, обнаружил на увеличенном его фрагменте свернувшегося на руках у стоящего мальчика призрачного котенка (ил. 23) — рядом с куда более вещественным игрушечным кроликом в левой руке. В момент, когда был сделан снимок, никакого котенка, понятное дело, на руках мальчика не было. Насколько можно судить по фотографии, ребенок не держит в руке тельце котенка; видна только его голова — призрачное напоминание об исчезающем Чеширском Коте, хотя и без непрменной улыбки. Внешний ее вид по качеству отличается от прочих деталей фотографии: она почти прозрачна, а тень под ней, позволяющая разглядеть абрис мордочки, не настолько густа, как тень от кролика или от руки мальчика.

Интересно, что майор признал, что такая же голова была у их белого котенка, с которым часто играл его сын, его ужасно искалечил сенбернар за несколько недель до того, как был сделан снимок, и вскоре котенок умер. Фотография эта сохранилась по счастливой случайности, майор Эллистоун интересовался оккультным учением мадам Блаватской и ее Теософским обществом, отчего и решил послать снимок в лондонское Общество психических исследований. Никакого объяснения явлению котенка он так и не получил. Подлог в качестве варианта даже не рассматривался: стереоскопический микроскоп показал, что оригинальный негатив подлинный. Снимок и заключение Общества затерялись в подшивке писем на несколько десятилетий, пока в 1976 году я случайно не наткнулся на них, разбирая корреспонденцию по сверхъестественным фотографиям.

Другая, не менее примечательная, фотография кошки была сделана также случайно неким Альфредом Холлиджем из Ли-он-Си (графство Эссекс) в июне 1974 года. Пересвеченный снимок

должен был запечатлеть семейную любимицу Холлиджей, кошку по имени Моне, в любимой позе у электрокамина. Цветная пленка была не сразу обработана, и за это время мистер Холлидж заболел и умер в сентябре того же года.

Когда миссис Холлидж открыла наконец пакет с фотографиями, она чрезвычайно удивилась, увидав на снимке перед Моне некое дополнительное существо, возможно, призрачного котенка, из тела которого исходила странная полоса, пересекавшая коврик (см. цветную ил. 12). Во время фотосессии у Холлиджей в доме была только одна кошка. Внимание, с которым Моне смотрит на чужака, свидетельствует, что хотя мистер Холлидж мог и не видеть его в процессе фотографирования, кошка, безусловно, видела этот призрак.

Эта фотография напомнила мне о вполне достоверной истории от Поль Хэмпсоу, которую я нашел в «Журнале любителей кошек» примерно за 1974–1975 годы. Ее кошку Дину задавила машина. Взамен семейство купило двух бирманских кошек по имени Скорпион и Водолей (не могу не заметить, чудесные сверхъестественные имена). Где-то в десять часов вечера, когда домочадцы ужинали с родственниками, у обеих кошек шерсть на загривке встала дыбом и обе устались на корзинку, в которой раньше обитала Дина. Кошки яростно фыркали и выгибали спины — продолжалось это четыре или пять минут. После того как гости ушли, супруг миссис Хэмпсоу признался, что на протяжении этой сцены наблюдал Дину, сидящую у себя в корзине и безмятежно оглядывающую комнату. Через некоторое время кошка растворилась в воздухе.

Одна из самых знаменитых сверхъестественных кошек никогда не была запечатлена на пленке, но ее явления — признанный факт, принесший ей личный титул «Кошки из Киллэки» или «Черной кошки из Киллэки». Немногие призраки, подобно ей, удостоились живописного портрета. Как сообщает современный автор Дэннис Барденс, первые сообщения о встречах с этой демонической кошкой в Доверс-хаус в Киллэки (Ирландия), посещавшемся, помимо адского животного, и еще несколькими более обычными призраками, датируются еще XVIII веком. Информацию оккультного характера об этом месте Дэннис приводит в своей книге

«Сверхъестественные животные», так что я ограничусь современными свидетельствами.

Хотя письменные свидетельства существуют с давних времен, наиболее выразителен рассказ о появлениях кошки из Киллэки художника Тома Макэсси, чьи личные впечатления сохранила для нас «Даблин ивнинг хералд» за декабрь 1968 года. Макэсси рисовал в галерее Довер-хаус, когда запертая дверь мистическим образом отворилась. Он вышел посмотреть, что там такое, и увидел в коридоре туманную фигуру. Решив, что кто-то его разыгрывает, он закричал человеку:

— Входите уже, я вас вижу!

— Ты не видишь меня, — отвечал низкий голос.

Макэсси хлопнул тяжелой дверью и ушел в галерею. На полпути он оглянулся и увидел чудовищную черную кошку, которая глядела на него пылающими красными глазами.

Позже, в тот же самый день, Макэсси вернулся к себе и написал это создание в точности в том виде, в каком оно ему явилось. В статье говорилось, что портрет привидения впоследствии был выставлен в постоянной экспозиции в художественном центре Киллэки. Самое приятное во всей этой истории то, что, случись она в древние времена, судьба художника, повстречавшего демоническую кошку, была бы совершенно другой. Вместо того чтобы выставлять его работу в местной художественной галерее, его попросту повесили бы: встречи со сверхъестественными существами были вполне достаточным для этого поводом. Суд над Дорити Эллис, состоявшийся 30 мая 1647 года и запротоколированный историком Сесилом Лестрейнджем Ивеном, служит наглядным примером тому, как знакомство с демонической кошкой приводит человека на эшафот.

...Дорити Эллис поведала, что тому уже тридцать лет как она сильно повредила в уме, ибо явился ей диавол в облике кошки великой размером, и говорил с испытуемой, и требовал у нее ее крови, которую она ему дала, после чего дух в облике кошки сосал от тела испытуемой и первое, что испытуемая повелела духу сделать, это пойти и зачаровать четырех из коров Хитча, каковой скот к сему времени пал, и далее испытуемая призналась, что посылала своего духа кошку заколдовать и забрать жизнь Мари, дочери Салтера из Стретхэма...

В «Архивах Йоркского замка» есть запись от 14 октября 1654 года, в которой Элизабет Робертс, жена столяра из Беверли, обвиняется в колдовстве. Одно из обвинений гласит:

...в прошлую субботу около семи часов вечера Элизабет Робертс явилась пред ним в обычных своих платьях, с брыжами на шее, и затем исчезла, обратившись в подобие кошки, что едва не вцепилась ему в ногу и после долгой борьбы исчезла, после чего он ощутил сильную боль в сердце. В среду на него снова набросилась кошка и поранила ему голову, после чего он впал в обморок или катаlepsию. После нападения он видел, как помянутая Элизабет запрыгнула на стену.

Сверхъестественная кошка или демон? Подобные свидетельства так часты и так типичны для литературы по колдовству, что представляют собой тривиальнейший пример показаний «очевидцев» колдовства в XVI и XVII веках, когда обличье кошки считалось излюбленным у дьявола, а всех домашних кошек подозревали в пособничестве ведьмам. Впрочем, в наши дни, встретив призрачную или даже демоническую кошку, никто не относит ее уже автоматически к дьявольским любимцам, но считает просто духом, оказавшимся за пределами мест своего обитания — наполовину в мире духовном, наполовину в нашем. Количество встреч с призрачными или астральными кошками с тех пор не уменьшилось; изменилось лишь толкование и понимание этого феномена.

Переход через завесу, отделяющую наш мир от мира мертвых, часто связан с явлением кошки — обычно черной. В северной Италии до сих пор некоторые верят, что, когда человеку приходит срок умереть, Сатана проходит перед его смертным одром в форме какого-нибудь животного, но не агнца, ибо агнец принадлежит Богу и является воплощением Христа. Чаще всего это бывает козел, петух или кошка: всех этих животных наихудшие дьявольские гримуары рекомендуют приносить в жертву, дабы вызвать демонов. В Германии говорят, что, если на свежей могиле сидит кошка, это верный знак, что душа похороненного в ней находится в аду. В некоторых частях Франции (особенно в Нормандии) считается, что, если дорогу человеку при луне перешла черная кошка, это предвещает скорую смерть.

От суеверий, однако, перейдем к фактам при помощи «Протоколов Общества психических исследований» (том V, с. 156). Миссис Э.Л. Кирни сообщает, что в январе 1892 года, во время болезни ее дедушки, она однажды спускалась по лестнице из его комнаты и вдруг увидела в коридоре странную кошку, которая шла по направлению к ней. Кошка скрылась за дверью в коридор; миссис Кирни последовала за ней и оказалась в тупике. Разумеется, никакой кошки там не было. На следующий день ее дедушка скончался. Мать затем рассказала ей, что накануне смерти ее собственного отца она тоже видела кошку, которая обошла вокруг его кровати и исчезла.

Связь между мистической кошкой и дьяволом скрывается даже в некоторых современных присловьях. «Кошачья лапа», например: этим словосочетанием обозначается внезапная рябь на воде во время штиля, словно некая незримая кошка гигантских размеров трогает воду лапой. Явление это говорит о приближающемся шквале. Источником этого словоупотребления может быть старая морская примета, что резвящаяся кошка, дескать, предвещает скорый шторм. В рыбацких деревнях по поведению кошек предсказывали штормы и благоприятное или, напротив, скверное для рыбной ловли время. В те времена, когда отличия между обычной кошкой и сверхъестественной были более размыты, рыбак, отправляющийся поутру на промысел и встречающий по дороге кошку, вполне мог повернуть домой в уверенности, что день все равно испорчен дурным предзнаменованием.

Рыбаками прошлого эта традиция отнюдь не ограничивается. Многие сельские жители при всей своей любви к кошкам до сих пор не отличаются четким пониманием того, что реально, что нет. Суд по делу о колдовстве и убийстве над Джоном Блаймером, Уилбертом Хессом и Джоном Карри в Йорке (штат Пенсильвания) в январе 1929 года открыл поразительный факт: три четверти населения округа Йорк были совершенно убеждены в существовании кошачьего колдовства, как и их моравские предки два столетия тому назад. «Сандей экспресс» от 13 января 1929 года придется простить за излишнюю драматизацию, свойственную газетчикам, но за отчетом проглядывает предрассудок, происхождение кото-

рого можно проследить из глубины времен, из средневековых гримуаров и веры в ведьм:

Фермерские угодья и города округа Йорк охвачены ужасом перед ведьмами; деревни трепещут от страха при мысли о «порче» и злых духах. На амбарах, хлевах и навесах для скота намалеваны странные кресты и иероглифы, спасающие от «сглаза». Черные кошки из этой местности практически исчезли, так как всем известно, что самый верный способ заключить договор с Сатаной — это бросить одну такую живую в кипяток и взять себе потом последнюю косточку в качестве амулета.

Посредством такой методики обычная кошка ненавязчиво превращается в сверхъестественную, чьи воображаемые магические силы действуют на парапсихическом или астральном плане. В своей «Маске королев» драматург XVII века Бен Джонсон намекает, что в магических зельях использовались помимо кошачьих косточек и иные субстанции. Ведьмы у него поют:

Из зубов хозяйской суки
Кости хватать и был таков!
Но вернулся не от скуки —
Кошки черной взял мозгов.

Физические останки кошки — будь то мозги или кости — обладают особыми сверхъестественными свойствами: на этом настаивают многочисленные магические трактаты и гримуары. Подробнее мы поговорим об этом в главе 6.

Однако все эти примеры — такие, как относительно недавние процессы над ведьмами в округе Йорк, — будучи очищенными от журналистских преувеличений, самой своей отличностью от общепринятых взглядов свидетельствуют о том, насколько сверхъестественная кошка наших дней далека от своей средневековой предшественницы. В современном мире (при всех характерных для округа Йорк исключениях) сверхъестественная кошка была очищена от непосредственно дьявольских ассоциаций. Даже черная кошка, самый ужасный из ведьмовских фамильяров и демонов позднего Средневековья,

стала символом удачи; и, конечно, примета, что встреча с черной кошкой непременно предвещает всяческие блага, отсылает нас к Древнему Египту.

И все же можем ли мы быть уверены, что дьявол изгнан из нашей картины мира, или он тихо прячется где-то, прекрасно сознавая, что скрытое зло куда соблазнительнее зла явного? Когда научное миропонимание решило игнорировать роль дьявола в построении структуры вселенной (предположительно из ошибочного убеждения в его невидимости и неосязаемости), оно сумело постепенно убедить общество в том, что его и вовсе не существует. Что может быть абсурднее, чем докторская диссертация о научных характеристиках дьявола? И тем не менее в не столь уж давние времена многочисленные ученые мужи всерьез занимались изучением природы этого джентльмена и прилагали значительные усилия к пониманию деятельности его пособников — малых демонов. С отказом от дьявола как подходящего для исследования объекта ушло и восприятие черной кошки как демонического создания. Однако нам хорошо известно, куда отправляются отверженные человеческого разума — в ту часть психики, которую мы ныне именуем подсознанием, в чьих темных безднах демоны обитают и по сей час. И наш бодрствующий разум время от времени тревожат явления таинственной кошки, словно бы приходящей из иного времени и пространства. Так, может быть, наша сверхъестественная кошка — лишь доведенная до ума модернизированная версия демонической кошки древности?

Большинство имеющихся у нас данных о встречах со сверхъестественными кошками совершенно лишена налета демонизма. У Дэниела Бардена есть интересная книга о сверхъестественных животных, где приводится несколько любопытных историй о призрачных кошках. Самую, возможно, интересную из них он извлек из подборки, опубликованной в двадцатые годы «Дэйли Ньюс». Речь там шла о черной кошечке, которую нужно было безболезненно усыпить, так как она подхватила опасную болезнь. Ее неупокоенный дух явился в дом владельцев и принялся играть на лестничной площадке у спальни, где кошка имела обыкновение завтракать с хозяевами каждое утро.

Один из гостей видел, как она играет на коврике у двери, в точности как делала при жизни. Служанка тоже встретила ее на лестнице. Это была самая умная кошечка, какую я в жизни знал; никто не любил хозяев и дом большее нее, и было очень интересно обнаружить, что и после смерти она ведет себя привычным образом.

Очень много историй о кошках-призраках было опубликовано в журналистских материалах «из первых рук» в «Сайкик ньюс» и даже в более суровых по стилю «Протоколах Общества парапсихических исследований». Вот характерный пример такой публикации. В 1884 году миссис Грифенберг с дочерью однажды во время обеда увидели под столом крупную белую ангорскую кошку. Она обошла вокруг стола, вышла из комнаты через дверь, проследовала по коридору и на полпути оглянулась на сидящих дам. Прodelав все это, кошка растворилась в воздухе. То же самое повторилось в Лейпциге, и в 1890 году дамы документально зафиксировали происшествие и направили материалы в Общество.

В 1909 году некая леди, известная Обществу, но пожелавшая остаться анонимной, тоже прислала отчет о «посещении». У ее сестры была любимица — чистокровная персидская кошка по имени Смоки. Весной 1909 года она заболела и к тому же пострадала от нападения собаки, переломавшей ей ребра. В середине июня кошка умерла, и садовник ее похоронил.

6 июля 1909 года мы с сестрой сидели за завтраком; я вслух читала ей письмо. Я сидела спиной к окну, которое находилось по левую руку от сестры. Внезапно я увидела, что на лице у нее написан ужас: она смотрела в окно.

— Что там такое? — спросила я.

— Там Смоки идет по газону, — ответила она.

Мы обе кинулись к окну и увидели Смоки. Она выглядела очень больной; шерсть свалялась и торчала во все стороны. Она ковыляла по траве ярдах в трех или четырех от нас. Сестра позвала ее, но та не обратила на это никакого внимания. Тогда сестра с криками выбежала за ней.

Я осталась у окна и видела, как кошка свернула на тропинку, ведущую в конец сада. Сестра побежала за ней, звала, но к величайшему ее изумлению, кошка не обернулась и вообще не

обратила на нее внимания, и вскоре сестра потеряла ее из виду среди кустов.

Призрачную кошку в тот же день видели и еще несколько человек. Кто-то из слуг даже побежал за молоком для больного животного. Решив, что все думают, будто он похоронил кошку живой, садовник ужасно возмутился и, отправившись к могиле, вырвал все им же посаженные георгины, выкопал тело Смоки и продемонстрировал его собравшимся.

Олдфилд Хауи, понаторевший в оккультном знании, предположил, что это был не настоящий призрак Смоки или ее душа, а «астральная фотография, запечатленная в психической атмосфере страданиями кошки». Такие истории о явлениях духов (будь они призраками или «астральными фотографиями») — типичное общее место; «ясновидящие» цепляются за них как за доказательства жизни души после смерти, но правда это или нет, остается непонятным. Они, скорее, доказывают существование иного мира — возможно, как раз мира душ, — смежного с нашим. Но что именно переходит отсюда в тот мир, что остается жить там, неизвестно, вероятнее всего, никому. Уверенным можно быть только в том, что большинство потусторонних кошек в основном так же дружелюбны, как их воплощенные товарки.

Если кошка-призрак — и в самом деле сверхъестественная кошка, не следует забывать, что она также и призрак, пришедший откуда-то из недр нашего собственного сознания. Мы уже видели, как символизм внутренней кошки (имеющей, разумеется, архетипический характер) отразился в жизни Тигра Свами, прошедшего ее в сражениях с кошками внутренними и внешними. Такой приключенческий контекст внутреннего пути йога отнюдь не уникален. В увлекательной «Автобиографии йога» Парамахамсы Йогананды, где частично и рассказывается история Тигра Свами, есть фотография монаха по имени Кришнананда с его ручной тигрицей-вегетарианкой, питавшейся исключительно молоком и рисом и научившейся произносить священный звук АУМ, содержащий троицу в едином и являющий Слово Божье. Может быть, стоит включить в перечень сверхъестественных свойств кошки и тот факт, что ее мяуканье есть само по себе неуклюжая попытка

произнести это слово задом наперед — МАУ — то есть символ наблюдаемого наблюдателя?

Эфирная кошка — зеркало, отражающее человеческую душу со всеми ее устремлениями и неприрученной тьмой, укутанной в благость. Настоящий человек старается довести до совершенства звук АУМ, а настоящая кошка — звук МАУ. Кошка — небесный язык человеческой души, и приручение тигра есть действие одновременно внутреннее и внешнее, посредством которого созерцающий становится созерцаемым, а слышащий — услышанным. Эта концепция в сочетании с тем фактом, что по-настоящему прирученный тигр превращается, по словам Тигра Свами, в «кошечку», помогает нам понять кое-какие глубинные тайны нашей собственной природы — и, конечно, тайну тайн — обычную домашнюю кошку.

Глава 5

Кошка как архетип;
лунная сфера;
чистилище;
созвездие Лаланда;
китайский зодиак;
образ льва в алхимии;
Дурак и Фокусник;
Таро Кайкендалл;
кошки Мерониума Босха;
демоническая музыка;
сокрытое сокровище
или неузнанный гьявол;
безмолвные спектакли
Хогарта;
кошка-проститутка;
кошка среди голубей;
кошки Анри Руссо.

Символизм кошки в изобразительном искусстве

...его молитвы и мольбы
Волшебной чарой и гаданьем
Так удачно сплетены, что Рок
В один прекрасный день ту кошку обратил
В жену.

<...>

Безумные друзья любовниками стали
И ни одна прекрасная жена
Подобной страсти не выказывала ввек
К нему, избранному среди всех мужчин.

Эзоп. Венера и кошка

Б

асня Эзопа, где мольбами мужчины его любимая кошка была обращена в прекрасную женщину, есть в некотором отношении аллегория акта художественного творчества. Художник алчет обратить в духовную форму, доступную для восприятия человечества, те части природы, которые пребывают неосвоенными. Он, таким образом, становится сам и богом, и исследователем физической натуры; он молится Венере, чтобы та даровала ему силу превратить неразумную тварь в творение.

Избирая в качестве модели кошку, художник автоматически обращается к архетипам. Художественное творчество проистекает непосредственно от Солнца, из теплого царства зодиакального Льва, в то время как кошка происходит от Луны. Каждый раз, берясь за перо или кисть, чтобы создать кошку, художник вступает с нею в архетипические отношения, и Солнце изливает свой

свет через весь зодиак, озаряя темный лик Луны. Одного этого уже достаточно, чтобы объяснить Эзопов выбор Венеры в качестве богини, дарующей кошке человеческое бытие, ибо Венера — единственная женская планета, орбита которой проходит между Солнцем и Луной.

Факт вторжения в царство архетипов при обращении к кошке как к объекту объясняет популярность этого животного у художников и поэтов — не только как домашнего питомца, но и как темы. Аспект тварного мира, наиболее близкий к человеку, по праву обладает особым местом в художественном символизме. Очень сложно изобразить кошку, никак не отразив ту мистическую жизнь, которой проникнуто ее сокровенное существо. Не совсем ясно, подобен ли сфинкс кошке, или кошка — сфинксу, но оба этих создания окутаны тайной, как окутаны тайной самые ранние изображения кошачьих, дошедшие до нас со времен Древнего Египта. Простейшие египетские амулеты с образом Баст, изображенной несколькими схематичными штрихами иероглифа полны невероятного изящества (ил. 22). Тысячи таких «кошачьих» амулетов были в последнее время найдены в египетских песках; многие из них (особенно те, что с оком Уаджет) каталогизированы археологами и в том числе Петри. Мы еще займемся их нумерологическими соответствиями (см. Заключение), а сейчас давайте перейдем от крошечных амулетов к колоссальной статуе Баст с кошачьей головой, шести футов высотой, не считая постамента и головного диска, чей облик проникнут величием. Эта египетская богиня, эквивалентная Венере, может, и не обращала кошек в женщин, но совершенно очевидно сделала божественной грубую материю. Историка наверняка не оставит равнодушным тот факт, что статуя эта была изваяна по повелению Шешонка, первого египетского царя, чье имя названо в Библии¹. Неспециалисту понравится выразительность этой кошачьей головы, воплощающей все свойства кошки, — таинственной, отрешенной, но одновременно одухотворенной и страстной.

¹ Имеется в виду Хеджеперра Сетепенра Мериамон Шешонк I (библ. Сусахим) — египетский фараон (ок. 945 — 924 до н.э.).

Снова и снова изучая кошку в символах, глубоких и полных смысла, мы отмечаем, с какой легкостью художникам, старающимся разглядеть сквозь артистическую форму ее природу, удастся передать изящество, таинственность, силу, *joie-de-vivre*¹ и энергию кошки.

Оккультные тексты постоянно подчеркивают, что важность кошачьего символизма проистекает именно от связи этого зверя с луной, которая, по крайней мере, с оккультной точки зрения есть противоположность солнцу. Большинство учебников по астрологии неизбежно относят кошку к сфере владычества луны. Однако еще до того, как Европа в XII веке познакомилась с астрологической традицией во всей ее полноте, жители там признавали связь между кошкой и лунными циклами, и тому есть свидетельства. Интересно, до какой степени христианские монахи, изображавшие кошку на страницах своих манускриптов, понимали, что продолжают языческую традицию, связывавшую кошку с лунными фазами? Возможно, они читали Плутарха, у которого упоминается довольно эксцентричное поверье, согласно которому размер кошачьего тела увеличивается и уменьшается в соответствии с ростом и убыванием луны. Более ранние авторы считали, что рост и убывание ночного светила влияют только на кошачьи глаза.

Тайная традиция, полагавшая Землю центром космических циклов, помещала ее в центр кругообращения Луны, то есть, как это называлось в Средневековье, «сферы Луны», которую не следует путать с физической лунной орбитой или с небесным телом как таковым. Считалось, что перед рождением и после смерти душа или дух человека проходит сквозь эту лунную сферу, дабы достичь Земли или покинуть ее. Зодиакальный знак Рака в том числе и по этой причине иногда называли «вратами рождения»: нисходящий из вышних сфер дух новорожденного ребенка являлся в материальный мир именно через сферу Луны — владычицы этого знака. Точно так же в момент смерти дух оставлял физическое тело и проходил сквозь лунную оболочку, дабы освободиться и, пройдя лежащие за ее пределами планетарные сферы, в конечном счете достичь духовного пространства Небес.

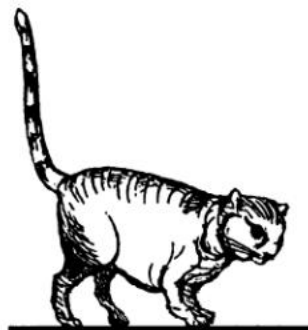

¹ Жизнерадостность (фр.).

Такое представление о лунной сфере послужило причиной распространенной в оккультных кругах ассоциации ее с чистилищем. Считалось, что в ней обитают демоны чистилища, готовые пожрать все, что есть нечистого в приходящей к ним душе. Душа еще не рожденного ребенка чиста по определению, так что на пути на Землю с демонами она не встречалась. Но мало кто покидает земную юдоль незапятнанным, и именно темные элементы души покойного привлекают к ней демонов. Эта теория отлично объясняет, почему столь многие, связанные с чистилищем символы имеют лунную природу. В наше время описанные представления стали теснее ассоциироваться с материальными объектами (в полном соответствии с современным образом мышления), так что даже эзотерики сейчас связывают с демоническими или очистительными влияниями именно Луну как материальное небесное тело. Примеры тому можно встретить в работах П.Д. Успенского¹.

Кельтский крест в *Кирк Брадгане на острове Мэн*, в узоре которого использовались и кошачьи, и лунарные мотивы, показывает, что Распятие Христово властно даже над преисподней. Между смертью и воскресением Христос посещал ад и чистилище, дабы показать, что даже эти пределы (или состояния души) находятся под его властью. Некоторые эзотерические источники, входящие в корпус так называемых апокрифических текстов раннехристианской традиции, указывают, что первыми, кто в полной мере признал власть Христа, были демоны, в ужасе осознавшие, что владычеству их рано или поздно придет конец. Рассматриваемый в русле этой концепции, крест из Браддана провозглашает власть Христа даже над сферой Луны. Этот образ вполне согласуется с христианской картиной мира, и потому нет нужды считать его пережитком языческих лунных культов. В конце концов точно так же работает кошачий символизм и Монастербойского креста, как бы попирающего двух кошек (ил. 14). Одна из кошек умывает котенка, видимо напоминая о легендарном котике, родившемся в том же хлеву и в то же мгновение, что и Младенец Христос, другая

¹ Петр Демьянович Успенский (1878—1947) — русский философ, теософ, эзотерик и писатель, сподвижник Г.И. Гурджиева и соавтор учения так называемого Четвертого пути.

играет с пойманной птичкой — вероятно, символом Святого Духа. Эти две кошки олицетворяют противоположные полюса кошачьего символизма в христианской образности — девственную белую кошку Девы Марии и черную демоническую кошку.

Французский астроном Жозеф Жером Лаланд попытался дать кошке дом на небесах (см. цветную ил. 13). Некоторые авторы считают, что он сделал это в пику Вольтеру, который недолюбливал кошек и утверждал, что им никогда не добраться до звездных сфер, где прочие звери — медведи, собаки, львы, быки и т.д. — чувствуют себя вполне привольно. И действительно, на старых звездных картах можно обнаружить тридцать три разных животных, но кошке среди них места не нашлось. Поэтому Лаланд выделил небольшую группу звезд между созвездиями *Antila Pneumatica* (Воздушный насос) и *Hydra* (Гидра), и назвал ее *Felis* (Кошка) (цветная ил. 13).

Я очень люблю кошек, — писал он, — пусть же одна из них точит свои коготки на каждой небесной карте. Звездное небо достаточно мучило меня своими загадками, так подшучу же я теперь над ним.

Кошке, впрочем, не суждено было долго царапать небеса. В почтенном издании Боде 1805 года она еще фигурирует, но с более поздних карт бесследно исчезает, будучи, по словам Камиля Фламариона, «совершенно там не нужной».

На Востоке есть свое объяснение тому, что кошка не входит в перечень животных китайского зодиака. Древняя легенда гласит, что, когда Будда готовился умереть, все животные пришли к нему, чтобы попрощаться и оплакать его кончину. Единственными, кто не плакал, оказались кошка и змея: кошка отвлеклась на мышь, которая благопристойно плакала вместе с остальными, бросилась на нее и убила. За такое святотатство — убийство в такой священный момент — кошке отказали в месте среди праведников. Тем более удивительно обнаружить в современной «Астрологической энциклопедии Ларусса» (1980) кошку в качестве четвертого знака зодиака. В соответствующей статье сказано, что она «болтлива, театральна и отличается богатым воображением, хотя бывает суетна и поверхностна». Правда, однако,

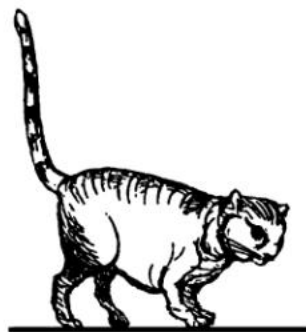
в том, что четвертый знак китайского зодиака — заяц, соответствующий нашему Раку¹.

Монетка на ил. 14 используется для гадания по китайской Книге Перемен. На одной из ее сторон изображены восемь триграмм, из которых строятся священные гексаграммы «И цзин». На другой же стороне, которая и показана на картинке, представлены двенадцать зодиакальных животных и соответствующие им иероглифы. В нижней части монетки располагается заяц, соответствующий европейскому Раку. Начиная с зайца по часовой стрелке расположены дракон, змея, лошадь, овца, обезьяна, петух, собака, кабан, крыса, бык и тигр². Единственное, что связывает эту систему с кошкой с оккультной точки зрения — это управление знака зайца Луной и еще один любопытный момент: там, где мы на Луне видим «лицо», китайцы видят зайца, о чем говорится в некоторых древних источниках по магии. Этот лунный заяц — помощник алхимика, участвующий в изготовлении тайного эликсира бессмертия. В этом качестве его почитают в пятнадцатый день восьмого лунного месяца.

Не следует забывать, что на протяжении Средних веков кошка заработала себе столь дурную репутацию, что художники того времени с большой неохотой изображали ее символом чего-либо иного, кроме зла. Такое отношение стало неотъемлемой частью мифологии всего средневекового периода, так как даже в масштабных перечнях, включающих сотни разных животных и фантастических созданий, кошка фигурирует весьма редко. Пример — сохранившиеся с эпохи Возрождения своды длинного коридора, окаймляющего основную экспозицию Уффици по стороне Арно. В XVI веке они были расписаны изображениями сотен зверей, птиц, насекомых, легендарных чудищ и прочих гротескных существ, иногда объединенных тематически в соответствии с требовани-

¹ Кошка в качестве четвертого по порядку животного — покровителя года не является европейским изобретением. В Китае четвертым животным считается кролик, но в некоторых других странах этого региона, придерживающихся той же астрологической системы (например, во Вьетнаме) — кот. На уровне популярной астрологии между китайской (оперирующей годами) и европейской (оперирующей месяцами) системами знаков нет прямой корреляции.

² В китайской системе цикл начинается с крысы. Далее знаки следуют в указанном порядке.

ями астрологии, алхимии и эзотерической мифологии. Так вот, на этом потолке нет ни единого изображения домашней кошки. Лишь на одной композиции, где в центре представлен сюжет о явлении Юпитера в виде золотого дождя, присутствует животное, которое, в принципе, могло бы оказаться демонической кошкой, но и оно лишь демонстрирует то упорство, с каким традиция позднего

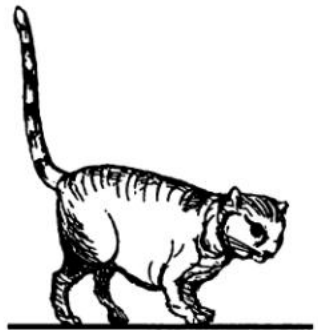

Средневековья связывала нашу домашнюю киску исключительно со злом.

Зато Лев использовался в алхимии, можно сказать, чрезмерно. Знаменитейшими и наиболее часто встречающимися алхимическими образами были Зеленый Лев и Алый Лев. Пример тому — один из самых известных алхимических текстов XVI века «Rosarium Philosophorum» (1550). Эти цветные львы обозначали важные стадии процесса производства из грубой материи магического Философского Камня, который и был главным предметом и конечной целью этого великого искусства.

Мы не станем вдаваться в рассуждения о том, что означали эти символические львы, так как для этого пришлось бы подробно проанализировать весь «Розариум». Однако не помешает заметить, что источник этот содержит великое множество пленительных образов львов и среди них — льва, проглатывающего или, наоборот, изрыгающего солнце. Лев фигурирует и во многих более ранних алхимических текстах, причем в иных символических обликах. Одна из причин тому — тесная связь алхимического символизма с астрологией. Белый и алый львы на загадочной иллюстрации к алхимическому труду Лэмспринка (ил. 24) олицетворяют дух и душу, символами которых — как в алхимии, так и в астрологии — часто выступают солнце и луна. Параллель между львом и солнцем уходит корнями в древнюю оккультную традицию, всегда рассматривавшую льва как символ зодиакального знака с тем же названием, непосредственно управляемого Солнцем. С точки зрения кошачьей мудрости это представляет огромный интерес: если лев неразрывно связан с дневным светилом, то его меньшая сестра, кошка, так же неразрывно связана с ночным. В оккультных понятиях кошка — это своего рода душа (*anima*), а лев — дух (*spiritus*). Астрологическая связь льва с солнцем нашла выражение в оккультных символах, которыми была пронизана вся художественная культура эпохи Возрождения. Так, в центре зодиакального декора фонтана на пьяцца Синьориа во Флоренции красуется львиная голова, которую ни в коем случае не следует путать с целым львом, символизирующим пятый знак зодиака. В данном случае представлен именно лев Солнца, пребывающего в центре космоса; вокруг него вращаются двенадцать знаков зодиака. Не-

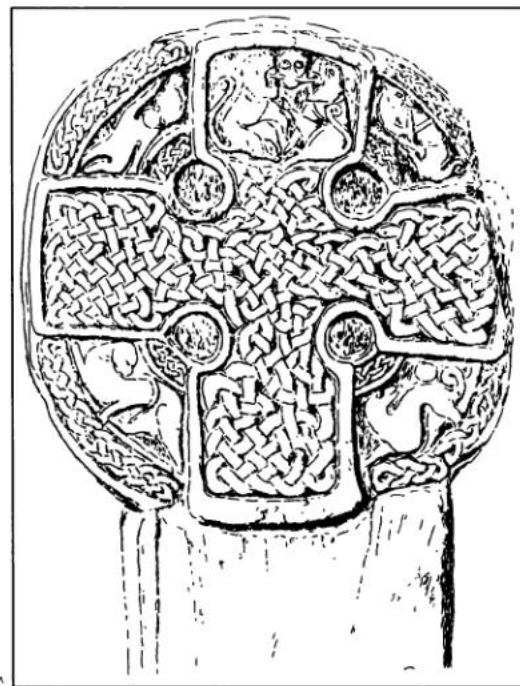

далеко от Синьории изгибается виа Торта, где ранее располагался римский амфитеатр. Парадный вход в дом номер четырнадцать по этой улице охраняет пара кошачьих голов (см. цветную ил. 15), обрамляющих величественный портал. Вероятно, они изображают львиц. У образа львицы-привратницы весьма древняя история: одна из них охраняла циклопические врата Микен, что на Пелопоннесе. Можно не сомневаться, что в качестве стражей входа эти звери были взяты именно благодаря их связи с солнцем, так как оккультисты всегда считали это животворное небесное светило наилучшим амулетом против всякого зла. Важную роль Солнца (и связанного с ним льва) во флорентийском символизме подчеркивает тот любопытный факт, что оба главных европейских мраморных зодиака, дошедших до нас от Средних веков, находятся во Флоренции: один — в баптистерии святого Иоанна, а другой — в Сан-Миниато-аль-Монте, на холме, сразу за старыми городскими воротами. В центре каждого из двух этих зодиакальных кругов изображен символ солнца. Снова и снова и в оккультизме, и в хри-

Ил. 25. Навершие креста из Кирк-Брадана с изображением львов (по ошибке принимавшихся за кошек) и пророка Даниила. По прорисовке П.М.К. Кермода из «Мэнского археологического обозрения» (1909—1918)

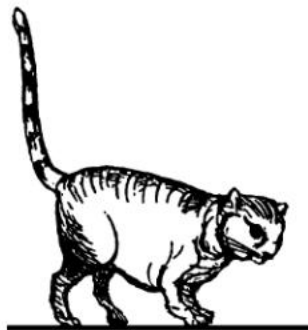

стианском символизме Солнце выступает как образ сил добра, а Луна — как планета зла, ассоциирующаяся с демонами.

В символическом искусстве перепутать льва с кошкой проще простого. В своей книге об архетипической кошке Патрисия Дейл-Грин высказывает предположение, что на навершии креста из Кирк-Браддана две кошки держат человеческое лицо (ил. 25). В связи с этим изображением она приводит цитату из Плутарха, утверждающего, что человеческая голова между двух кошек символизирует смену лунных фаз, регулируемую мудростью и пониманием. Но на самом деле эти животные — не кошки, а львы, так что перед нами — традиционное изображение пророка Даниила во львином рве, и Плутарх здесь совершенно ни при чем.

В средневековом символизме значение льва может меняться в зависимости от контекста и даже местности. В регионе влияния Венеции изображение льва почти всегда имеет отношение к геральдической эмблеме Владычицы морей. Часто — как, например, в Падуе — венецианский лев обращен к восходящему солнцу, на восток, откуда пришла большая часть богатства, возвеличившего этот город. Практически во всех областях лев служит также символом святого Марка (покровителя Венеции), но при этом все равно ведет происхождение от соответствующего зодиакального созвездия, ассоциировавшегося с этим животным и у египтян, и у вавилонян. Иногда, впрочем, лев приходит непосредственно из сказок или местных легенд, как, допустим, тот, что украшает капитель колонны над одними из самых поразительных в Европе зодиакальных часов в палаццо Раджione в Бергамо. Этот лев (XIII век) не имеет никакого отношения к зодиаку: он изображает сцену из сказки. Но поскольку в эзотерической образной системе лев практически неизбежно связан с солнцем и с его соответствием в человеческом теле — сердцем, неудивительно, что на традиционной диаграмме соответствий знаков зодиака в организме сердце пребывает под охраной астрологического льва.

Ввиду всего этого для вас не будет неожиданностью, что лев в тех или иных обликах постоянно фигурирует в алхимических текстах, особенно если адепты этого искусства ведут речь о двенадцати алхимических процессах, соответствующих двенадцати

Ил. 26. Эмблемы четырех темпераментов, окружающие Смерть. Слева вверху холерический; справа вверху сангвинический; справа внизу меланхолический; слева внизу флегматический). Иллюстрация из «Часослова» Симона Востра (1502)

знакам зодиака. Средневековый символизм льва, таким образом, оказался включен в символизм алхимический. Лев как аллегория добродетели вошел и в традицию Таро как карта Сила, однако чаще всего он служил все же символом стихии огня. Представителями четырех стихий обычно выступают четыре фиксированных знака зодиака: Лев, Скорпион, Водолей и Телец. Их символизировали соответственно лев, орел, человек и бык, в каковом виде стихии и фигурировали в сотнях источников на всем протяжении истории герметизма и алхимии. Кроме того, вследствие той же ассоциации со стихией огня лев иногда обозначал холерический (то есть огненного типа) темперамент. Очаровательный пример символизма такого рода — иллюстрация к «Часослову» Симона Востра¹ (1502), где лев (слева вверху) представляет огненный темперамент, а обезьяна (справа вверху) — воздушный или сангвинический (ил. 26).

¹ Симон Востр (1486—1518) — парижский печатник, знаменитый своим богато иллюстрированным «Часословом» — сборником христианских молитв и псалмов для ежедневной практики.

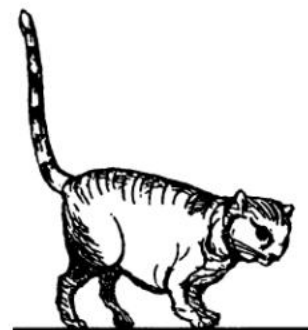

В алхимических источниках льва часто изображали очень похожим на обычную кошку. И причиной тому был вовсе не недостаток способностей у художника или гравера. Алхимики просто хотели подчеркнуть тот факт, что кошка, как и лев, связана в этом тайном искусстве с процессом нагревания. В конце концов, Сехмет у египтян (которым, как говорят, мы и обязаны зарождением алхимической традиции) была среди прочего и богиней солнечного огня.

Очень интересный лев-кот изображен слева от гептаграммы на титульном листе одного из самых влиятельных алхимических текстов XVII века — *De Lapide Philosophico* Лэмспринка, который мы уже упоминали выше в связи с алхимическим символизмом льва (ил. 27). Голова этого животного выглядывает из пещеры на склоне холма, на котором сидит солярный король. Указывающий на него луч центральной семилучевой звезды несет цифру 2 и знак Юпитера. Этот кот пришел из очевидной «львино-кошачьей» иконографической традиции, но само его присутствие в столь значимой оккультной схеме заслуживает отдельного комментария.

Ил. 27. Титульный лист *De Lapide Philosophico* Лэмспринка (1677) с изображением льва-кошки у ног персонификации Солнца (слева внизу от центральной диаграммы)

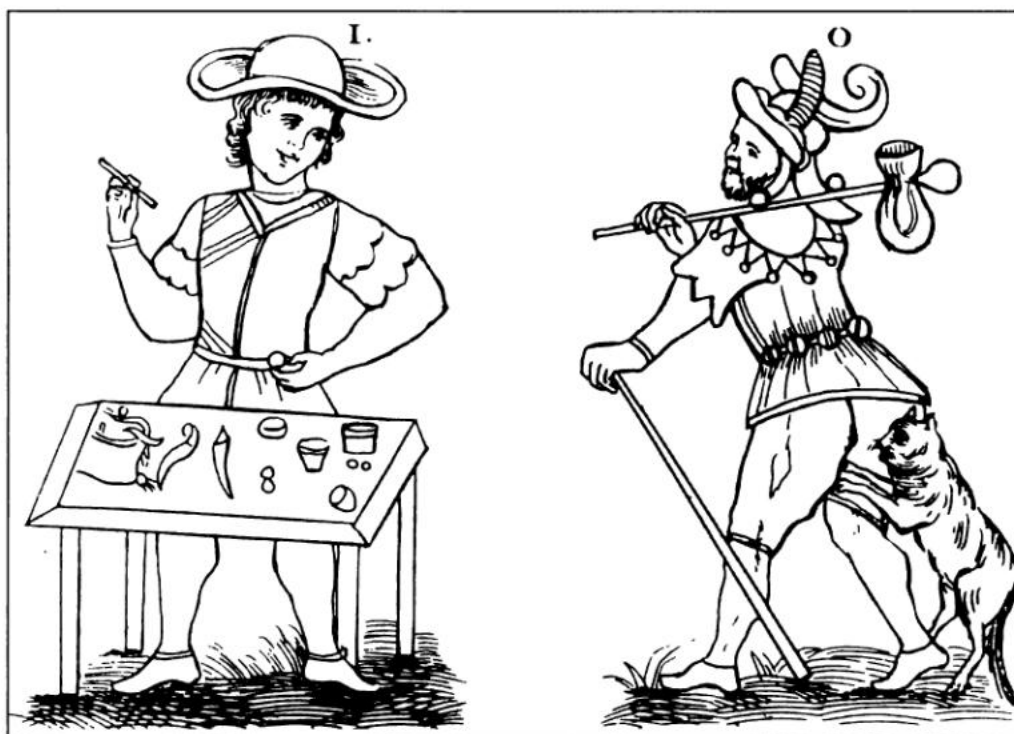
Ниже расположен дракон, изрыгающий пламя, выше — король с солярным нимбом вокруг головы, а еще выше — рука с факелом. Саламандра и солнце с надписью «*Anima*» на этой стороне иллюстрации не оставляют сомнений в том, что это солнечная или огненная половина человеческой природы.

Сам человек схематично изображен в виде перевернутого треугольника о двух ногах, одна из которых стоит на водах лунной стороны диаграммы, а другая — на земле солнечной. Внутренняя структура человека символически представлена перевернутым треугольником, чьи вершины помечены словами «*anima*», «*spiritus*» и «*corpus*» — латинскими названиями души, духа и тела, принятыми в алхимии; они же обозначают современные оккультные концепции «мысли», «чувства» и «воли». В центре треугольника располагается человеческое лицо, испускающее семь планетарных лучей, каждый из которых связан с тем или иным алхимическим процессом. Каково же значение кошачьей головы в контексте всего этого любопытнейшего символического ряда?

Кот появляется из земли, что само по себе имеет некий тайный смысл. Из земли же выходит дракон. Можно предположить, что за этим стоит идея о связи как дракона, так и кошки с той сферой, которую мы ныне назвали бы «бессознательным», с теми элементами человеческой натуры, которые скрыты от света разума. Пламя дракона ужасно, в то время как языки, окружающие кошачью голову, скорее всего, просто изображают львиную гриву. Каково бы ни было их происхождение, они не так страшны, как огонь, изрыгаемый драконом, и исходят не изнутри тела животного, а, по всей видимости, лишь окаймляют его. У короля они трансформируются в нимб, то есть переходят на внешний план и свидетельствуют о его духовной силе. Сверху находится факел, дарящий миру свет, а огонь саламандры носит уже духовный характер, ибо саламандра обитает в сокровенном, тайном огне и поэтому обычно скрыта от физического зрения людей.

Эта последовательность огненных символов представляет развитие идеи от внутреннего пламени бессознательного дракона до тайного и трансмутированного духовного огня саламандры. Алхимия сама по себе есть спиритуализация, одухотворение качеств и приручение внутреннего дракона. Кошка обозначает вторую

Ил. 28. Карты Жонглер и Дурак из книги Кура де Жеблена «Первобытный мир» («Le Monde primitif») 1781 года. На картинке карты Дурак изображена кошка, нападающая на Дурака

стадию этого процесса, а ее голова, окруженная огненной гривой, говорит весьма о многом в человеческой природе. Кошка — одно из немногих созданий, одомашненных человеком; в неприрученном виде она остается львом. Трансформация эта происходит благодаря человеческой любви, так что в целом последовательность можно трактовать следующим образом: прежде чем могучие силы дракона подчинятся сознательному намерению и станут служить внутреннему развитию, дракон должен быть преобразен любовью. Одно из основных значений этого графического ребуса в том, что тайна алхимического искусства заключена в любви. И в свете этого образ алхимического льва, глотающего солнце, следует понимать как глубокий символ связи между диким драконом и кошкой, которая обитает незамеченной внутри каждого из нас.

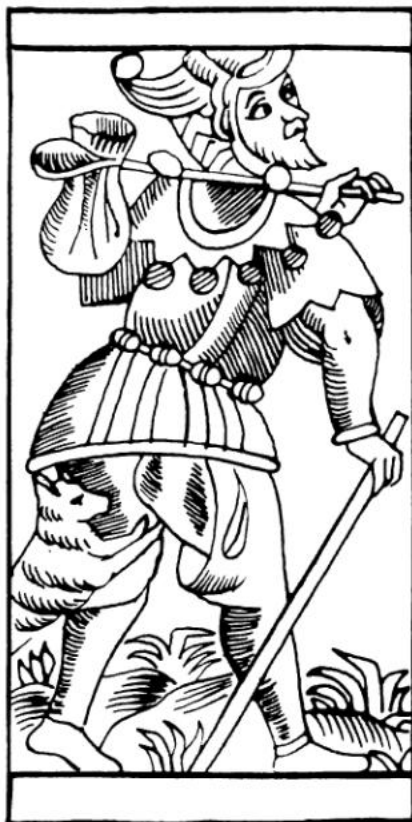
Разве это не одно из фундаментальных прозрений в природу кошки, принимаемой всеми значимыми деятелями оккультизма за символ внутреннего солнца и одновременно за неизменную эмблему луны?

Если обратиться к оккультной иконографии, берущей начало в средневековой традиции, мы найдем кошку еще и на одной из карт Таро. На иллюстрации с арканами Дурак и Жонглер из изданной в 1781 году книги Кура де Жеблена¹ (ил. 28) видно кошку, скачущую на задних лапах у ног Дурака. В картах более позднего времени кошку поменяли на собаку (ил. 29), но причины этой перемены не должны нас сейчас волновать. Рисунки Кура де Жеблена довольно легковесны и едва ли могут быть сочтены произведениями искусства, но тем не менее содержат весьма интересный изобразительный ряд, не последнюю роль в котором играет символизм кошки. С оккультной точки зрения Дурак и Жонглер с рисунка де Жеблена связаны между собой самым непосредственным образом. Дурак олицетворяет человека, отправляющегося в духовное путешествие; считается, что в узелке, который он несет на спине, сокрыты многие сокровища (разумеется, внутреннего характера), но он не понимает их истинной ценности. На следующей карте он уже вынул свои сокровища из мешка и разложил перед собой на столе. Теперь он — Жонглер, или Фокусник, владеющий магией и готовый пустить эти предметы в ход. Если рассмотреть внимательнее узелок, который Дурак несет на палке, мы увидим, что нижняя его часть похожа формой на полумесяц. Значит, «внутренние сокровища» каким-то образом связаны с луной. С нею же связана, как мы знаем из всего вышеизложенного, и скачущая у ног кошка. Но есть ли какие-нибудь отсылки к луне во второй карте, представляющей стадию духовного развития Дурака в Жонглера? Да, они есть, но в этой, второй, карте луна пребывает в гармоничных отношениях с солнцем.

В иконографии Жонглера есть один очень интересный символ. Он зашифрован в его образе дважды — в форме его нео-

¹ Антуан Кур де Жеблен (ок. 1719 — 1784) — французский протестантский пастор, масон и автор работ по теории языка и другим аспектам истории цивилизации. Считается основоположником традиции оккультного осмысления карт Таро и «египетской» теории их происхождения.

Ил. 29. Карта Дурак из Марсельской колоды Таро начала XIX века. На картинке карты Дурак этой колоды на Дурака нападает собака

бычной шляпы и в двух предметах на стоящем перед ним столе, призванных, видимо, обозначать две монетки. Современные оккультисты изящно называют его лемнискатой, но в просторечии это просто восьмерка. В эзотерическом символизме восьмерка представляет соединение солнца и луны в виде двух окружностей, соприкасающихся в единственной точке. С алхимической и оккультной точки зрения союз солнца и луны есть символ гармоничного объединения и слияния мужского и женского принципов внутри человеческого существа. Адепты, взыскующие обретения внутреннего совершенства, утверждают, что достичь последнего невозможно, пока солярные и лунарные энергии не сольются друг с другом. Именно поэтому в христианском и оккультном искусстве лемниската служит эмблемой единства.

Если еще раз обратиться к двум этим картам в свете символизма лемнискаты, станет ясно, что на карте Дурак изображен очень односторонний человек. Все его символы носят лунарный характер — вплоть до головного убора в форме опять же полумесяца. Однако в следующей карте лунный принцип предстает уже сбалансированным и более не выводится в образном ряду карты на первый план. В Жонглере луна пребывает в уравновешенных отношениях с солнцем, как недвусмысленно указывают форма шляпы и монетки на столе, а герой готов приступить к работе над собой, возможности для которой открылись ему, когда он встал на духовный путь. На двух этих картах присутствуют и другие оккультные символы, но они нас сейчас не интересуют. Достаточно будет заметить, что пояс Дурака украшен четырьмя разделенными пополам кругами, представляющими четыре фазы Луны (полную, молодой месяц, старый и между четвертью и полнолунием) и подтверждающими, что число четыре (как и число три) в тайном символизме связано с ночным светилом.

Но главный предмет нашего интереса в этих двух картах — конечно, кошка. Можно предположить, что эта кошка олицетворяет низшие страсти, ассоциируемые обычно с лунной. Это вполне разумное допущение, ибо кошку связывали с дьяволом, а царство демонов — с лунной сферой. Говорят, что рога демонов символизируют полумесяц, потому что демоническая обитель — Луна. Возможно, этим и объясняется, почему кошка на карте вцепилась Дураку в ягодицы: факт вступления человека на путь духовных устремлений вряд ли может оставить демонов равнодушными. Им нестерпимо видеть, как человек совершенствует свою душу — ведь тогда она ускользнет из их когтей. Обычному человеку страшить нечего — демоны знают, что со временем его душа благополучно вернется к ним, и не станут открыто нападать на него. Но тот, кто осознанно стремится облагородить свой внутренний мир, готов отвергнуть демонические влияния, и демоны принимаются шумно протестовать.

Между кошкой на карте Таро и популярным среди ведьм фамильяром есть непосредственная связь: оба они символически воплощают демоническое начало. Однако символизм карт Таро более высокого порядка, чем ведьмовской. Два начальных

аркана — Дурак и Жонглер — возвышенно и тонко показывают нам, как можно встроить кошку в программу личного духовного развития. В определенном смысле стол, за которым стоит Жонглер, представляет собой трансформацию кошки. Звучит абсурдно, но с оккультной точки зрения — вполне логично. У кошки четыре ноги, и у стола тоже. Кошка есть символ демонов, обитающих в центре земли; стол сделан из земного материала, а его четыре ноги можно рассматривать как символы стихий физического мира — Огня, Воды, Воздуха и Земли. Сам Жонглер принимает это как должное, и Кура де Жеблена вполне можно простить за то, что он внес в рисунок некоторые изменения с целью продемонстрировать связь между демонической кошкой, которая нападает на человека, и столом, служащим его практическим нуждам. Обратите внимание на сами ножки стола — они весьма любопытны. Ввиду стандартных законов перспективы весьма маловероятно, чтобы левая нога Жонглера оказалась перед левой передней ножкой стола, а между тем именно там она и помещается. Зачем Куру де Жеблену так грубо нарушать очевидные законы изображения пространства?¹ У кошки одна лапа тоже не видна — она скрыта ногой идущего человека. Перед нами пример тонкого символизма, к которому обращается оккультист, когда желает говорить о тайных вещах.

Дураку предстоит изменить все, если он намерен продолжать следовать духовным путем. Ему придется найти себе другую шляпу: вместо эксцентричной лунарной — более уравновешенную, в форме лемнискаты. Шляпа есть знак его образа мыслей, следовательно, речь идет об изменении состояния ума и отношения к действительности. Дурак разворачивает свой узелок и исследует его тайные недра. Все секреты теперь разложены перед ним на ярком свете осознания. Узелок — символ внутренней жизни, жизни души и эмоций. Когда узелок несут на спине, это, пожалуй, слишком близко к голове — как и в жизни, где разум и чувства нередко путаются друг с другом. У Жонглера мышление уже более гармонично и отделено от эмоций, о чем свидетель-

¹ Для ответа на этот вопрос следует принять к сведению, что в изображениях на старинных картах Таро обычно не использовалась прямая линейная перспектива.

ствуют предметы на столе. Кошка — символ низшей природы. Дурак несет в руке палку — словно специально для того, чтобы постоянно отбиваться от низменных страстей, которые так и норовят вцепиться ему в интимные части. Безмятежный Жонглер уже нашел применение кошке: он не дерется с ней, да и палку, кажется, выкинул, и лишь поднимает к небесам ее уменьшенную версию, словно предлагая в дар высшим силам. Может быть, большая палка стала магическим жезлом, при помощи которого Жонглер трансформировал пресловутые низменные страсти и поставил их себе на службу, превратив в волшебный стол, не подчиняющийся законам физического пространства? Демоническое начало стало полезным предметом, символом четырех стихий, из которых сотворен наш мир.

Есть в этих двух странных картах нечто еретическое. Последняя крупная ересь в Европе уходила корнями в египетский гностицизм, последователи которого настаивали, что мир создан не Богом, а дьяволом. Все, что сотворено из четырех стихий, — от дьявола; вот почему все земное необходимо разрушить и подвергнуть трансформации, и использовать впредь лишь как инструмент духа. Возможно, в этом и состоит тайное послание кошки у ног Дурака?

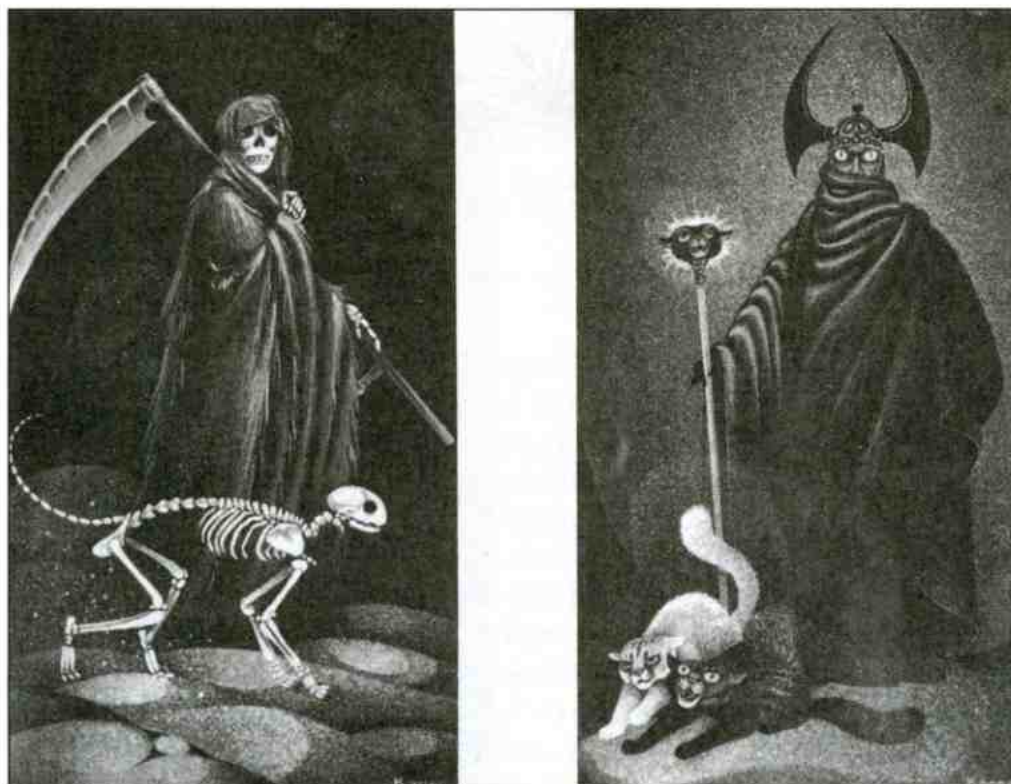
На современной карте изображен бедно одетый человек, идущий слева направо, с узелком на спине и каким-то животным позади (ил. 29). Отсюда можно сделать вывод, что во дни формирования легенды о Дике Уиттингтоне существовала оккультная традиция, связывавшая странника с кошкой. И, вероятно, не случайно на популярных плакатах Дик Уиттингтон идет с узелком на спине и котом у ног. Что это — свидетельство исторической памяти народа или случайно выживший элемент оккультной тайны, какие часто встречаются в народных сказках?

Оккультное происхождение этой карты может пролить некоторый свет на загадку кошки. Подлинный возраст карт Таро историкам неизвестен, но есть свидетельства в пользу того, что в конце XIV века они уже были в ходу в Италии в качестве игровой колоды. Никто не знает, когда их впервые стали использовать для гадания, но нет никаких сомнений, что уже к XVI веку колода Таро, визуально напоминая известные нам современные варианты,

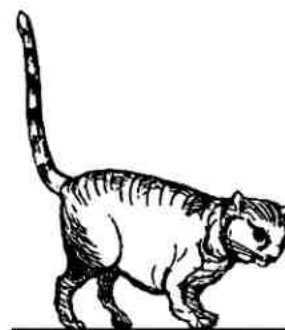

использовалась для предсказания будущего¹. Дурак — единственная непронумерованная из двадцати двух карт Старших арканов, и хотя принято считать, что на ней изображен придворный дурак, или шут, герметическая традиция опровергает подобные представления. Окультист сказал бы, что настоящий посвященный, с точки зрения окружающих, может вести себя как дурак, потому что он обладает тайными знаниями, определяющими его поступки и недоступными пониманию профанов. Да, он может выглядеть дураком, но на самом деле это мудрый и хитрый человек, прячущий свое истинное лицо за маской безразсудства. Есть ли в ори-

Ил. 30. Карты Смерть и Дьявол Таро Людей-Кошек. Художник — Карен Кайкендалл

¹ У историков нет единого мнения на этот счет. Некоторые исследователи полагают, что колода Таро, сложившаяся целиком — в единстве Старших (символических) и Младших (игральных) арканов — приблизительно в середине XV в., не использовалась для гадания вплоть до середины XVIII в.

Ил. 31. Ведьмы поднимают бурю при помощи магии. Череп на шесте, который держит колдун на первом плане, почти наверняка кошачий. Иллюстрация из *Historia Gentium Serpentrionabilis* Олафа Великого¹

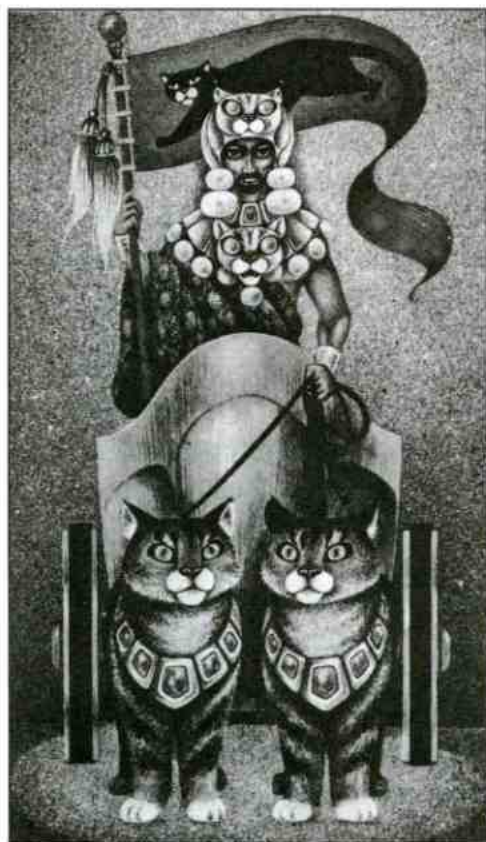
гинальной иконографии какие-то символы, позволяющие предположить, что персонажа карты и вправду следует рассматривать как посвященного? Как ни странно, самый значительный такой символ — наполовину спущенный чулок на одной из ног Дурака. Этот символизм, в весьма любопытной форме сохранившийся до наших дней в некоторых масонских уставах, широко использовался в искусстве позднего Средневековья для указания на то, что изображаемое лицо прошло некое посвящение. Что изначально стояло за символизмом чулка, уже кануло в прошлое, но данный мотив со всей очевидностью был популярен в алхимической, розенкрейцерской и в целом оккультной иконографии.

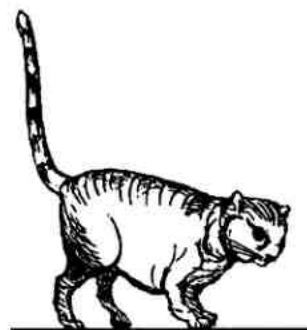
¹ Олаф Великий (*Olaus Magnus*; эпитет является, возможно, латинизацией фамилии *Mansson*) (1490—1557) — шведский церковный деятель, дипломат, писатель. Его «История северных народов», изданная в 1555 г. в Венеции, стала уникальным компендиумом этнографических, фольклорных и исторических материалов и была переведена на многие европейские языки.

Откуда кошка пришла в символическую структуру этого аркана? Если мы считаем карту Дурак эзотерическим, а не экзотерическим явлением, то и кошку нужно рассматривать в этом контексте. В целом считается, что, если животное или некая териоморфная форма изображается у ног человека, то создание это символизирует преодоление какого-то внутреннего зла. Известны многочисленные изображения святого архангела Михаила, побеждающего змееподобного Сатану, или святой Маргариты, попирающей дракона, или иконографический стандарт Девы Марии, стоящей на полумесяце. Все они акцентируют идею торжества человеческого духа над неким злом или пороком. Архангел Михаил в христианских легендах сражается с дьяволом за души недавно умерших и неизменно побеждает его в этой битве; девственницу

Ил. 32. Аркан Колесница из Таро
Людей-Кошек Карен Кайкендалл

Маргариту, сидевшую в тюрьме, проглотил дракон, но, как только она сотворила крестное знамение, брюхо его отворилось и выпустило святую на свободу. Подобные сюжеты, изображенные на великом множестве икон и картин, можно рассматривать как завуалированные намеки на посвятельные обряды, позволяющие человеку проникнуть в высший мир, запомнить увиденное и услышанное, а затем вернуться к обыденной жизни, сбросив, как змея кожу, часть своего существа, олицетворяемого демонической или животной формой.

Если нумерованный аркан Таро подчиняется этой закономерности, что именно в нем символизирует кошка? Что именно посвященный сбросил и заключил в кошачью форму, которая следует за ним в его земных странствиях? Памятуя о том, что в средневековой культуре кошку, особенно черную, связывали с дьяволом, символизм этот можно истолковать очень просто. Если интерпретировать Дурака именно так, то в нем можно увидеть посвященного, отказавшегося от темной части своего «я» и достигшего благодаря этому внутренней чистоты. Тут прослеживается очевидная параллель с убиением дьявола архангелом Михаилом. Но есть в этой картинке и не столь очевидная связь с полумесяцем, на котором стоит Дева Мария. Не будем забывать, что кошка с древнейших времен ассоциировалась с луной. Такой вариант толкования вполне соответствует оккультным представлениям: из иконографии Таро явствует, что кошка не друг человеку и на самом деле пытается схватить его за ноги. Так же обстоит дело и со многими изображениями архангела Михаила, на которых дьявол отнюдь не убит, а просто помещен туда, где ему и место, — под ноги человеку. Преодолев низшую фракцию своего существа — дьявола, присутствующего в каждом из нас, — посвященный вовсе не умертвил его и теперь должен постоянно оставаться начеку, чтобы демонические силы не попытались вернуть себе утраченное.

Есть одна весьма примечательная современная колода, во многом обязанная артистическим вдохновением кошачьей мудрости. Созданная за два года Карен Кайкендалл и выпущенная в 1985 году, она чрезвычайно изобретательно вплетает кошачью образность и в Старшие, и в Младшие арканы Таро. Символизм Таро Людей-Кошек (см. цветную ил. 16) не в полной мере носит

окультурный характер, поскольку соединяет, условно говоря, антропологические элементы с такими, которые не назовешь иначе, как научно-фантастическими. Каждая из пяти частей колоды Таро (Старшие арканы и Жезлы, Чаши, Мечи и Пантакли Младших), ассоциирующиеся соответственно с пятью алхимическими элементами, связана с одним из Пяти Королевств, называемых *Валпала* (народ Неба), *Тваихик* (народ Песков), *Аженгир* (народ Соли), *Тносс* (народ Огня) и *Каулаве* (народ Камня). Легенды и верования этих земель целиком проникнуты кошачьим символизмом; кошки присутствуют на каждой карте. Особенно красноречива в этом отношении карта Луна, на которой серп молодого месяца как бы вырастает из рта лунной богини, а хвост барса повторяет его форму. Трехконечное навершие копья в руке женщины тоже имеет оккультное происхождение и, без сомнения, символизирует тройную природу лунной богини, которую древние называли Гекатой и от которой пошло нумерологическое соотнесение числа 3 с луной. Сходным образом и два демона в оригинальной иконографии карты Дьявол у Кайкендалл превратились в двух кошек, которых можно воспринимать как демонических фамильяров (ил. 30). Жезл с кошачьей головой в руках этого тевтонского Дьявола тоже напоминает о древней оккультной традиции; этот мотив неоднократно встречается на средневековых гравюрах, изображающих колдунов и ведьм, вызывающих штормы, которые топят корабли магическими средствами. На одной такой гравюре сидящий на первом плане колдун держит посох, на который насажен череп какого-то мелкого животного (ил. 31). Весьма вероятно, что череп этот кошачий, так как в те времена люди верили, что ведьмы и вправду приносят в жертву кошек для того, чтобы при помощи черной магии вызывать бури. Но об этом речь еще пойдет в главе 7.

Прочие карты из колоды Кайкендалл менее очевидно связаны с оккультной традицией и ориентированы в своем символизме на мифологию Пяти Королевств. Так, Колесница (ил. 32) изображает двух одинаковых кошек-близнецов, влекущих повозку, в то время как в оригинальном Таро, что очень важно, упряжка представляет дуализм, а потому «лошади» должны быть разного цвета и смотреть в противоположные направления. Шестнадцатый Ату, Башня, тоже решен весьма особым образом: в огромную

Ил. 33. «Блудный сын»
Иеронима Босха.
Собрание музея Бойманс
ван Бюнинген, Роттердам.
Символизм кошачьей
шкурки, висящей на
заплечной корзине бродяги
давно не дает покоя
исследователям

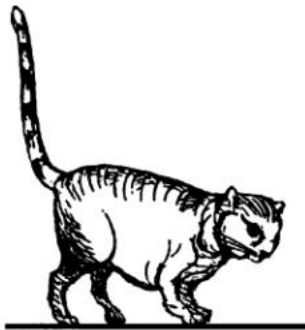
каменную кошку попадает молния, с верхнего ее уровня падают мужчина, женщина и кошка. В настоящем Таро на этой карте изображена башня, с которой падают люди; молния поражает ее крышу. Иногда эту картину зовут «Домом Божьим» — в Средневековье так называли больницу. Источником для традиционной иконографии аркана послужила, вероятно, средневековая легенда о бегстве Святого семейства в Египет, когда на пути его рушились храмы языческих богов. На фасаде Амьенского собора можно обнаружить подробное повествование об этих событиях. В Таро Людей-Кошек все традиционные соответствия оказались утраченными, но их место заняли новые линии оккультного символизма: в сопроводительном буклете разъясняется, что окружающие падающих людей и кошку ауры защитят их при падении, а вся карта при гадании означает для кверента «внезапные и всеобъемлющие перемены», так как, несмотря ни на какие ауры, люди, в отличие от кошки, не умеют ловко приземляться, падая с высоты.

Рассуждая о значении кошки в карте Дурак, нельзя обойти вниманием оккультное толкование кошачьей шкурки на чрезвычайно интересной и символической картине Иеронима Босха (XV век), которому, судя по всему, случалось писать по заказу группы тайных еретиков, увлекающихся оккультным символизмом. В образе бродяги из «Блудного сына» (илл. 33) присутствуют сразу несколько знаков посвящения — взять хотя бы платок или подвязку, завязанную вокруг его левой икры. Корзина на спине и животное у ног живо напоминают Дурака Таро, хотя сама картина иллюстрирует Библию (Лк. 15: 11—32). Босх, без сомнения, проводит параллели между притчей о блудном сыне и жизнью посвященного, отринувшего все земные богатства ради сокровищ духа и в конце концов возвращающегося в дом Отца своего — на небеса — обогащенным земным опытом. Однако больше всего нас интересует оккультный символизм кошачьей шкурки, привязанной к его заплочной корзине рядом с ложкой. Искусствовед Вартхайм Эмс дал очень стройное с точки зрения тайных знаков толкование этой картины Босха. Что же касается кошачьей шкурки, то он особо акцентирует идею ее бывшей владелицы как олицетворения перемен, «сонной днем и вдвойне бодрой ночью». Для кошки характерна фазовая смена настроений, когда периоды довольного спокойствия перемежаются всплесками эмоциональной активности. В этом чередовании фаз Эмс видит главную причину тому, что египетская богиня любви и магии Баст изображалась с головой кошки. Кошачью шкурку у блудного сына он воспринимает как символ смерти эмоциональной жизни, жизни страстей, непосредственно связанной с любовью. Иными словами, в контексте чрезвычайно насыщенной тайным символизмом картины Босха кошачья шкурка имеет примерно тот же смысл, что убитое или «побежденное» животное в других формах искусства. Это останки некоего порока или страсти, отвергнутого бывшим мотом, вступившим на духовный путь.

Историк искусства Д. Бакс, склонный толковать большинство босховских символов с совершенно буквальных позиций, указывает, что кошачья шкурка фигурирует и на некоторых других полотнах, потому что коробейники вообще имели обыкновение привязывать их к своим корзинам. Значение этого образа он

прослеживает до голландского слова «katsjager» («кошка-охотник» или «охотник на кошек»), которым обозначают волокиту. Приведя это замечание, Бакс, впрочем, немедленно сбрасывает его со счетов как вряд ли имеющее отношение к картине, так как бродячего коробейника уж никак нельзя счесть ловеласом — бедность и превратности жизни к этому нисколько не располагают.

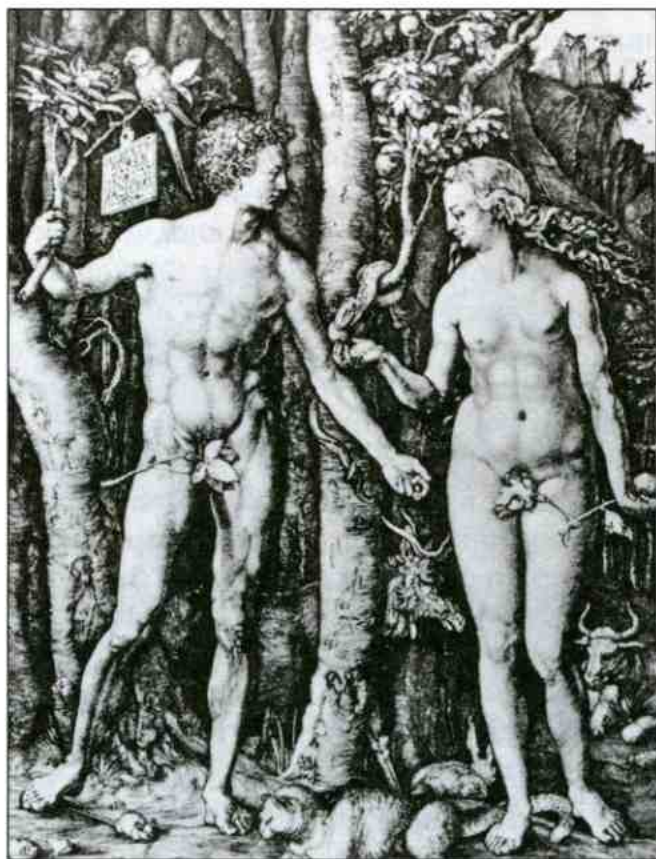
В качестве альтернативного толкования он замечает, что слово «kattevel» («кошачья шкура») может обозначать кошель, сделанный из этой самой шкуры, и в подтверждение своей версии приводит пару литературных источников. Далее Бакс указывает, что имеется в виду именно содранная, освежеванная шкура, а само голландское слово «stoppen» к XV веку обрело фигуральное значение «ободрать», «обокрасть». Следовательно, кошачья шкура может говорить о том, что кошелек коробейника был украден. Такая интерпретация не очень-то согласуется с методами чтения символов, применяемыми к произведениям искусства XVI века, и кошачью шкуру следует, вероятнее всего, толковать куда проще — а именно как отсылку к отвергаемому Баксом слову «katsjager» — «волокита». Если картина читается в эзотерическом ключе (с чем Бакс, в отличие от многих оккультистов, совершенно не согласен), то шкурка символизирует примерно то же, что и узелок с сокровищами на спине Дурака Таро, — то есть некие ценности, не признанные и не признанные коробейником. А каковы могут быть ценности волокитства? Охота за женщинами есть сниженный, обмирщенный вариант стремления к небесной женщине, к аниме — любви к Царице Небесной. В языческие времена это была лунная богиня Исида или даже Бастет, превратившаяся в христианском контексте в Деву Марию. Придет время, и блудный сын поймет, что за символ он носит на спине, и заново обретет ключ к звездному небу.

Кисти Босха принадлежит и ряд демонических представителей семейства кошачьих, о которых мы поговорим немного позже, а сейчас обратимся к самой замечательной из его кошек и одной из самых прелестных картин — к левому крылу триптиха «Сад земных наслаждений», выставленного в музее Прадо. Слева от пленительно невинных Адама и Евы стоит дерево, у подножия которого кошка гордо несет в зубах дохлую крысу (см. цветную ил. 17). Ин-

интересно, что композиция этой картины делится на две четко выраженные части. Граница проходит по лиственному лесу позади фигур Адама, Евы и Бога. Верхняя часть, центром которой является фонтан посреди причудливого ландшафта, населена разнообразными животными, вполне узнаваемыми, вроде слона, жирафа, единорога, и совсем неизвестными; это совершенно очевидно эдемский сад, рай. Нижняя часть фокусируется на Адаме и Еве и изобилует созданиями, определить которых можно не иначе как демонических. Трехголовая птица пьет из темного озера, представляющего собой как бы теневое отражение райского озера верхнего регистра, из которого пьет единорог. Все на этой картине оказывается не тем, чем представлялось. Справа от источника

Ил. 34. «Адам и Ева», гравюра Альбрехта Дюрера (1504). Кошка на переднем плане, не обращающая никакого внимания на мышку у правой ноги Адама, — символ холерического темперамента (пока не пробужденного, так как грехопадение еще не свершилось); животные позади Евы представляют три остальных темперамента

находится скала, на которой сидят два животных: ящер снизу образует усы и подбородок, а тварь в раковине — большой глаз. Сам источник почти атропоморфичен, а некоторые из обитателей верхней, райской части выглядят все равно зловеще или, по крайней мере, странно. Есть в этой картине что-то от Дали: она тревожит воображение и побуждает погрузиться взглядом в детали.

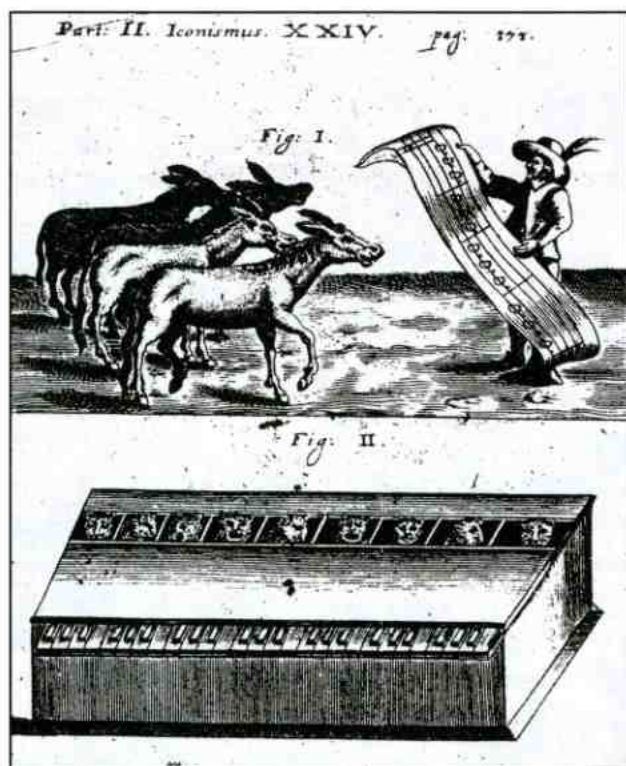
При ближайшем рассмотрении кошка тоже оказывается не настолько кошачьей, как можно было бы подумать. Хвост отстоит от тела не совсем так, как ему положено, да и выдающиеся зубы не особенно пристали кошке. Передние конечности больше похожи на лапы демона. Да и кошка ли это? Даже если предположить, что существо это должно изображать кошку, остается вопрос, что *такая* кошка может символизировать? Если провести параллель со стандартным образом «кошки с мышкой», которая есть, например, у Дюрера (ил. 34) и о которой мы еще поговорим, можно считать кошку, поймавшую крысу, символическим предвестием грядущего грехопадения. Возможно, поэтому Босх поместил это демоническое создание у подножия древа, несущего плод соблазна — полуклубнику-полувиноград? Возможно, кошка — личина Сатаны-искусителя, уносящего свою жертву-человека? Если счесть такую интерпретацию разумной, то в нее вполне вписывается и *katsjager* Бакса. Кот-охотник, он же охотник на женщин, отлично играет в заданном контексте, так как, согласно Библии, именно Сатана убедил первую женщину отведать плод познания — он-то и был первым охотником на женщин. Примечательно то, что Сатана несет жертву в зубах, и Ева тоже согрешила, съев запретный плод.

Босх часто изображал кошку в символическом контексте. В некоторых случаях совершенно очевидно, что за этим стоит намерение унизить богиню — низвести символизм небесной Бастет на демонический уровень. В великолепной работе «Семь смертных грехов» мы обнаруживаем кошку в секции, посвященной греху гордыни («*Superbia*» на латыни; см. нижнюю часть фрагмента на цветной ил. 18). Стандартная средневековая символическая композиция показывает женщину, глядящуюся в зеркало, которое держит в когтях демон. Почти каждая деталь на картине раскрывает тот или иной аспект греха гордыни — в том числе и маленькая

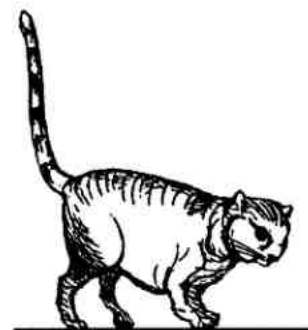

серая кошка, которую видно через дверной проем справа. Возможно, кошка стала символом гордыни благодаря зрению (все дело в том, каким себя видит одержимый грехом), но независимо от того, есть ли связь между этими явлениями или нет, кошка в позднее Средневековье была символом и гордыни, и зрения (последнее, без сомнения, из-за ее необычайных глаз). Эта конкретная кошка занимает важное место в картине, так как полотно в целом имеет круговую композицию: семь сегментов, каждый из которых посвящен тому или иному греху, расположены вокруг центрального, на котором изображен воскресший Христос с надписью: «Cave, cave, Deus Videt» («Берегись, берегись, Господь зрит») и напоминают глаз. Этот всевидящий бог придает двойное значение картинке с женщиной, глядящейся в зеркало: пока она, переполненная гордыней, падает в когти демонов, Бог не ощущает никакой гордости

Ил. 35. Кошачий орган.
Иллюстрация к
части II книги VI,
Felium Musicam Exhibere
в *Magiae Universalis*
Гаспара Шотта (1657).

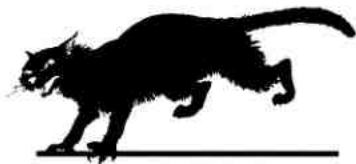

за то, что зрит в зеркале сотворенного мира. Кошка, низверженная богиня, символизирует здесь то, к чему пришел мир благодаря склонности человека ко греху. Неудивительно, что испанский король-меланхолик Филипп II держал эту картину в спальне в качестве наглядного морального урока.

Однако следует отметить, что даже в «демонической традиции» бывают случаи необычного использования кошачьего символизма. Кошки, судя по всему, вообще интересовали Филиппа II, так как в бытность свою в Брюсселе в 1549 году он посетил концерт кошачьего органа, звучание которого, как явствует из названия, обеспечивалось не нагнетанием воздуха трубы, а воплями кошек. Хотя до нас не дошло ни одного изображения этого примечательного инструмента, звуками которого наслаждался Филипп, принцип его действия можно понять по гравюре XVII века в *Magiae Universalis* Шотта (ил. 35). Изображенный на ней орган вместо обычных труб состоит из двадцати клеток с кошками, к хвостам

Ил. 36.
Кошачий орган и
демонический хор.
Гравюра XVII века
Франца ван дер
Вингерта

которых привязаны веревки. Когда нажимают клавишу, веревка дергает соответствующую кошку за хвост, и та кричит. Говорят, в 1549 году на органе играл медведь, но как его сумели уговорить нажимать клавиши в нужной последовательности, так и осталось неизвестным.

Глупо было бы искать скрытый символизм в подобном устройстве, предназначенном преимущественно для «развлечения», но все же нельзя списывать со счетов возможную попытку изобрести «музыку демонов». В конце Средних веков люди верили, что музыка земная есть лишь тень музыки небесной, так называемой «музыки сфер», которую слышат лишь адепты тайных искусств и мудрецы. Теория небесной музыки базировалась на идее о том, что пропорции расстояний между планетарными сферами соответствует пропорциям между тонами земной музыки. Круговой ход небесных тел по своим сферам служит причиной гармонических звуков горней музыки. В начале XVII века великий астроном Кеплер взял эту древнюю теорию и адаптировал ее к гелиоцентрической системе, как раз тогда набиравшей популярность. Он полагал, что музыка сфер связана не с расстояниями между планетами, а с суточными углами их траекторий, представляющими собой, по его концепции, полную систему музыкальных интервалов. Проще говоря, в эпоху изобретения кошачьего органа идея земной музыки как слабого отражения музыки небесной была довольно распространена. В то время кошка считалась агентом зла, так что можно с известными основаниями предположить, что игравшие на этом прелюбопытном инструменте пытались изобрести новую музыку, которая находила бы отклик не в небесных, а в inferнальных областях. Подтверждением этой теории можно считать довольно известную гравюру с изображением кошачьего органа и демонического хора (ил. 36).

На фреске XVI века в так называемой Палате Риторики в Антверпене шут держит в руке кошку, объявляя: «Я нашел!» Что именно он нашел — сокровенный смысл кошки? Принимая во внимание, как прочно символизм «адской кошки» укоренился в искусстве XV и XVI веков, было бы абсурдно толковать ее как аллгорию высшего духовного потенциала человека, умения вступать в контакт с анимой, или как религиозный символ души и Девы Марии. И все же нельзя забывать, что кошка — символ сложный,

Ил. 37.
Деталь гравюры
«Праздник дураков»
по рисунку
Брейгеля старшего

способный представлять такие крайности, как небо и ад. Возможно, именно на этих крайностях и зиждется мощь ее символизма. Фридман в «Бестиарии святого Иеронима» указывает, что домашняя кошка символизирует семью и служит предтечей Девы, «простой, непритязательной иудейской девицы, которой суждено быть трансформированной и вознесенной божественным выбором». Подлинная значимость кошачьего символизма у Босха состоит как раз в концепции уничтожения, умаления. Тайное сокровище, кошачья шкурка (сама по себе — лишь отвергнутая оболочка некогда живого существа) — действительно огромное сокровище, ибо адское в ней становится небесным.

На одной из гравюр Брейгеля Старшего мы видим шута, пляшущего с кошкой на плечах (ил. 37), а на одной из босховских кош-ка прячется в складках капюшона гуляки, сидящего в двустворчатой раковине. В эзотерической системе любой символ на голове персонажа (в том числе и головной убор) указывает на характер

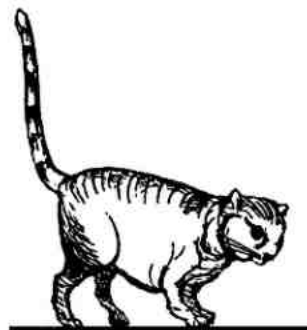

отношений носителя с духовными сферами. И гуляка, по неосторожности надевший на голову кошку, явно не в силах распознать в ней девственную Царицу Небесную.

Кошки, как станет ясно в дальнейшем, немало пострадали от рук охотников за ведьмами, в основном потому, что их считали замаскированными бесами, демонами инкогнито. Такое отношение к многострадальному кошачьему роду нашло отражение в искусстве и литературе: на каждую картину, изображающую кошку достойным домашним животным, приходится дюжина таких, где она представлена символом зла или подвергается разнообразным мучениям.

Ил. 38. Иудина кошка — фрагмент фрески Бернардино Луини «Тайная вечеря». Церковь Санта-Мария-дельи-Анджели, Лугано.

В верхних коридорах Уффици выставлена серия гобеленов XVI века, посвященных Страстям Христовым. На первом из них изображена Тайная вечеря с короткой цитатой из Матфея (26: 23) «Он же сказал в ответ: опустивший со мною руку в блюдо, этот предаст меня». На первом плане композиции находится кошка, которой один из учеников — видимо, Иуда — подает кусок хлеба. В Евангелии от Иоанна (13:27) сказано, что как только Иуда принял от Иисуса кусок хлеба, в него вошел Сатана. В этой изысканной художественной форме кошка предстает как эмблема дьявола; Иуда свидетельствует ему свое почтение, поднося животному хлеб, которому суждено будет стать символом Тела Христова (см. цветную ил. 3). Та же тема фигурирует во многих живописных полотнах Ренессанса и Нового времени. Тайная вечеря Луини (ил. 38) в церкви Санта-Мария-дельи-Анджели в Лугано показывает Иуду с кошельком, с сребрениками в руках (немного рановато, так как Тайная вечеря еще даже не закончена) и с полосатой кошкой у ног. В своей превосходной книге «Кульť кошки» Патрисия Дейл-Грин называет эту иконографию «Иудиной кошкой».

После XV века кошка все прочнее обосновывается в христианском искусстве как символ зла. Именно в этом качестве она изображена у ног Христа в сцене «Брака в Кане Галилейской» Андреа Босколи. Что стоит за этим странным символом? Над головой кошки порхает птичка, привязанная за ножку к нитке, которую держит маленький мальчик. Сама кошка пятится от нападающей на нее собаки. Христос сидит совершенно спокойно, не обращая никакого внимания на собачий лай. Если эта кошка символизирует силы зла, то трудно понять, что она делает в складках одеяния Христа. Пойманная птичка над кошкой напоминает о Святом Духе, которого иногда изображали соединенным золотыми нитями с рукой Бога Отца, парящего над головой Христа в сцене Крещения в водах Иордана. На кошку нападает собака, в точности как на Христа будут нападать солдаты и первосвященники перед распятием. Не символизирует ли эта деталь Крещение и Страсти Господни, на полпути между которыми и происходит Брак в Кане Галилейской, где Христос являет чудо превращения воды в вино? Это чудо теологи часто рассматривают как предвестие пресуществления вина в кровь, впервые произошедшего на Тайной вечере и затем — на

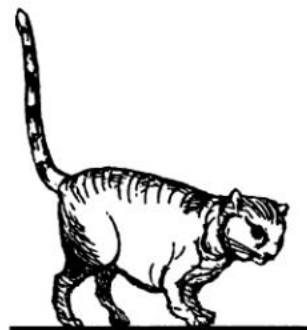

каждой святой мессе. Если такое толкование верно, то перед нами искупление кошки как христианского символа, ибо она здесь отождествляется с Христом и его Страстями и потому имеет полное право прятаться от собаки в платье Спасителя.

«Никогда не топи и не бей кошек, а то дьявол тебя заберет», — гласит старая пословица, часто цитируемая в старых книгах о кошках; впрочем, печальная история злключения кошачьего рода свидетельствует, что представление это, увы, не укоренилось глубоко. Такие поговорки зиждятся на вере в то, что кошка животное священное. В «Народных верованиях негров южных штатов» Пакелда приводится другая поговорка: «Хотя у кошки и девять жизней, достаточно забрать одну из них, и кошка станет являться тебе в виде призрака». Откуда же взялся такой разрыв между верованиями и практикой? Может быть, это всего лишь еще один признак низложения богини до беса? Может быть, народная мудрость сохранила память о высшем существе, о богине, в то время как жестокое обращение с кошками связано с образами ведьмовских бесов-фамильяров, относящихся к гораздо более поздней и оттого более знакомой истории?

В музее Барджелло хранится эмаль начала XVI века мастера Кули Нуайе из Лиможа (часть комплекта из двенадцати предметов, объединенных смежными темами). На ней два купидона бьют палками кошку (вкладка 19). Кошка выглядит вполне домашней, но стоит на холме практически в геральдической позе, словно она — жертвенное животное. Купидоны, судя по всему, получают от избиения подлинное удовольствие. Смысл этой эмали, которая почти наверняка была скопирована с гравюры, представляет собой ребус — не вполне ясна даже французская надпись, бегущая по краю изображения: «*La batahe dv chat*», что, предположительно, означает «Избиение кошки». Можно не сомневаться, что символизм этой эмали был понятен тому, кто заказал ее или гравюру, по которой ее сделали. Нам же о нем остается только догадываться. Может быть, кошка — это дьявол, которого нужно побить? Есть множество гравюр и рисунков на темы ведовства, где дьявол предстает в образе козла, который есть не что иное, как пародия на Агнца Божьего — Христа. Поза кошки и вправду напоминает каноническую позу агнца, который, кстати говоря, был официальным

знаком и эмблемой ордена тамплиеров. *Agnus Dei*, стоящий на холме или алтаре, иногда с крестом, который он несет на сгибе передней ноги, иногда без него, часто фигурирует на геральдических и оккультных эмблемах — как, например, на семейном гербе, на который претендовал алхимик Лэмспринк. Там он присутствует сразу и на щите, и на украшении над ним, хотя и выполняет роль прежде всего намека на фамилию автора¹. Так что и геральдическая поза кошки на эмали, и то, что кошка эта белая, приводит на память многочисленные изображения Агнца Божьего, являющегося в христианской иконографии типичным символом Пасхи. Так может быть, это пародийное изображение силы, противоположной Христу, то есть Антихристу?

Эмаль эта наверняка эмблематична, но изображенная на ней сцена, к сожалению, слишком близка к реальности, так как в источниках сохранились свидетельства о ритуальных избиениях кошек и тому подобных жестокостях. В XVIII веке в Келсоу существовала такая «игра», когда кошку сажали в бочку с сажей и подвешивали на палку между двух шестов. Несколько игроков верхом на лошадях кидаются на бочку и лупят ее палками и деревянными молотками, пока она не разобьется вдребезги, вывалив кошку вместе с сажей наружу. Кошку затем продолжали мучить до смерти. Ритуал побивания очень древний, но сочетание бочки с кошкой носит, скорее всего, региональный характер и вдобавок отдает колдовством. В Шотландии обычным методом расправы с ведьмами (помимо официального сожжения) был следующий: несчастную сажали в бочку с горящей смолой и спускали с ближайшего холма. Молчаливыми свидетелями этих зверств были так называемые ведьмины камни, у которых оставляли то, что оставалось от жертв. Один из них до сих пор стоит напротив полицейского участка в Элгине.

Жертвенный агнец, *Agnus Dei*, иногда изображается исторгающим кровь свою в чашу причастия, символизируя тем самым жертвоприношение Христа. И даже этот святой символ был подвергнут поруганию, так как кровь кота в колдовских практиках считалась очень важным ингредиентом.

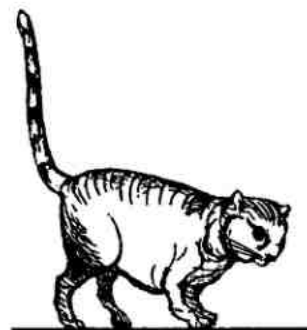
¹ Lambsprinck — Лэмспринк; lamb (англ.) — «агнец».

Кошачья кровь, как считалось, обладала магическими свойствами. Возможно, этим и объясняется настойчивость, с которой некоторые гримуары настаивают на обязательном убиении кошки перед началом любых практик черной магии. Возможно, глиняный горшок перед кошками на офорте Гойи (ил. 2) и на гравюре Бальдунга Грина (ил. 39) стоит там именно для сбора кошачьей крови, необходимой для приготовления мази для полетов на метле? Из-за горшка виднеются связанные задние лапы какого-то животного (возможно, как раз кошки), предназначенного, весьма вероятно, для такого кровавого жертвоприношения. В своей книге о чудовищах Мартин Вайнрих сообщает, что был в Варшаве один эпилептик, который пил кошачью кровь и стал в результате мяукать, как кошка, и гоняться за мышами. Такие сюжеты уходят корнями в те времена, когда люди верили, что, выпив крови казненного преступника, можно заразиться его злом и пороками. Эта идея очень стара и отражает закон симпатической магии, согласно которому подобное притягивает подобное (а с оккультной точки зрения

Ил. 39. Ведьма с кошкой-фамильяром и горшком летучего зелья. Фрагмент двухцветной гравюры Бальдунга Грина «Ведьмы» (1510) (см. цветную ил. 21). В рецептуру некоторых летучих зелий входила кошачья кровь

кровь всегда обладала особенной силой). Ему противоположен «антипатический» принцип, который заставляет некоторые вещи испытывать «отвращение» друг к другу. Бартолин¹ в своем труде *De Arcanis Medicorum* 1673 года утверждает, что всем известная «антипатия» между кошками и мышами имеет оккультные причины, и что если по амбару рассыпать пепел сожженных кошек, то мыши туда и не сунутся. Бартолина вообще чрезвычайно интересовали всякие тайные материи, так что от него вполне можно ожидать изложения в относительно новых книгах довольно старых представлений. Но вот обнаружить у Роберта Бойла (1627—1691) пассаж об оккультных свойствах кошачьего уха было весьма неожиданно, хотя в этом он лишь повторяет мнение великого оккультиста XVII века Роберта Фладда, считавшего, что человек может избавиться от боли и передать ее кошке, если сунет ей в ухо палец. В XVII и XVIII веках идея, что определенные недуги и болезни можно вот так перенести на животное, была делом обычным: так, лихорадку и подагру можно было отдать собаке. Иногда в качестве лечебной меры использовали то, что сейчас мы назвали бы переливанием: тот же Бойл сообщает, как безумца лечили впрыскиванием ему крови теленка.

Жестокость по отношению к кошкам не была исключительно христианским мотивом. Сцены мучения кошек во множестве встречаются и в жанровой живописи. Вскоре после знаменитой «кошки кокни», изображенной им на портрете детей семейства Грэхам в 1742 году, Хогарт занялся серией гравюр под общим названием «Стадии жестокости», где над кошками и прочими животными чинятся всякие издевательства. На первой же из них к кошке прицепили крылья из воздушных шариков и выкинули из окна. На другой — самой знаменитой из всей хогартовской серии «кошачьих страстей» — двух котов связывают вместе и подвешивают за хвосты к перекладине, чтобы они дрались и в конце концов изувечили друг друга. Впрочем, жестокость к кошкам не является прерогативой человека: на первом плане собака нападает на кошку и разрывает ей живот. Эти жуткие изображения, иллюстрирующие историю о том, как Том Неро дошел до виселицы, строго говоря, не являются

¹ Томас Бартолин (1616—1680) — датский врач, математик и богослов.

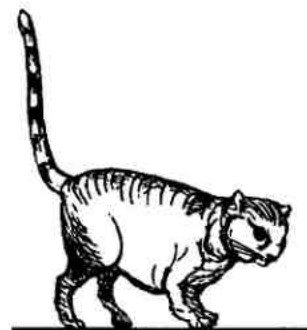

окультурными, хотя в их публицистической стилистике присутствует и скрытая политическая сатира, и даже некоторый прямой символизм (так мальчик, пытающийся спасти собаку, списан с будущего короля Георга III). Самое важное в работе Хогарта — открытие принципиально новой области популярной живописи, в которой многие старые символы, считавшиеся святой святых в религиозном искусстве, вдруг предстали в новом свете. Кошка перестала быть демоном и оказалась жертвой. Примерно в то же время, в середине XVIII века, идея ведьмы как жертвы стала пускать корни в нашей интеллектуальной культуре. Этот век увидел последний суд по обвинению в ведовстве. Постепенно кошка очистилась от подозрений в работе ведьмовским фамилльяром практически повсеместно, за исключением разве что самых закоснелых религиозных общин. Между гравюрами на ил. 39 и 40 — целый мир.

Не стоит полагать, что возрождением кошки мы обязаны исключительно Хогарту. В искусстве вообще наметился поворот к изобразительной публицистике, ярким представителем которого

Ил. 40. Фрагмент картины Уильяма Хогарта «Первая стадия жестокости», на которой изображены мальчики, смеющиеся над двумя котятами, которых они заставляют драться, подвесив их к столбу

он был. Но даже и так великое разнообразие кошачьих символов в его работах иллюстрирует новое отношение к кошкам (и к животным в целом), развившееся в обществе XVIII века в общем русле освобождения от «демонизма» христианского мышления.

Хогарт часто работал, используя контраст, чтобы можно было сравнить картину «до» и «после» упадка личности персонажа, или же делал две отдельные гравюры, показывающие возвышение одной стороны и падение другой. Например, в «Успехе шлюхи» мы видим любовницу состоятельного еврея, закатывающую истерику своему «богатому папочке», чтобы скрыть измену с юным любовником, который как раз выскальзывает незамеченным из комнаты. На переднем плане мартышка кидается прочь в ужасе перед ее яростью. Обезьянка несет здесь двойную символическую нагрузку: она демонстрирует мотовство и дорогостоящие причуды, к которым привыкла героиня (а обезьянки в качестве домашних животных в XVIII веке были весьма недешевы), а также намекает на ее пожилого любовника, так как обезьяны в изобразительном искусстве часто символизировали евреев. Вторая гравюра показывает ту же девицу после того, как богатый еврей выгнал ее. Теперь она — разбойничья шлюха, которую вот-вот арестуют. Теперь на первом плане мы видим кошку. Само по себе изображение кошки не несет никакого самостоятельного смысла (хотя поза кошки внятно намекает на непристойный характер гравюры), но поскольку она заняла место обезьяны и представляет собой как бы ее сниженного двойника, внутренний смысл этого образа немедленно становится понятен: девушка больше не может позволить себе дорогие причуды и пала от экзотики до банальности. В изображении все равно неизбежно присутствуют обертоны ведьмовского фамильяра — героиня уже не претендует на статус дамы, которого лишилась, расставшись с евреем; теперь она — сожительница бандитов с большой дороги, не устоявшая перед демоническим искушением. В данном случае социальный смысл этих двух гравюр нам не очень интересен. Стоит лишь отметить, что Хогарт сумел посмотреть на символический потенциал кошки свежим взглядом.

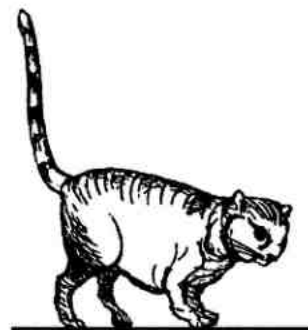
Кошка ничуть не стесняется быть ведьмовским фамильяром на гравюре, где Гудибрас обращает в бегство астролога-шарлатана

Ил. 41. Кошка выпадает из трубы. На этой гравюре Хогарта нерадивый ученик забавляется в постели со шлюхой; оба чувствуют себя настолько виноватыми, что подскакивают от ужаса, когда из каминной трубы вдруг вывалится кошка. Слово «кошка» имеет здесь двойной смысл: в обиходе XVIII века так называли проститутку. Девушка виновата в «грехопадении» не меньше, чем нерадивый ученик

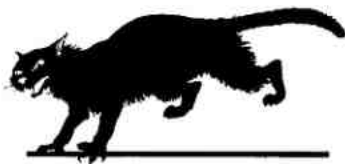
Сидрофеля и его сообщника Вакума, обвешанных всеми символами своего ремесла — ворожбы и некромантии. Кошка здесь имеет примерно тот же смысл, что и эмбрион в бутылке, скелет, крокодиле чучело и прочие атрибуты — то есть служит элементом традиционного демонического символизма. Интересно, не чувство ли юмора заставило Хогарта изобразить в гороскопе Сатурн и Марс в оппозиции — Марс есть планета агрессии (Гудибрас во гневе), а Сатурн представляет мудрого старика (самозванец Сидрофель). Остальное на этой карте — просто бред, это вообще не гороскоп; зато нам сразу становится понятна степень компетентности Сидрофеля. Многие интерпретаторы считают, что Сидрофель Сэмю-

эля Батлера, объявивший, что обнаружил на Луне слона (на самом деле к нему в телескоп просто забралась мышь), представлял сэра Пола Нила, члена только что созданного Королевского общества. Может, эта забавная историческая деталь была отражена в том факте, что возле Сидрофеля на полу стоит телескоп? С другой стороны композиции у ног Гудибраса изображена кошка, с которой он, таким образом, символически ассоциируется — не охотится ли он на мышку-Сидрофеля?

Но куда более значительна в той же гудибрасовской серии композиция «Гудибрас и Скиммингтон», пародирующая знаменитую «Процессию Бахуса и Ариадны» Каррачи, но изображающая при этом сельский обычай, специально придуманный для мужей-подкаблучников и их мегер. Супругов привязывали друг к

Ил. 42. Старинная игра «кинь кошку».
Деталь декора хоров церкви св. Сульпиция. Диест, Бельгия. XV век.

другу, сажали на лошадь и провозили по деревне на посмеяние соседям, буйствуя и шумя. Этому сопутствовал «барабанный бой», а роль барабана играл чайник с посаженной в него живой кошкой — весьма похоже на игру в «кинь кошку», которой развлекались еще в Средневековье (ил. 42). Что можно было бы счесть деревенским пережитком старых обычаев, но в городе то же — только взгляните на «Первую стадию жестокости» (ил. 40)!

Художественный язык Хогарта обычно многослоен, свеж, злободневен. Этот склонный к сатире художник весьма редко обращается к освященному веками религиозному символизму. Однако на популярной гравюре с бродячими актрисами, одевающимися в амбаре, он делает исключение и рисует кошку, которая играет с украшенным крестом шаром — типичным христианским символом мира, который обычно изображается в руках Бога Отца или Христа в знак его власти над всей вселенной. Хогарт показывает нам котенка, игриво властвующего над миром; вспомним, что в XVIII веке проститутку на жаргоне называли «кошкой» (это словоупотребление сохранилось в современном американском «cathouse»¹). Изображенные женщины не проститутки, но их дедабилье предполагает идею проституции, так что кошка как олицетворение женской слабости духа тоже здесь вполне уместна. Ввиду всего этого весьма любопытно, какую пьесу они репетируют — «Отольется дьяволу на небесах»: женщина (или «кошка») властвует над землей, котенок терзает струны Аполлоновой лиры, видимо символизирующей гармонию сфер, вечную музыку. Между собой котята раздирают землю и ее миропорядок. Еще одна милая символическая деталь этой гравюры — мартышка слева внизу, писающая в шлем Юпитера. В средневековой знаковой системе обезьяна считалась символом стихии Воздуха (может быть, потому, что, подобно всем воздушным знакам, слишком много болтала). Со стороны Воздуха это забавный акт тщеславия — отливать Воду в шлем планетарного божества, тоже связанного с Воздухом, так как в мировом порядке вещей вода и воздух друг другу враждебны. «По части разума и воображения, — справедливо заметил Гораций Уолпол, — это лучшая из его работ».

¹ Публичный дом (англ. сленг).

Ил. 43. Ведьма кормит грудью кошку-фамильяра. Фрагмент гравюры Уильяма Хогарта «Легковерие, суеверия и фанатизм» (1762). Гравюра представляет собой сатиру на методизм и на суеверные реакции общества на такие «духовные» феномены хогартовского времени, как «привидение с Кок-лейн», «Билсонский мальчик», глэнвилловский «*Sadducismus Triumphatus*»¹ и т.д. В легковерии Хогарт обвиняет не только толпу и конгрегации в целом, но и духовенство

Этим символизм хогартовских кошек отнюдь не исчерпывается. Кошка играет символическую роль в «Успехе повесы» и в «Трудолобии и лени», а также еще в паре-тройке гравюр. Однако мы уже узнали все существенное для понимания того, как изменилась в символическом искусстве XVIII века роль кошки, постепенно очищенной от обвинений в ведьмовстве и бесовщине. Впрочем, это не мешает Хогарту играть с традиционными суевериями относительно ведьм и их фамильяров (ил. 43).

Итак, к следующему веку кошка уже широко использовалась как недемонический и даже юмористический символ, причем иногда там, где подразумевалось двойное прочтение. В Шрагборо есть

¹ «*Sadducismus Triumphatus*, или Полные и очевидные свидетельства существования ведьм и привидений» — книга Джозефа Глэнвила, опубликованная в 1681 г. Известна, в частности, тем, что оказала непосредственное влияние на суды над ведьмами в г. Салем (Массачусетс) в 1692—1693 гг.

красивый монумент кошке, один из многих курьезов этих мест. Говорят, что он поставлен в память корабельной кошке, сопровождавшей адмиралу Энсону¹ в его путешествиях. Строго говоря, монумент в Шрагборо — не совсем курьез, так как это довольно впечатляющий мемориал в классическом стиле, но вот в Вулверстоне, что неподалеку от Ипсвича, есть один настоящий кошачий курьез, причем из причудливых. Он связан с коттеджем в неоготическом стиле, где раньше обитали контрабандисты. Говорят, они использовали кошку в качестве тайного сигнала для коммуникации между двумя бандами контрабандистов: если поименованная кошка сидела на подоконнике, можно было спокойно заниматься транспортировкой грузов. Фальшивое готическое окно нарисовано в алькове стены; во второй арке слева действительно сидит кошка, служа вечным свидетельством того, что в мире мировой контрабанды все спокойно.

Эксцентричный путешественник и натуралист Чарльз Уотертон, разработавший новые методы таксидермии, написал несколько глубоких и профессиональных книг о своих странствиях; в одной из них есть его портрет, где на заднем плане на книге стоит бюст весьма несчастливо выглядящей кошки. В нем, конечно, можно усмотреть издевательскую отсылку к вездесущим античным бюстам как непременной части портретов более серьезных сквайров и джентльменов. Однако эта мордастая кошка может намекать и на более знаменитые открытия Уотертона. Как и положено эксцентричным путешественникам, он привозил домой из-за границы много странных животных, большинство которых были «усовершенствованы» при помощи искусства таксидермии, в котором он чрезвычайно преуспел. Одним из них был его баснословный «Неописуемый», причинивший заметную сумятицу в академических кругах и взорвавший общественное воображение. На самом деле это была голова рыжего ревуна, настолько искусно набитая Уотертоном, что в результате получился почти гуманоид неизвестного науке вида. Кое-кто утверждает, что этот «недочеловек» был весьма похож на некоего чиновника из Министерства

¹ Джодж Энсон (1697—1762) — первый барон Энсон, британский адмирал, реформатор военно-морского флота и путешественник вокруг света.

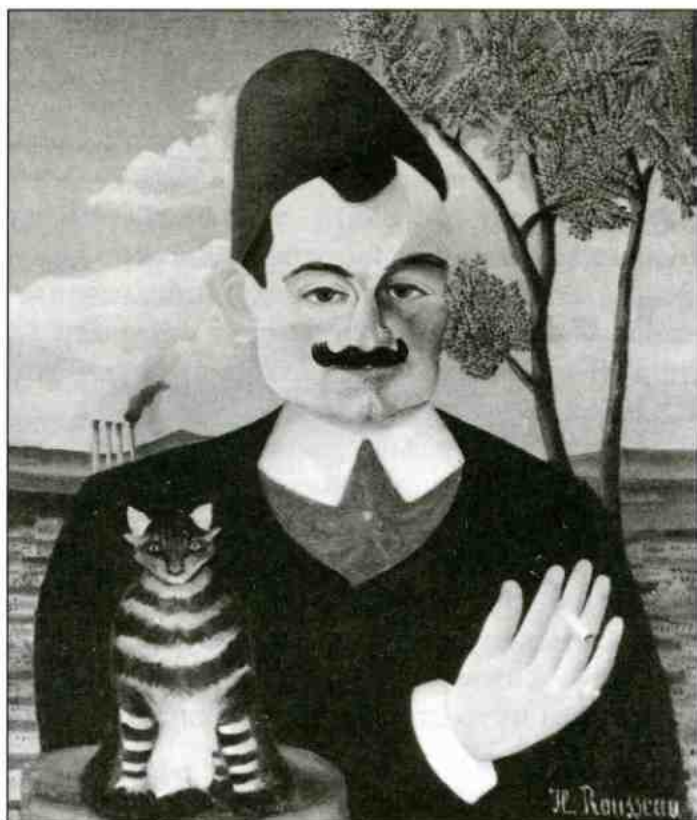
финансов, обложившего дикими пошлинами животных, которых Уотертон присылал на родину из путешествий по экзотическим странам. Может быть, и киска на портрете Уотертона тоже не так проста?

Кошачий символизм в современном искусстве настолько обширен, что заслуживает отдельного исследования, но все же обзор вечной кошки и ее роли в искусстве не будет полон без французского художника Анри Руссо. Это один из самых непонятых миром мастеров, на самом деле — один из самых плодovitых и профессиональных живописцев своего времени, друг выдающихся интеллектуалов — Тулуз-Лотрека, Брака, Пикассо, Аполлинера. Считать его картины примитивными — оскорбление его таланту. Во многих его произведениях встречаются образы кошек — одни из самых сильных в современном искусстве.

Необычайно пристальный взгляд львиных глаз на картине «Сон», написанной Руссо в 1910 году, потрясающее ню его жены Ядвиги; «Спящая цыганка» (1897) с сюрреалистическим львом под полной луной, приносящимся к лежащей женщине; «Тигр, пожирающий газель» (1891) — все это шедевры, исполненные тайного символизма.

Причаститься изначальной силе символизма Анри Руссо можно, изучив портрет французского писателя Пьера Лоти (ил. 44), написанный им в 1906 году и, возможно, приуроченный к избранию Лоти членом Французской академии. На голове у модели странная, похожая на феску шапочка, может быть призванная напомнить об одной из его последних успешных книг, «В Марокко», описывающей путешествие через всю страну в ее столицу, Фес. На портрете тоже изображена кошка (Лоти был известным любителем кошек и часто писал о своих питомцах) с причудливыми горизонтальными полосками, которая, несомненно, является неотъемлемой частью хорошо организованного символизма картины. Дабы проникнуть в ее смысл, мы должны отбросить привычный подход к искусству и следовать графической логике рисунка, которая говорит со зрителем не своим собственным языком: обратите, например, внимание, на то, как четыре горизонтальные белые полосы на лапах кошки перекликаются с четырьмя вертикальными трубами за спиной человека. Акцент на четырех сильных линиях повторяется

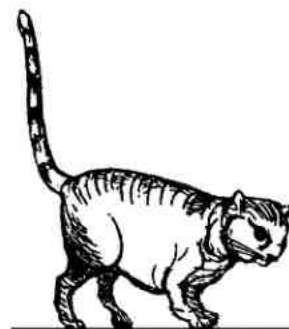

Ил. 44. Анри Руссо.
Портрет Пьера Лоти (1910).
Кунстхаус, Цюрих.
Графическая параллель
между держащей
сигарету кистью руки
и четырьмя трубами на
заднем плане (из одной
идет дым) составляет
одну интересную
символическую линию
этого полотна; между
лицами модели и кошки —
другую

и в правой части композиции — пальцы Лоти, расположенные под углом, не горизонтально и не вертикально. Важно, что в этих пальцах модель держит сигарету, так как и одна из четырех труб на заднем плане также курится.

Всеобъемлющий смысл этой поистине выдающейся картины нас не особенно заботит, так как основной предмет нашего интереса все же кошка. Человек, как и фабричная труба за ним, курит, то есть является частью индустриальной системы, отравляющей своими ядами мир. Странно расположенные трубы и неуклюжие пальцы Лоти — вот две крайние точки композиционной диагонали, являющей нам «цивилизованную жизнь». Эту диагональ уравновешивает другая, представляющая собой ось второй половины картины, проходящая через кошку и дерево, которое, кажется,

растет прямо из плеча человека, как, собственно, и трубы. Она символизирует нетронутость природы.

В этом символизме есть динамика, так как листва деревьев находится в непосредственной близости от головы мужчины (то есть от его мыслей), и, значит, он еще не утратил связи с чистой природы. Кошка представляет состояние, уже близкое к цивилизации, так как это явно домашнее животное, возможно даже, один из питомцев Лоти. Окончательную победу цивилизации демонстрирует сам человек, который держит в руке сигарету, загрязняющую воздух первого плана так же, как фабричные трубы — второго.

Эта картина дает нам пример сильного и вдохновенного кошачьего символизма. Человек уже слишком далеко ушел в мир материи, где мир — объект не любви, а уничтожения собственным ядом. Кошка, по контрасту, остается безмятежно отстраненной от этого испорченного мира, и именно у нее (то есть у всего животного царства в целом) человек должен заново научиться утраченным тайнам природы. Эта кошка — символ спасения и милости природы — воистину прошла долгий путь от Средних веков до нашего времени.

Часть вторая

АДСКАЯ КОШКА

Глава 6

Демоническая кошка

Превращениям ведьм в кошек [Боден] не приводит никаких причин, а между тем все потому <...> говорю я, что ведьмы — проклятые шлюхи и часто царапают лица друг другу или соседям. Потому-то время от времени они и превращаются в кошек. Мне, однако, удалось поставить в тупик добрых два десятка охотников на ведьм при помощи простого вопроса: «Если ведьма может превратить женщину в кошку, то может ли она также превратить и кошку в женщину?».

Реджинальд Скотт

Антикошачья лига
и папа Григорий IX;
кошачий дьявол;
Габорин, Флаурос и Базль;
кошка святого Пешра;
инкубы;
сожжение кошек;
Ганс Бальдунг Грени;
кошки-демоны Японии,
Южной Америки
и Шотландских Гебридов.

В

своей превосходно написанной книге «Необычайные кошки» Оливия Мэннинг так резюмирует историю кошки: «Стойкий, неподкупный зверек, некогда почитавшийся как божество, а впоследствии гонимый как слуга дьявола, пытаемый и мучимый как символ самого зла, сжигаемый на кострах как спутник и пособник ведьм, — страданий из-за людской глупости.

Чтобы постичь духовное происхождение кошки, взгляните на великолепные образцы египетской бронзы из собрания Британского музея, на так называемую «кошку Гейера-Андерсона», названную так в честь дарителя — коллекционера и ориенталиста Гейера-Андерсона, получившего от короля Фаруха титул паши (ил. 3). По меркам египетской скульптуры это относительно позднее произведение; вероятно, оно было отлито уже в римский период, за несколько десятилетий до Рождества Христова. Золотое кольцо в носу и серьги прекрасно сохранились; на лбу у кошки — священный скарабей, а на резном ожерелье — око Уаджет, свиде-

тельствующее о священном статусе кошки. Это истинно духовная архетипическая кошка, сильная, таинственная и грациозная. Как же так получилось, что такое пленительное создание превратилось в демона? Как это божественное животное впало в немилость и стало ведьмовским бесом-фамильяром?

Ответ на этот вопрос можно получить, отступив еще дальше во времени — в период восемнадцатой династии, около 1400 года до н.э. — и заглянуть в храм Мут возле современного Карнака, где по приказу Аменофиса III¹ были изваяны сотни колоссальных кошачьих статуй. Много этих скульптур из черного гранита хранится ныне в Каирском музее и в Британском музее. А всего известно около шестисот таких же гигантских статуй кошек из храма Мут. У каждой из них в лапе анх и солнечный диск за головой; все это изображения Сехмет, «богини с кошачьей головой, несущей смерть врагам солнечного бога Ра»².

Эта самая богиня с головой кошки, подательница жизни, была повержена со своего престола и произведена в демоны средневековой церковью. Как замечает по этому поводу Ричард Морес, «христианская церковь пыталась игнорировать кошку в порядке естественной реакции на поклонявшиеся ей языческие религии». Именно здесь коренятся средневековые представления о кошке как в лучшем случае пособнике дьявола, а в худшем — о самом дьяволе во плоти. «Только дураки, — утверждает автор «Дьявольской Библии», — отказываются признавать, что все кошки пребывают в союзе с дьяволом». В 1223 году папа Григорий IX пошел еще дальше в преследовании кошек, заявив, что еретики (к которым причислялись и ведьмы) поклоняются дьяволу в образе черного кота. Этот предрассудок в изобилии представлен в тайном символизме европейского изобразительного искусства, так что папа просто закрепил идею, и без того имевшую достаточно широкое хождение: некоторые скульптурные изображения «Его Сатанинского Величества», датируемые значительно более ранним временем, представляют нам князя тьмы с кошачьими чертами. Среди

¹ Автор приводит греческое имя этого фараона. Египетское его имя — Аменхотеп III (правил приблизительно с 1388 по 1351 г. до н.э.).

² См. примечание на с. 37.

Ил. 45. Демонический кот на капители колонны в верхней части Лестницы Мертвых в Сакра ди Сан Микеле, Вальди Суза, Италия. Барельеф датируется примерно началом XIII века

самых интересных из этих кошачьих лиц — ныне, увы, неполная скульптурная композиция XII века, венчающая так называемую Лестницу Мертвых в монастыре Сакра ди Сан Микеле, который расположен над долиной Суза в Италии (ил. 45). Две такие демонические головы можно разглядеть на столпах Зодиакальной арки (на самом деле — арки созвездий) и еще одну — на капители перед ней, почти наверняка изваянной мастером Николаем. Этот демон с длинным языком и кошачьей мордой (ил. 45) убеждает Каина совершить первое на земле убийство: латинская надпись на абаке капители гласит: «Праведный Авель умирает, убитый дубиной брата». Убийство, несомненно, инспирировано не кем иным, как Сатаной в кошачьем облике.

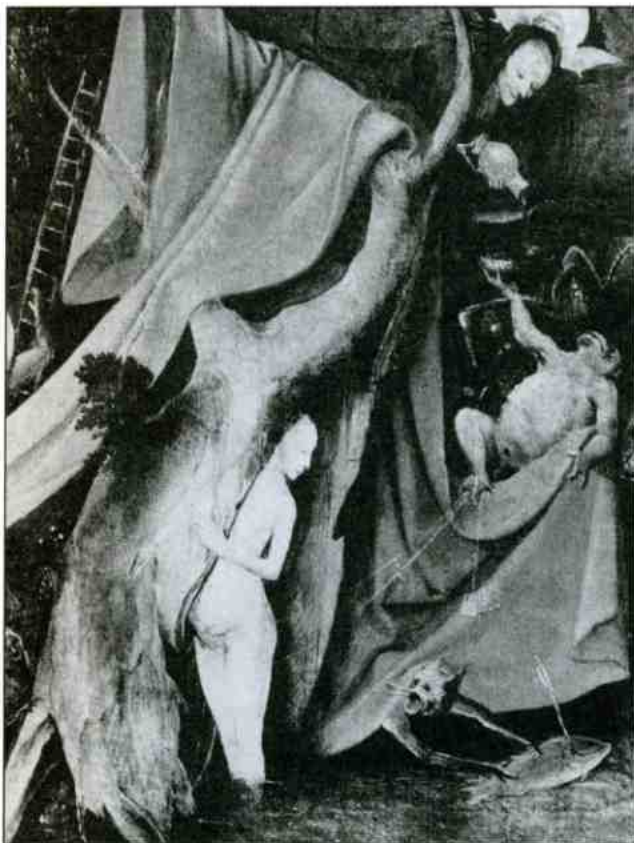

Изысканная резьба по дереву украшает хоры в церкви Св. Сульпиция в Диесте (Бельгия); в ее сюжетах присутствуют интереснейшие эзотерические символы, такие как морской рыцарь, гарпия и разнообразные чудовищные демоны. Есть там и человек, несущий на плече кошку. Человек смеется, а слишком крупная для своего вида кошка выглядит явно недовольной. Историки искусства интерпретировали этот образ как иллюстрацию к популярной в Средние века игре, во время которой участники кидались живыми кошками. Оправданием этой жестокой забаве могло служить лишь то, что кошек считали естественным воплощением зла.

Другой диестский мизерикорд показывает человека, толкающего одноколенную тачку с собакой. В обычных обстоятельствах собака везла бы человека, так что перед нами пример одной из популярных средневековых аллегорий — «Перевернутый мир». Этот барельеф напомнил мне о Петре Успенском, который в своей работе «В поисках чудесного» рассказывает, что в детские годы у него была книжка с юмористическими картинками как раз в стиле «мира вверх тормашками». Уже тогда ему доводилось наблюдать вокруг такие странные вещи, что обычный мир, «стоящий на ногах», казался не менее странным. Может быть, и человек с кошкой на плече принадлежит к этой же изобразительной традиции, так как в Средние века считалось, что именно кошка благодаря своим демоническим силам может схватить и швырнуть человека, то есть лишить его духовной опоры.

Тайный символизм египетских жрецов проник в Европу под множеством личин, самыми, вероятно, фантастическими из которых были демонические формы. Расплодившиеся в Европе после XV века черные гримуары, содержавшие подробные указания по вызыванию демонов, включали подробные перечни самых ужасных из этих существ. Некоторые из них были не чем иным, как старыми языческими богами, низведенными христианскими авторами до положения демонов. Овноголовый Амон вполне узнаваем в обличье демона с рогами и головой, напоминающей козлиную. Некоторые представители этого страховидного семейства имели явно кошачье происхождение, так как являлись обладателями голов кошек, тигров или «пардов» (так именовали леопардов и пантер). Некоторые из порожденных богатым воображением Ие-

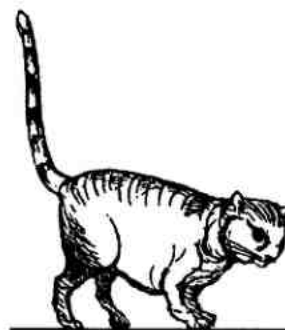

Ил. 46. Демон с кошачьей головой хватает рыбу. Фрагмент правой части триптиха «Искушение святого Антония» Иеронима Босха. Национальный музей древнего искусства, Лиссабон

ронима Босха демонов тоже, по всей вероятности, числили среди своих предков кого-то из кошачьих. В главе 5 мы уже рассмотрели случаи прямой работы с кошачьим символизмом в других контекстах, однако и сейчас будет нелишним бросить взгляд на великолепный экземпляр босховского котодемона, фигурирующий в его знаменитом «Искушении святого Антония», выставленном в Лиссабоне (ил. 46). Как и большинство работ Босха, этот шедевр был превознесен критикой, что, впрочем, ничуть не улучшило понимания всех деталей его тайного символизма, даже если допустить, что Босх и в самом деле работал по заказу некой еретической секты, для членов которой смысл всех этих образов был совершенно прозрачен. Котообразный демон (ил. 46) тянет лапы из-под алой

драпировки, чтобы схватить дохлую рыбу, в боку которой все еще торчит умертвившая ее стрела. При этом он шипит или огрызается на обнаженную женщину, кажется запутавшуюся в сети, которую держит в когтях захмелевший демон с чашей, расположившийся прямо над котом и рыбой.

Было бы неверно толковать детали картины, упуская из виду ее общее значение, но в данном случае сюжет нападения демонов на святого Антония достаточно ясен по смыслу и помещает рассматриваемый отдельный фрагмент в совокупный религиозный контекст. Рыба — известный символ Христа, и, следовательно, пронзенная рыба в лапах демона означает мертвого Христа. Женщина, полускрытая стволом дерева, — очень богатый символ; на первый взгляд она напоминает Венеру, к этой богине нас отсылает классический жест «*Venus Pudens*» правой руки. Однако если приглядеться попристальнее, становится ясно, что эта рука — вовсе не ее, а демона, поэтому и жест из категории скромных переходит в непристойные. Подобно тому, как христианский символ рыбы подвергается здесь поруганию и превращается в свою противоположность (мертвый Христос в христианстве, конечно, немислим), так свергается со своего престола и Венера, становясь частью сексуального символизма картины. Связывающая ее прозрачная ткань, возможно, символизирует посвящение, срывающее покровы с глаз тех, кому на законных основаниях отныне дозволено заглядывать в духовные сферы. Здесь символизм снова извращается, так как взор этой женщины устремлен отнюдь не вверх, к духу, где восседает Христос, Царь Небесный, а вниз, к демонам, где Христа символически умерщвляют. Чудовищный демон, держащий когтями задней лапы эту ткань, подставляет чашу под красное вино, которого намерен испить. Еще одна насмешка над вином причастия? Вероятно, так и есть, так как по мертвому древесному стволу (символ крестного древа?) тоже стекает алая жидкость, капая на руку нагой женщины. Даже из этого маленького фрагмента картины Босха мы извлекли поразительное количество эзотерических намеков на поругание и осмеяние демонами христианской веры и ритуала.

Как мы уже доказали, родоначальница этого сонма демонов с кошачьими головами — египетская богиня Баст. Невероятное со-

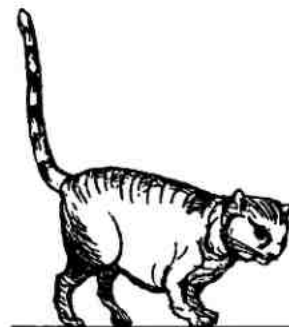
Ил. 47. Габорим, котоглавый демон поджогов и подстрекательства из «Инфернального словаря» Колена де Планси (1863)

четание женского тела с кошачьей головой (ил. 11) на языческих скульптурных и живописных изображениях неизбежно должно было заставить христиан усмотреть в нем демонические черты. Именно поэтому такое множество демонов в средневековых гримуарах, будучи вызваны в магический круг, обнаруживали кошачью внешность.

Самым ужасным из них был Габорим, иногда именуемый также «Аини», — трехглавый монстр, изображенный популярным оккультистом Коленом де Планси с головами гадюки, человека и весьма очаровательной киски (ил. 47). В правой руке Габорим держит факел, напоминающий о том, что основным его занятием были разного рода поджоги и разжигания.

Флаурос — уже отнюдь не киска: у него, скорее, голова леопарда (см. цветную ил. 7). Именно в таком виде он предстает на

материальном плане, будучи вызван в магический треугольник. Флауроса вызывают те, кто хочет заручиться сторонником среди демонов и защититься от любых их реальных или воображаемых угроз, так как он, видимо, с готовностью идет против своего собственного племени, а также знаменит среди демонологов умением уничтожать врагов при помощи огня. Он также известен неверностью и ненадежностью, что нельзя признать достоинством для демона, которого часто вызывают маги, желающие узнать будущее.

В этих двух демонах есть кое-что интересное: и Габорим, и Флаурос не только обладают кошачьими головами, но и связаны с огнем. Здесь явственно видны следы египетской мифологии, так как Баст была огненной богиней-кошкой¹. У нее было несколько имен, одно из которых — «Кошечка», по-египетски звучавшее как «Мяу» или «Мау». Некоторые литературоведы считают это прототипом имени демона Маху в шекспировском «Короле Лире», где о нем поет сумасшедший Эдгар:

Ведь князь потемок — тоже дворянин;
Модо зовут его и Маху.

Интересно, что вдохновило великого поэта на образ скачущих вокруг огня ведьм и кошек? Впрочем, к Маху и котам-фамильярам мы еще вернемся.

Леопардоголовый Флаурос знаменит в своем племени, так как входит в список семидесяти двух демонов «Лемегетона», гримуара, предположительно написанного самим царем Соломоном (хотя самый старый его список, разумеется, датируется периодом Средних веков). Еще один трехголовый монстр, Базль, будет, вероятно, постарше, так как он был некогда семитским богом Баалом (Баалом), которому поклонялись в Египте при фараоне Рамсесе II (1292—1225 гг. до н.э.). Именно Баал подарил нам имя знаменитейшего из всех демонов, «Повелителя мух», чей титул — «Баал-Зебуб», «Владыка навозной кучи». Как Базль проник в самые древние напластования демонологической литературы, не вполне ясно, но в позднесредневековой енохианской литературе он упомина-

¹ См. примечания на с. 3 и 37.

ется как один из ужаснейших демонов, бывших некогда ангелами, отринувшими свою ангельскую сущность, вступив в половую связь с земными женщинами и пав в материальный мир. В самых ранних енохианских источниках нет описаний Баэля, но к тому времени, когда оккультисты начали приводить в своих работах отчеты о наблюдении астральных форм при операциях вызывания демонов, его уже описывали с головой кота или жабы.

У оккультиста XIX века Колена де Планси Баэль имеет три головы (см. цветную ил. 20). У него нет прямой связи с огнем, как у Флаураса и Габорима, зато упоминается «внутренний пламень», так как вызывают его ради удовлетворения всех страстей, «горелый внутренних» и желаний. Де Планси следует оккультной традиции и описывает Баэля с центральной головой человека, слева от которой располагается лягушачья или жабья, а справа — кошачья; а вот присовокупленное к ним тело паука — уже его собственное изобретение.

Опытный оккультист сумеет проследить любого трехголового демона до трехголовых или триединых богов языческих пантеонов. В Индии такой триадой были Брахма, Вишну и Шива, но в европейской мифологии триада носила лунный характер и воплощалась в Диане-Гекате-Селене, *Diva triformis*, Тройной богине. Христиане же изобрели собственную кошачью мифологию, причем с такими оккультными обертонами, что просто диву даешься.

Существует средневековая легенда о том, как дьявол пытался соревноваться с Богом в создании человека. Ему не хватило способностей, и конечным плодом его усилий стала кошка без шерсти — несчастное, жалкое создание. Увидав ее, святой Петр подарил ей шерсть, поэтому кошачьей шерсти приписывают магические свойства. Говорили, что с помощью черной кошачьей шерсти можно отлично очистить свинарник, а хвостом пестрой кошки — свести бородавки. Было и такое суеверие: если кошачий хвост целиком зарыть под порогом дома, живущая в нем семья будет иметь отменное здоровье.

Стоящий за этой любопытной легендой символизм подтверждает, что кошку считали исчадием зла — в конце концов, ее сотворил сам дьявол, да и то по ошибке. Но если присмотреться к сюжету внимательнее, сразу бросается в глаза, что, хотя кошка и

появилась на свет случайно, святой Петр, один из христианских апостолов, тут же довел ее до ума. Может быть, это еще одна аллегория человека: да, дьявол частично создал его, но именно благая христианская весть сделала совершенным?

И почему в качестве действующего лица выбрали святого Петра? Из-за его связи с морем? Он ведь был одним из избранных Христом рыбаков, а связь между кошкой и морем подтверждают многочисленные легенды и суеверия. В своей книге по анималистическому фольклору Венеция Ньюэлл отмечает, что некоторые жены моряков из Скарборо держат дома черных кошек, дабы мужья их были в безопасности в море. У нас еще будет возможность изучить легенды о морских кошках более подробно, когда мы займемся ведьмами и их семьями (в главе 7), но уже сейчас можно заметить, что среди деревенских снадобий и чар, перечисленных Перси Джеффри в его «Традициях и легендах Уитби», есть одно, предназначенное для лечения паралича или падучей. В него входили кровь белого голубя и голова черной кошки. В другой части своего интереснейшего повествования Джеффри замечает, что добрые и дурные приметы, связанные с черной кошкой, часто противоречат друг другу. Если бродячая черная кошка прибывает к дому, для домочадцев это к удаче, в то же время присутствие ее на борту корабля совершенно недопустимо. Когда недалеко от Уитби в конце прошлого века затонул злосчастный корабль «Рогилла», талисманом на нем служил именно черный кот (которого, впрочем, спасли после крушения). Дневниковая запись Джеффри от 31 мая 1797 года гласит:

Видел прошлой ночью трех черных кошек и на рынок днем не пошел, боясь дурного, но оказалось все к лучшему, так как с Бетти случились спазмы, и она могла б умереть, если бы я не остался дома, а она лучшая корова из всех, что у меня есть, и вот злой этот знак не принес ничего, кроме добра.

Еще в начале XV века, до того, как заблуждения и «ереси» касательно ведьмовства вошли в Европе в полную силу, многие оккультисты и демонологи утверждали, что кошки имеют к нему самое непосредственное отношение. Итальянский оккультист Антонио Гуайнери в своем труде *De egritudinibus capitis* упоминает об

инкубе, похотливом демоне, являющемся к спящим женщинам и сочетающемся с ними. Лично автор, судя по всему, полагает, что феномен этот представляет собою не более чем физические ощущения, причиненные «испарениями» тела, порождающими чувство давления, однако весьма корректно отмечает, что прочие считают инкуба проявлением колдовства: «Наш простой люд называет их «стрига» или «зобиана» и говорит, что часто они принимают форму кошек». Идея эта была не то чтобы сильно распространенной, так как в основном считалось, что демон-инкуб предпочитает облик взрослого мужчины или сатира (впрочем, расположения спящих ведьм он искал в обличье козла). В более поздний период, когда теория инкубизма была разработана более подробно, часто утверждалось, что в качестве инструмента получения наслаждения демон-у необходимо мертвое тело.

Кошачий род сильно пострадал от пера французского юриста и эксперта по ведьмовским процессам Анри Боге. Он лично надзирал за пытками несчастной подозреваемой по имени Франсуаза Секретен, обвиненной в том, что она якобы околдовала восьмилетнюю девочку, которая в итоге оказалась одержимой демонами. Одного из них прямо так и звали — Кошка. Впоследствии Боге писал:

Отец ее и мать чрезвычайно тревожились о здоровье дочери и провели всю ночь в молитвах. На следующее утро девочке стало хуже обычного, изо рта у нее все время шла пена; в конце концов она пала на землю и дьяволы изошли изо рта ее в виде шаров, больших, как кулак, и красных, как огонь, кроме Кошки, которая оказалась черной.

Франсуазу Секретен сожгли заживо. «Слово о ведьмах» Боге основано по большей части на размышлениях о ее деле и смежных процессах.

Об инкубах Боге писал:

Причиной безобразия и уродства является то, что Сатана сочетается с ведьмами иногда в облике черного человека, а иногда — какого-либо животного, собаки или кошки или барана. <...> Франсуаза Секретен призналась, что ее демон являлся иногда собакой, иногда кошкою ... когда желал иметь с нею плотское сношение.

Вариант с котообразным инкубом не находит отражения в иллюстративном материале: демон обычно изображается отвратительным чудовищем. В Национальной библиотеке в Париже есть миниатюра XIV века, где инкуб изображен в постели с матерью Мерлина. В конце Средних веков повсеместно считалось, что Мерлин-чародей был рожден от инкуба; демон, наслаждающийся с женщиной, похож совсем не на кота, а на совершенно обычного рогатого демона.

Странно, но факт: несмотря на всю зловещую репутацию этого животного в позднее Средневековье, печень черной кошки, по некоторым данным, использовалась в ритуале экзорцизма, имеющем целью изгнать демонов из одержимого ими человека. Прямая противоположность всему, что можно было бы ожидать от этого «злого» зверя, если не принимать во внимание, конечно, такую скользкую материю как симпатическая магия. Демоны-захватчики вполне могли изгоняться по принципу «подобное притягивает подобное», одно зло привлекает другое. Симфорьен Шампье, автор начала XVI века, упоминает прочно укоренившуюся веру в существование ведьм, хотя и замечает, что их шабаши — всего лишь фантазии, а скверные поступки, в которых признаются под пытками ведьмы и колдуны, более похожи на ложь, чем правду. Он ничуть не сомневается в существовании дьявольского колдовства и выражает мнение, что бороться с ним можно лишь при помощи «добрых ангелов» (или «белой магии», как мы сказали бы сегодня) либо же официальных церковных экзорцизмов — а вовсе не таких сомнительных субстанций, как печень черной кошки.

Огюст Диго приводит некоторые суеверия приблизительно того же периода, бытовавшие в Лотарингии. Судя по всему, прежде чем пуститься в пляс вокруг костров в канун Иванова дня, селяне вешали над огнем парочку кошек — предположительно чтобы очистить местность от всякого зла, — а затем проводили через дым домашнюю скотину, дабы охранить ее от болезней. В некоторых регионах Франции и Италии поджаривание кошек на кострах на Иванов день было делом совершенно обычным: так местные жители готовили талисманы. После ритуального сожжения пепел кошек тщательно собирали и хранили в качестве могущественного магического снадобья.

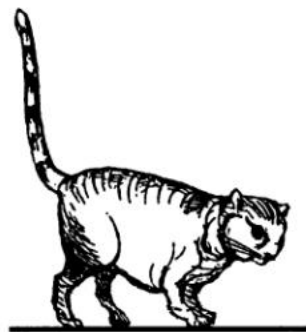

Обычай сжигать кошек как представительниц демонических сил не ограничивался пределами континентальной Европы. Во время антипапистских бунтов в елизаветинской Англии кошек временами использовали как символ «дьявольского папы». Известно, что во время коронации Елизаветы I было сделано громадное плетеное из ивняка чучело римского первосвященника, битком набитое бро- дячими кошками. Провезя это чудовище по улицам Лондона, толпа затем швырнула его в гигантский костер, вопя, что визг несчастных животных — это крики демонов, которыми одержим умирающий папа. Поскольку все верили, что черные кошки присутствуют на ведьмовских шабашах, деревенские жители взяли за моду отрезать им хвосты, так как считалось, что это не даст животным последо- вать на нечестивое сборище за своими ведьмами-хозяйками.

Несколько позднее мы рассмотрим ряд вероятных причин, по которым кошка могла заработать такую зловещую репутацию, но уже сейчас не могу не заявить, что объяснения этому, приводимые в «научных» текстах позднего Средневековья, грешат нелогично- стью и предрассудками. Швейцарский оккультист Фома Эраст в своем труде *De occultis pharmacorum potestatibus* (1574) выделяет две разновидности оккультного сродства и в описании одной из них приводит несколько примеров естественной вражды между животными: овца бежит от волка, увидав его первый раз в жиз- ни; хрюканье свиньи пугает слона; кукареканье петуха приводит в ужас в иных обстоятельствах отважного льва. Именно в силу та- кого же «оккультного сродства» некоторые люди терпеть не могут сыр, а другие — ненавидят кошек. Вся эта информация была по- черпнута из куда более старых источников, которые, весьма веро- ятно, никогда не подвергались никакой проверке... но ответа на во- прос, откуда у кошки такая незаслуженно дурная репутация, мы так и не получили.

Выдающийся художник XVI века Ганс Бальдунг Гриен создал массу рисунков и гравюр с ведьмами во всяких сладострастных позах, а также занятыми полетами или приготовлением зелий и притираний (см. цветную ил. 21). Очень важно, что на самых зна- чительных из этих картинок на первом плане фигурирует кош- ка — видимо, в качестве стандартного символа ведовства. При- сутствие кошки в композиции, основной темой которой является

Ил. 48. Ведьма летит, сидя
задом наперед на спине козла.
Гравюра Альбрехта Дюрера
(около 1502)

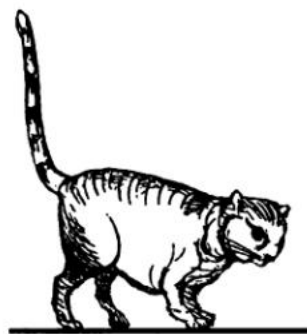
колдовство, возможно, коренится в вере, что колдуны и ведьмы поклоняются дьяволу в образе черного кота, а возможно, и указывает на гораздо более древний символический пласт. Аристотель считал кошек женского пола чрезвычайно развратными, отчего этого зверька иногда использовали как символ склонности к распутству. И от гравюр Бальдунга Гриена тоже остается ощущение, что больше всего его интересует именно сексуальный, а вовсе не магический аспект деятельности ведьм: его дамы и старухи обычно обнажены и делают весьма экспрессивные или чувственные жесты. А это опять же напоминает нам, что в Средневековье слово «кошка» на сленге означало проститутку.

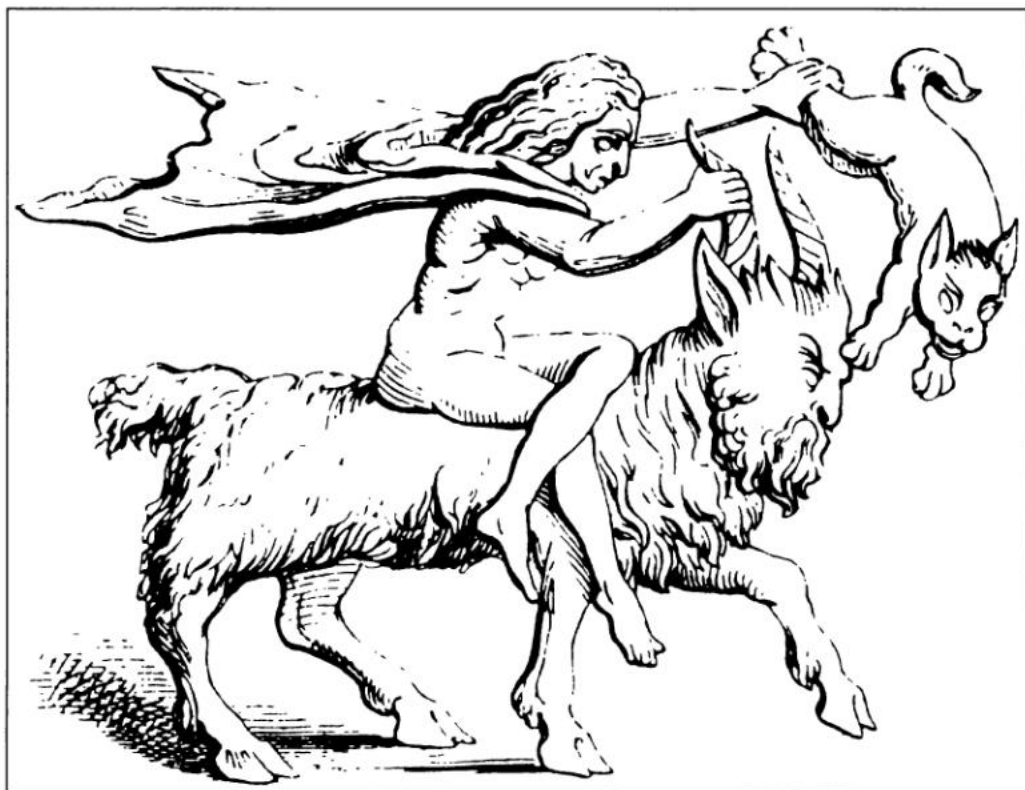

Графика из луврского и венского собраний, датируемые 1514 годом, с переменным успехом копировалась другими художниками круга Бальдунга Гриена, но каждый раз кошка занимала центральное место в этих непристойных компаниях. Сказанное относится и к великолепной двухцветной гравюре по дереву 1510 года (см. цветную ил. 21); те же сюжеты — ведьма, летящая по воздуху сидя задом наперед верхом на козле, еще более характерный с голыми старухами, варящими жуткие зелья на фоне пустынных пейзажей, — разрабатывал и Дюрер (ил. 48). Кошка-фамильяр в правой части композиции совершенно очевидно поворачивается спиной к происходящему. В Кольбурге хранится прорисовка ведьмовского сюжета Бальдунга: к обнаженной женщине приближается ведьма; рядом с расположившейся на кушетке дамой сидит кошка весьма бесовского вида, но в сравнении с жуткой тварью, которую мы видим на рисунке пером 1515 года, хранящемся в Безансонской библиотеке, это, можно сказать, просто милая степенная киска.

На одной весьма любопытной «адаптации» сюжета Бальдунга изображен кагал голых ведьм, натирающих летучими зельями перед тем, как отправиться на шабаш, — тоже с кошкой на первом плане. Кошка при этом читает книгу. Традиционно аллегория толкуется так, что это сам дьявол, читающий гримуар по черной магии. Однако у миниатюры есть и более глубокий смысл, судя по всему, ускользнувший от прозорливого ока историков и искусствоведов. Книга перевернута вверх тормашками: судить об этом мы можем по единственному различимому знаку на странице, который, собственно, и перевернут. Знак этот сам по себе чрезвычайно интересен, так как представляет собой сигил демона Оха, одного из семи главных демонов, связанного к тому же с солнцем. Ох — демонический дух Солнца, фигурирующий во многих источниках по демонологии. Ведьмовская кошка, тысячелетиями ассоциирующаяся с луной, созерцает, таким образом, перевернутый символ солнечного демона: такой символ ни за что не пропустил бы современник Гриена, но сегодня его и вправду легко проглядеть. На тех картинках, где демонов нет, символы солнца и луны обычно помещают в верхней части композиции (например, над головой распятого Христа), но если основной темой изображения

Ил. 49. Ведьма, демонический козел и кошка. Прорисовка скульптуры с западного фасада Лионского собора, датируемой, вероятнее всего, XIII веком. Сходные изображения имеются и в других французских церквях

являются силы зла, будет весьма остроумно расположить их в самом низу и, более того, облеченными в демоническую форму.

Вскоре после Гривена французский судья и эксперт по колдовству Боден опубликовал свою кошмарную «Демономанию» (1580). Большинство его мстительных и незрелых обвинений, адресованных ведьмам, очень стары, однако у автора есть очевидная привычка писать так, словно он сам был свидетелем описываемого и лично производил дознания. Он ни на мгновение не сомневается, что ведьмы летают по воздуху, якшаются с инкубами и варят яды. Среди последних, разумеется, есть такие, что изготавливаются из мозга кошки или, скажем, из головы ворона.

Скульптурную панель из Лионского собора обычно толкуют как ведьму верхом на человеке, которого она превратила в козла; существо, которым она размахивает над козлиной головой, — со всей очевидностью, кошка. Вся компания, видимо, направляется на шабаш. Однако доказательств в пользу такой интерпретации мало. Можно быть уверенным, что нагая женщина и вправду ведьма, а человеко-козел, на котором она едет, вероятно, сам дьявол, но вот относительно зверя в ее руке (ил. 49) возникают определенные сомнения. Если группа датируется XIV веком, как считают некоторые специалисты, весьма маловероятно, что ее действующие лица направляются на шабаш, так как даже в литературе по ведовству это понятие тогда не было разработано.

В Средние века кошка фигурировала в магических рецептах самого темного толка. Маг и астролог Чекко д'Асколи, сожженный во Флоренции в 1327 году дал великим демонам-управителям четырех сторон света следующие имена: Ориенс, Амаймон, Паймон и Эгим. Природа их столь высока и благородна, что прежде заклинания им нужно принести в жертву человеческую плоть или кровь. Если нет ни того ни другого, единственным животным, достойным такого жертвоприношения, будет кошка.

Конечно, представления о кошке как о демоническом создании вовсе не ограничиваются рамками Европы. Истории о гигантских кошках-демонах встречаются в легендах и мифах по всему миру (ил. 50). Хэдланд Дэвис в «Преданиях и мифах Японии» рассказывает о том, как старшую дочь в одном семействе собирались принести в жертву злым горным духам, принимавшим облик кошек; им предводительствовала чудовищная кошка поистине огромных размеров. Накануне жертвоприношения некий самурай заночевал в горном храме и был разбужен компанией духов в образе кошек, плясавших вокруг него и вопивших: «Только не говори Сипейтаро!» На следующий день самурай прибыл в деревню, где жила злосчастная дева. Сметнув, что чудовища, терроризировавшие селян, могут иметь какое-то отношение к его ночному видению, он спросил, нет ли тут какого-нибудь Сипейтаро. Оказалось, что так звали отважного и злющего пса, который принадлежал старейшине деревни. Самурай помог доставить деву к месту жертвоприношения, но взял с собой собаку. Когда остальные

Ил. 50. Куниеси. Фрагмент
гравюры по дереву XIX века.
«Ведьма из Окабе
превращается в кошку»

ушли, он вместе с псом спрятался за клеткой, куда заключили несчастную. Вскоре явились кошки во главе с жутких размеров котом, который открыл клетку и собрался уже было схватить свой обед, когда навстречу выскочил Сипейтаро и вцепился в него своими мощными челюстями. Самурай тем временем уложил остальных духов мечом. После побоища духи-кошки оставили эту местность и более не требовали никаких жертв.

У южноамериканских индейцев кечуа есть чрезвычайно могущественный злой дух в образе кошки по имени Ккоа, небольшой размер которой (говорят, в длину он всего два фута плюс еще фут хвоста) способен ввести в заблуждение относительно ужасной природы этого существа. Глаза у Ккоа светятся, а из зрачков и ушей постоянно сыплется град. Знахари кечуа черпают от этого духа силу, а сам он, говорят, работает на еще более масштабную злую сущность.

Ккоа напомнил мне о легендарном коте старой Ирландии — короле кошек по имени Ирушкан; легенду о нем и поэте Шенхане вы уже читали.

Возможно, между этим ирландским котом и демоническими кошками ритуала Тайгерм (или Тайгайрм) Шотландских Гебридов имеется некая связь. Историк Беда Достопочтенный рассказывает об острове Льюис, где нет людей, деревьев и прочих растений, служившем издревле местом встреч злых духов до тех пор, пока их не изгнал оттуда монах Кудбрехт. Есть, впрочем, сомнения в том, что экзорцизм был завершен должным образом, так как остров упорно фигурирует в историях о колдовстве (особенно каменный круг в Калланише), а в архивах хранятся записи о том, что еще в XVIII веке там проводились жертвоприношения дьявольских кошек.

Само название этого жестокого ритуала — «Тайгерм» — возможно, связано с гэльским словом «taibhse», означающим призрак, видение или по аналогии несчастное изнуренное животное. Гэльский дериватив «taibhsearachd» примерно означает второе зрение, а «taibhsear» — видящего. Вторая часть слова происходит, видимо, от «gairm» — зов, вызов.

Такая связь между ритуалом и верой во второе зрение и объясняет саму практику жертвоприношений кошек, бытовавшую на Западных островах, поскольку после Тайгерма проводивший его маг мог потребовать у вызванных демонов наделить его даром второго зрения. Этот ужасный обряд длился до четырех дней и ночей и начинался в полночь пятницы, дня, посвященного Фрейе. Отобранные для него кошки посвящались дьяволу, а затем одна за другой поджаривались заживо на вертелах над большим костром. Считалось, что через некоторое время непрекращающихся пыток адские духи являлись в образе кошек же и присоединялись к вою терзаемых животных. В конце концов появлялся гигантский царькот. Говорят, этот кошмарный ритуал проводился в указанном регионе вплоть до середины XVI века, когда некто Алан Маклин в Малле и вправду обрел второе зрение¹.

¹ Неточность автора. Эти сведения относятся к разряду легендарных, но датируются началом XIX в. Наиболее известное литературное описание Тайгерма содержится в романе Густава Майринка «Ангел западного окна».

Глава 7

Спутница ведьм

И снова падшая кошка;
ведьмовские фамилляры;
корабельные кошки и
норт-бервикский процесс;
«Капричос» Гойи; леги Сибилла
и прочие ведьмы;
знаменитый Джеффри
Кристофера Смарта;
процессы Йоркского замка;
дикие кошки;
языческие ритуалы;
«Адам и Ева» Дюрера.

Роберт Джордж Тинбулл из Марска был зачарован [заколдован] на мосту на целый час Хестер Дэйл, старой ведьмой из Мэррика. Лошадь его не двигалась с места, пока не пришел Том Уилсон с боярышниковым посохом [как и рябиновый, считается известным средством против колдовства]. Там они оба увидели Эйстер [оную ведьму], которая перебежала дорогу в виде черной кошки. Они узнали ее, так как она желала ему зла под видом добрых чар. Но мост все равно заколдован.

*Из дневника жителя Уитби,
9 сентября 1757 года.*

Мы

уже знаем, что кошка поздней демонологии была некогда египетской богиней Сехмет или Бастет, чей частично кошачий облик нашел отражение в образах демонов Флаурса и Габорима. Именно этим фактом и объясняются многие элементы колдовской образности, в противном случае показавшиеся бы странными и безосновательными. Впрочем, далеко не все историки возводят происхождение «падшей кошки» к египетскому пантеону; они утверждают, что в римской и греческой мифологии вполне достаточно кошачьих образов, которые и ответственны за позднейшие ассоциации этого животного с колдовством и прочей дьявольщиной.

В римские времена богиню свободы изображали с чашей в одной руке, сломанным скипетром — в другой и с кошкой, лежащей у ног. Этот символ часто интерпретируют в том ключе, что

кошка известна своим свободолюбием, но возможно и другое, не менее естественное толкование: она может символизировать низшую природу, склоняющуюся перед Свободой, точно так же как впоследствии в изобразительном искусстве Средневековья и Ренессанса демоны склонялись перед Христом и его святыми. Когда античных богов свергли с пьедесталов и переквалифицировали в демонов, их слуги разделили судьбу хозяев. Та, что некогда была священным животным, спутницей Исида, царицы ночи, превратилась в чудовищного демона-фамильяра, приспешника владычицы тьмы. Некоторые исследователи объясняют связь между кошками и ведьмами классическим мифом о Галанте, или Галантии, служанке, помогавшей Алкмене произвести на свет Геракла. Превращенная волей разгневанной Геры в кошку, она стала потом жрицей лунной богини Гекаты. Однако не во всех вариантах мифа Галанту превращают в кошку. У Овидия она стала ящерицей, а в еще одной, не менее популярной версии — лаской, а про связь ласки и кошки в представлениях римлян мы с вами уже говорили.

У самого феномена ведьмовского фамильяра весьма любопытная история; честный кошачий род уже давно скомпрометирован лживыми наветами. Согласно популярным источникам по колдовству, настоящий фамильяр — это замаскированный демон, которого дьявол дарит каждой ведьме, посещающей шабаш и присоединяющийся к его нечестивой компании. Этих фамильяров иногда называли еще бесами. Некоторые из них оставались невидимыми для всех, кроме своих хозяек, другие же щеголяли в том или ином обличье, скрывавшем их истинную природу. Если пристрастным и жалким материалам судов над ведьмами хоть в чем-то можно верить, самыми популярными личинами у дареных демонов такого рода были кошки и лягушки. В результате сформировалось каноническое изображение ведьмы, летящей на метле или верхом на демоне, рядом с которым чаще всего летит кошка-фамильяр. Независимо от того, носят ли такие изображения непристойный или юмористический характер, в них почти всегда присутствует бес-спутник — и на полных горькой иронии офортах Гойи (ил. 2), и на детских картинках Артура Рэкхема.

Ил. 51. Бельвуарские ведьмы и их кошка-фамильяр. Трех женщин из семейства Флауэр — Джоанну и двух ее дочерей, Маргарет и Филиппу (все родом из Боттесфорда, они служили в Бельвуарском замке) обвинили в наведении чар на детей VI эрла Рутлендского. Эта грубая гравюра, показывающая их в компании кошки, которая тоже фигурировала в материалах дела, взята из памфлета, в котором рассказывалось о повешении девиц Флауэр в Линкольне в 1617 году. Джоанна скончалась при подозрительных обстоятельствах еще до суда¹

Как мы уже видели, к началу Средних веков христианские суеверия превратили свойственную античности любовь к кошкам в настоящую ненависть. Кошка стала орудием дьявольских игрищ с людьми. Как отмечает Фридман в своем исследовании образности Антонелло да Мессины: «Кошка была старым, хотя и относительно редко используемым символом ереси: способность

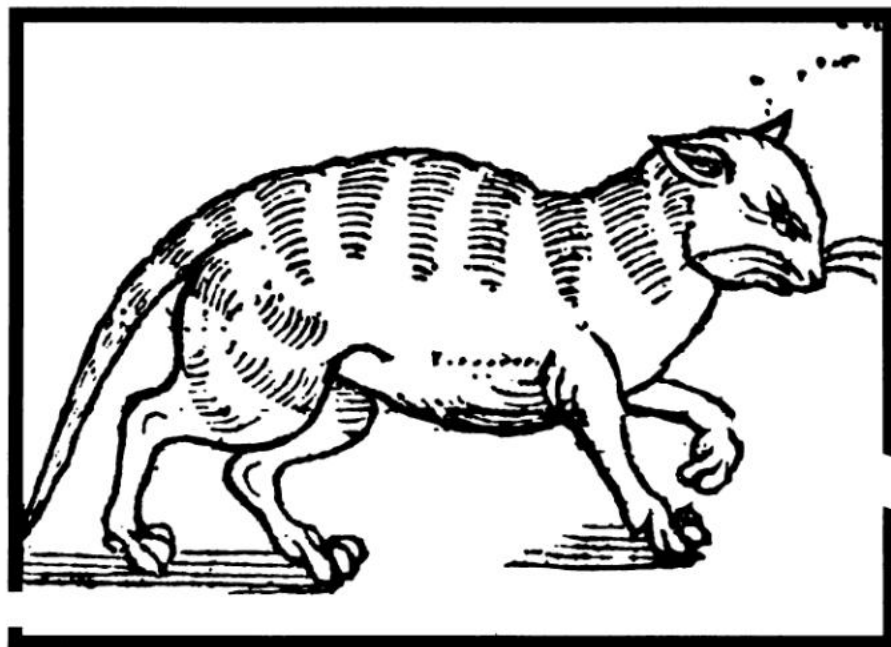

¹ В знаменитом деле бельвуарских ведьм, работавших прислужкой в замке и не нашедших общего языка с хозяевами (Маргарет уволили за воровство), пострадали сыновья графа и леди Рутленд — старший, Генри, лорд Рос, и младший, Френсис. Ведьмы якобы пытались также навести порчу на дочь, леди Катерину, и лишить графа и леди возможности впредь иметь детей. По легенде, в тюрьме Джоанна потребовала себе хлеба с маслом и заявила, что пусть она подавится и задохнется до смерти, если есть на ней хоть какая-то вина. Смерть наступила после первого же проглоченного кусочка.

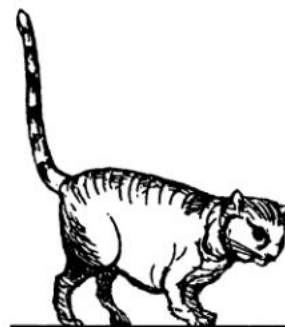

видеть во тьме увязывала ее с теми, кто якшается со злыми духами этой самой тьмы». Само собой разумеется, предполагаемое ведьмовство в XV и XVI веках и было самой распространенной ересью.

Однако в поисках связи между ведьмовством и приданным кошкам статусом фамильяров было бы честнее обратиться к тому простому факту, что многие их любили и держали дома. Поскольку считалось, что фамильяр — это демон под прикрытием, домашних любимцев любого подозреваемого сразу же принимали за демонов, и кошка, будучи самой, наверное, популярной среди них, немедленно попадала под удар. Мало какие дела о колдовстве в английских архивах не упоминают котят или кошек в качестве ручных бесов. В XVI веке некий Джордж Гиффард написал труд

Ил. 52. Кошка-фамильяр из документа, озаглавленного «Повествование о странных и подлинных, ужасных и гнусных делах, творимых ... печально известными ведьмами, арестованными в Виндзоре, в графстве Баркс ... и казненными в 26 день февраля прошлого года, 1579-го». Кошка-фамильяр играла важную роль и в виндзорском деле о колдовстве

о магической природе фамильяров, в котором, в частности, говорилось: «У ведьм есть свои духи: у кого один, у кого больше — два, три, четыре или пять; одни в таком обличье, другие в эдаком: кошки, ласки, жабы или мыши; они кормят их молоком или цыплятами или дают им время от времени каплю крови». В ужасном корпусе литературы по ведьмовским процессам приводятся сотни примеров того, как женщин обвиняли в колдовстве преимущественно на том основании, что они пользовались плохой репутацией и держали дома кошек или собак (ил. 51 и 52).

Рассказы о том, как ведьмы кормят своих фамильяров, граничат с вампирскими историями. Практически все древние гримуары, в деталях рассказывающие о том, как вырастить себе на потребу демона, сообщают как о чем-то само собой разумеющемся, что злые духи получают энергию из крови — будь то жертвоприношение животного или вены самого мага-создателя. Примеры кошачьего вампиризма (которыми изобилуют судебные материалы о колдовстве) можно найти в книге Сэмюэля Петто «Правдивое повествование» (1652). В частности, он пишет о том, как ведьма

Ил. 53. Подозреваемая в ведовстве и ее белая кошка Филли. Рисунок предположительно выполнен преподобным Майлзом Гейлом, священником из Кили, для рукописи «Демонология» (около 1621), написанной Эдвардом Фейрфаксом по материалам фьюстонских судов над ведьмами. Фейрфакс утверждал, что некие местные жительницы околдовали его детей с помощью говорящих кошек и прочих демонических фамильяров. Иллюстрированная рукопись «Демонологии» находится ныне в собрании Британской библиотеки

Ил. 54. Подозреваемая в ведовстве Дженнет Деб и ее кошка-фамильяр Гибб. С рисунка, предположительно выполненного преподобным Майлзом Гейлом (около 1705). Британская библиотека. По материалам процессов над ведьмами, Гибб умела говорить. Как ни странно, с фьюстонских ведьм, подозреваемых в наведении чар на детей Эдварда Фейрфакса, в итоге были сняты все обвинения

Эбр Гринсет из Данвича (графство Саффолк) призналась, что дьявол являлся ей поначалу в облике пригожего молодого парня, а затем в виде черно-серой кошки или котенка, сосавшего сосок, обнаруженный дознавателями на теле подозреваемой. В деле Эдварда Фейрфакса из Йорка (о нем уже шла речь ранее) предположительно заколдованная девочка заметила, что одна из ведьм кормила кровью белую кошку-фамильяра по имени Филли, изображенную на приписываемых Майлзу Гейлу рисунках (ил. 53 и 54). Увидав впоследствии другого демонического духа у груди женщины, девочка сказала:

Ты — хитрющая ведьма, ты даешь этому духу сосать у груди, чтоб никто не нашел на тебе отметины!

Подразумевается, что ведьма обычно кормила своего фамильяра из какого-то необычного места на теле, из так называемого ведьмина соска, откуда бес мог сосать скорее кровь, чем молоко.

Присутствие на теле подозреваемой такой отметины, сколь угодно маленькой или даже вообще представляющей собою бородавку или прыщ, в зените охоты на ведьм рассматривалось как неопровержимая улика против подозреваемой и повод поскорее повесить ее.

Возможно, и байки старых кумушек, что нельзя, дескать, подпускать кошку к спящему ребенку, восходят именно к таким ведовским предрассудкам. Ясно, что кошка, в принципе, может удушить ребенка, улегшись ему на лицо, но некоторые няньки настаивают, что кошка пьет дыхание младенца и лишает его тем самым жизненной силы.

Самый знаменитый английский процесс над ведьмами с участием кошки известен как «Челмсфордские ведьмы», хотя проходящие по делу дамы были родом из эссексской деревушки Хэтфилд-Певерелл. Суд этот весьма показателен ввиду того значения, которое придавалось «бесам-фамильярам» как уликам и доказательствам рода занятий хозяйки. По сути, все дело свелось к шалостям пятнистого кота с крайне неудачным именем Сатана. Об этом деле нам известно по большей части из «желтой» сенсационного характера брошюры да некоторых юридических документов, из которых явствует, что бес Сатана умел превращаться еще и в жабу, и в черную собаку. Кот был весьма почтенного возраста (белой с пятнами масти) и подарен предполагаемой ведьме, Элизабет Фрэнсис, еще в возрасте двенадцати лет ее бабушкой. Та назвала девочке имя питомца и научила (вот ужас так ужас!) кормить молоком и хлебом. Элизабет держала кота у себя приблизительно шестнадцать лет, а потом по не вполне выясненным причинам отдала Матушке Уотерхауз, «сказав, что звать его нужно Сатаной».

По материалам обвинения, молока и хлеба явно не хватало, так как Элизабет приходилось подкармливать кота еще и собственной кровью. Хоть Сатана и считался замаскированным демоном, много добра он своей хозяйке не принес. Обвинение утверждало, что кот умел говорить и доставлял хозяйке всяческие блага, которые, впрочем, со временем исчезали. За каждый из этих сомнительных подарков Элизабет должна была отдать демону в пищу каплю собственной крови: место, куда она колола себя, чтобы отворить кровь, осталось на ее теле в виде отметины. При помощи этого бесовского кота Элизабет навлекла смерть на некоего Эндрю, а сама

избавилась от нежеланного плода, а также нашла себе мужа, от которого родила ребенка, «после чего повелела Сатане, своему коту, убить ребенка, коему было тогда полгода возрасту, и кот так и сделал». Обзор этих долгих дел приводит к заключению, что женщин обвиняли, как правило, на основе их собственных признаний, для получения которых годились любые пытки — разумеется, незаконные. Так Матушка Уотерхауз «призналась, что, рассорившись с некой вдовой Гудэй, пожелала, чтобы Сатана утопил ее корову ... а рассорившись с другой соседкой, уморила трех ее гусей точно таким же образом». Обвинения в «злых деяниях» были доказаны, и подсудимую повесили 29 июля 1566 года. Как отметил преподобный Хоуп Роббинс, «она была, вероятно, первой женщиной, повешенной за колдовство в современной Англии».

Более поздняя серия колдовских судов в Челмсфорде привела к казни трех женщин в апреле 1579 года. Особую роль в деле играл бес-фамильяр. На обложке издания красовалась дьявольская кошка-фамильяр по имени Сатана (см. цветную ил. 22). Чрезвычайно интересно, что в аннотации к этому трактату имя кошки пишется так же, как ее злосчастного предшественника из более ранних процессов: «Приступил к поискам потайных мест, из каких Сатана может наброситься внезапно на всякого, кто дремлет, позабыв об опасности и презрев угрозу кары Господней за наши прегрешения».

В одном деле о колдовстве XVI века женщина по имени Гаммер Элис Сэмюэл была повешена 7 апреля 1593 года на том основании, что старшая дочь сэра Роберта Трокмортонна обвинила ее в колдовстве и попытке ее удушения при помощи лягушек, жаб и кошек, признанных ведьмовских фамильяров. Три женщины (мать и две дочери), погибшие в итоге нашумевшего дела о ведьмах Бельвуарского замка (Лейстершир, 1617) пострадали из-за кошки, которую по неосторожности держали в доме (ил. 51). «Основным обвинением против них, — сообщает некий историк, — было обладание кошкой по имени Руттеркин, которая предположительно и была агентом их дьявольских махинаций». Дело о чародействе, в результате которого сыновья VI эрла Рутлендского якобы были заколдованы до смерти, «запротоколировано» в скульптурных изображениях ведьмовской гробницы в близлежащей приходской

церкви Боттесфорда¹. Рассказ о сходном деле есть у Роджера Нор-та, брата лорда главного судьи. В Экзетере судили и приговорили к повешению некую старуху на том основании, что соседка видела, как однажды вечером в окно ее хижины запрыгнула кошка, бывшая, разумеется, самым дьяволом. Кошка и собака — безусловно, демонического происхождения — фигурировали и в любопытнейшей истории Анны Боденхэм, рассказанной Натаниэлем Краучем в его «Царстве тьмы» 1688 года (см. цветную ил. 23).

Незадолго до повешения ведьмы Сэмюэл мистер Джордж Гиффорд Мэлдон написал влиятельный труд «Слово о таинственных дьявольских делах, творимых ведьмами и колдунами» (1587). Он, в частности, рассказывает о ведьме, у которой был фамильяр в виде черной кошки. Означенный фамильяр уничтожил всю скотину не приглянувшегося хозяйке фермера. Фермер, судя по всему, был парень не промах и ответил на это собственной черной магией: он, говорят, сжег одну из своих свиней живьем, в результате чего ведьмовская кошка не могла больше подступиться к хозяйству. Гиффорд рассказывает разнообразные истории о ведьмах с целью разоблачения лжи о колдовстве: главный его тезис состоит в том, что дьяволу, дабы творить зло, совершенно не нужны никакие припешники. Фамильяров же — всяких черных кошек и прочих — он считает плодом воображения уже самих ведьм:

Не может ведьма ни при помощи фамильяра, ни какого еще искусства, ни вообще каким бы то ни было образом нанести ущерб или причинить слабость жизни, здоровью или имуществу никого из людей болезнями или немощами, проистекающими от колдовства. <...> Если пала свинья или корова, точно ли в том виновата кошка? Не могли ли они пасть от каких-либо естественных причин, ведь бывает так, что люди или твари в добром пребывают здравии, а потом умирают внезапно?

В архивах шотландских судов над ведьмами есть много подтверждений тому, что кошку считали бесом-фамильяром, самой ведьмой, сменившей обличье, или даже дьяволом во плоти. Так в

¹ Под ведьмовской гробницей подразумевается, видимо, все же родовая усыпальница эрлов Рутлендских в церкви Святой Девы Марии в Боттесфорде.

1607 году Изобель Грирсон была сожжена за колдовство из-за кошки. Жила Изобель в Солтпансе (современный Престонпанс) и горя не знала, но тут соседи пожаловались кому следует, что разгуливает она, дескать, ночами по деревне в виде кошки и жутко орет. В ходе дознания выяснилось, что поименованная Изобель навела чары на одного из соседей и являлась ему у камина каждую ночь — иногда опять же в виде кошки, а иногда — ребенка. Сосед в конце концов умер, а женщине поставили в вину его убийство и колдовство.

Шотландские источники по ведовству изобилуют демоническими кошками. Ведьм из Ланарка (Стретклайд) обвинили в том, что на шабаш они ездили на кошках, а ведьм из Хамби (Лотиан) — что в ходе дьявольских своих ритуалов они окрестили кошку по христианскому обряду. В 1596 году ведьм из Абердина судили за то, что они меняли облик и превращались в кошек. Одна из подозреваемых, Бесси Том,

...в сопровождении ... дьявольских приспешников и духов, принявших всякие обличья — одни — зайцев, другие — кошек, а иные — еще какие подобия <...> все плясали вокруг Фиш-Кросс.

Среди всяких необычайных вещей, в которых призналась (хотя и под жестокими пытками) подозреваемая ведьма Изобель Гоуди, была и такая: в день Ламмаса¹ 1659 года ее ковен² под видом кошек, ворон и зайцев пронесся по округе, портя имущество соседей. Однако по деталям магической операции, при помощи которой Гоуди достигала такой поразительной метаморфозы, становится ясно, что ведьмы не превращались сами в кошек, а при помощи колдовских сил вселялись в кошачьи тела. Практики эти были совершенно различны, так как для подлинного оборотничества требовались куда более основательные магические знания, чем просто для «демонической одержимости».

Во время процесса над злосчастной Мэри Лэмонт, ведьмой из Гринока, в 1622 году последняя призналась, что их ковен собирался в Аргоуэне и там им являлся дьявол «в обличье черного челове-

¹ Канун августа.

² Ковен — ведьмовская община.

ка с раздвоенными копытами», который, беседуя с ними, воздел руки над головой и обратил все собрание в кошек. Ее подруги, Кетти Скот и Маргарет Хольм, обе в образе кошек, отправились затем в дом Алана Орра, утащили из бочки рыбу и хорошенько погрызли ее. Само по себе превращение в кошек — это еще куда ни шло, но другое дело, что они оставили доедать рыбу Орровой жене, — несчастная съела, а потом взяла да и умерла. Интересная история о ведьмовском «откате» связана с гробницей леди Анны в церкви Святого Михаила, что в Эдмондторпе (см. цветную ил. 24), — хотя вполне возможно, она была придумана уже после ее смерти, чтобы объяснить сломанное запястье у изваяния на надгробии.

История ведьм из Турсо очень близка к традиционным представлениям об откате. Некий купец по фамилии Монтгомери подал местному судье петицию с просьбой избавить его дом в Скрабстере от нашествия кошек, имевших, по его словам, обыкновение «болтать между собой». Любопытно, что на этом этапе не заходило даже речи о колдовстве. Судья так долго валандался с принятием мер, что мистер Монтгомери самолично, вооружившись острыми предметами, прикончил двух кошек и вдобавок оттапал лапу еще одной. Вскоре после этого внезапно скончалась подозреваемая по имени Хелен Эндрю; в то же время утонула еще одна женщина. Третья, старуха Маргарет Нин-Гилберт, вдруг оказалась без ноги. Существует множество вариантов сюжета о том, как обнаруживаются подобные вещи; тем не менее полусгнившая конечность была предъявлена в качестве доказательства, и несколько дней спустя женщина призналась, что занимается колдовством. К несчастью, она вскоре умерла в тюрьме — то ли по вине слишком рьяных заплечных дел мастеров, то ли от гангрены, это в источниках не зафиксировано.

Во время знаменитых процессов над ведьмами из Норт-Бервика в конце XVI века одна из обвиняемых в попытке убийства короля Иакова созналась (правда, под жуткими пытками):

...что в то время, пока Его Величество был в Дании, она ... взяла кошку и окрестила ее, а затем привязала к каждой части той кошки [одну из] основных частей мертвого тела и несколько суставов того тела; и на следующую ночь эти ведьмы отвезли означенную кошку в море, аплыли они при том в решетках или ситах ... и оставили означенную кошку прямо супротив города

Лит в Шотландии; и как было это сделано, поднялась на море такая буря, что сильнее ее и не видали никогда, каковая буря и была причиной крушения лодки или судна, шедшего мимо города с острова Брант...

Подозреваемая, Агнес Сэмпсон, после суда, которым заправлял по большей части сам король, была казнена как ведьма.

Мы уже говорили о некоторых табу и суевериях, связанных с корабельными кошками. Кроме того, имела хождение и такая примета, что если кошка на борту корабля вылизывается против шерсти или точит когти об ножки стола, это может вызвать сильный шторм. Самым важным в коллекции разнообразных табу был запрет выбрасывать корабельную кошку за борт, чтобы не случилась буря. Возможно, на одном этом суеверии и зиждилась история о норт-бервикских ведьмах, утопивших кошку.

Представление о кошке как о ведьмовском фамильяре берегами Британии не ограничивалось. В немецких источниках содержится еще больше сведений о ведьмах-кошках и превращениях людей в кошек. Печально известный случай имел место в Бергтайме в 1586 году, когда женщина по имени Анна Винкельципфель была сожжена как ведьма, ибо (как утверждалось) имела обыкновение скрывать свою природу под шкурами черных кошек.

В Испании не было художника, отдавшего большую дань кошачьему символизму в колдовских сюжетах, чем Гойя, особенно в его знаменитой серии офортов «Капричос». На одном из них кошка, выгнув спину, стоит на змее, которую сжимает в руке нагая ведьма, которая сама оседлала крылатого демона (ил. 55). «Вот летит ведьма, — пишет Гойя на одном из набросков, — верхом на мелком хромом бесе». Перед нами ведьма-наставница, дающая первый урок полета своей ученице; но даже и для первого опыта совершенно необходима кошка-фамильяр. Есть кошка и на офорте «Куда собралась мама?» (ил. 56). Сюжет вполне мог бы представлять ночной кошмар, однако Гойя объясняет: «Могущественную ведьму по причине водянки несут на прогулку лучшие летуны». Ну, куда в такое путешествие и без кошки? Хотя не совсем понятно, почему Гойя нарисовал ее висящей на зонтике с мордой суровой и непреклонной, словно какой-нибудь заблудившийся во времени и пространстве парашютист. А вот в «Испытаниях»,

Ил. 55. Гравюра-акватинта¹
Гойи из серии «Капричос»
«Alla va Eso» («Вот летит!»).
Комментарий автора:
«Вот летит ведьма верхом
на мелком хромом бесе».
Гравюра показывает ведьму-
наставницу, дающую первый
урок полета ученице в
компании неперенной кошки
фамильяра, сидящей, что
любопытно, на спине змеи,
которую ведьма держит в
правой руке

где изображены две кошки на первом плане, мы попадаем уже в более знакомую обстановку. Гойя в примечании к офорту разъясняет, что картинка показывает первую попытку полета новопосвященной ведьмы (ил. 2). Обе героини наги и левитируют перед рогатым монстром. На первом плане располагаются ведьмовские параферналии — две кошки, человеческий череп и глиняный горшок. Что, интересно, хранится в горшке? Может быть, кровь? За кошками видна половина некоего животного со связанными лапами (это может быть собака или даже еще одна кошка). Возможно, его принесли в жертву, предворяя заклинание левитации, как того требуют темные гримуары? Когда фламандец Босх писал своих

¹ Серия «Капричос» была создана в смешанной технике офорта и акватинты. Офорт — гравюра на металле, получаемая при помощи травления поверхности кислотами; дает штриховое изображение. Акватинта — гравюра на металле, где травление происходит в промежутках между частицами асфальтовой или канифольной пыли; дает полутонное изображение, похожее на рисунок кистью.

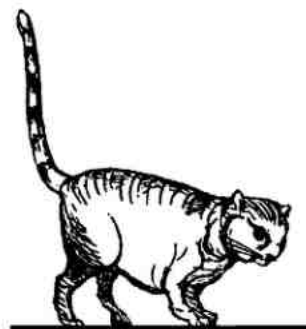
дьявольских кошек, он специально искажал их черты, чтобы они выглядели полуживотными-полудемонами (см. цветную ил. 17); Гойя же придает им дьявольские черты при помощи совершенства техники: демоническое их состояние видно более по ужасному взгляду, чем по каким-то физическим деформациям. Так же обстоит дело с голыми женщинами, несущимися в сопровождении демонов по нечестивым листам «Испанских каприchos».

Один из самых ужасных примеров веры в бесовских кошек — процесс над тремя детьми в Море (Швеция) в конце XVII века. Утверждалось, что каждый из этих детей получил в подарок от дьявола по котенку, который должен был воровать для хозяина масло, сыр и прочую снедь. Многих детей признали виновными, пятнадцать из них казнили, а еще тридцать шесть жестоко пороли в течение пятидесяти двух воскресений кряду у дверей местной церкви.

В общем и целом вера эта как живой элемент картины мира или предрассудок отмерла лишь в нынешнем веке и сохраняет-

Ил. 56. Гравюра-акватинта Гойи из серии «Каприchos» «Donde va Mama?» («Куда собралась мама?»). На картинке изображена страдающая от водянки ведьма, которую несут на прогулку «лучшие летуны». Кошка с зонтиком — весьма загадочный персонаж, но вне всяких сомнений — фамилляр

Ил. 57. Молодая ведьма
умашает тело летучим зельем
в компании фамильяров —
кошки и жаб, с рисунка
Р.Х. Роббинса для
«Энциклопедии колдовства и
демонологии» (1959).
Часть экспозиции Музея
ведовства в Байонне

ся теперь лишь в полуюмористической традиции иллюстраций к книгам сказок (ил. 19). Тем не менее вполне на первый взгляд серьезный репортаж в «Сандей кроникл» от 9 сентября 1928 года словно бы возрождает старые ведьмовские суеверия: в нем говорится о некой женщине из Хорсхита, что близ Кембриджа, общавшейся с «черным человеком», который дал ей пятерых «бесов», а именно крысу, жабу, хорька, мышь и кошку (куда же без нее!).

Ничуть не удивительно, что современный художник, получивший заказ нарисовать молодую ведьму для Музея ведовства в Байонне (Франция), изобразил нагую женщину, умащающую свое тело неким притиранием (по всей видимости, «летучим зельем», готовясь отправиться на шабаш); об ее ноги трется черная кошка (ил. 57). Вполне возможно, что автор держал в голове «Капричос» Гойи, но нельзя не согласиться, что выбор символов был продиктован ему традицией куда более древней. Эта кошка, как и лягушки с жабами на переднем плане той же картинки, свидетельствует о том, как низко пал кошачий род в своем символизме — от спутников свободы до демонических клевретов ведьм. И полтысячелетия спустя современный автор легко подхватил эту тему.

Некоторые из консолей средневекового собора в Модене украшены резными изображениями морд разнообразных кошачьих (ил. 58 и 59). Вероятно, эти головы следует толковать в том же примерно духе, что и горгулий и прочих демонов, встречающихся в великом множестве на фасадах большинства церквей того периода: иными словами, они — представители сил зла.

Я сделал это предположение, ознакомившись с более поздней котоликой горгульей с фасада приходской церкви в Литлборо (графство Ланкашир) (цветная ил. 25), так как изваяние это исполнено в лучших традициях демонологии. Особенно интересными горгулий из Литлборо делают некие оккультные значки, вырезанные на боках каждой из них. На цветной ил. 25 видна спираль (один из эзотерических символов жизненной силы), которая при движении по часовой стрелке приводит от периферии в центр. В одних контекстах этот центр есть «я», в других — Бог. Напрашивается мысль, что раз в этом случае контекст явно демонический, двигаться по спирали надлежит против часовой стрелки, от центра наружу, распыляя свою энергию в материальный мир. Интересно, что такой распыляющий, дисперсивный характер носит именно лунная сила. Едва ли читатель нуждается еще в одной лекции о символической связи между кошкой и луной.

В ланкаширском Кливиджере — а расположен он не так уж далеко от Литлборо — есть своя собственная кошачья мифология. Ее отголоски можно проследить еще дальше в прошлом, в персидских сказках, происходящих, в свою очередь, возможно, из

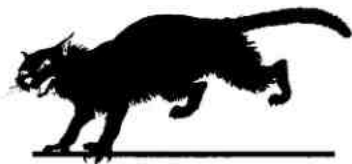

Ил. 58.
Консоль
с головой
кошки на
фасаде
Моденского
собора
(XIV век)

Индии. Легенда, которую приводит в своей «Истории Тодмордена» Джошуа Холден, повествует о прекрасной наследнице славного рода по имени леди Сибилла, обитавшей в башне Берншоу и любившей гулять до обрыва Орлиной скалы, откуда она взидала на распахнувшуюся внизу лесистую бездну. И вот возжелала она ведьмовской силы, чтобы полететь над лесами и в конце концов обменяла свою душу на оккультные способности, выбрав с того времени носиться по холмам в виде белой лани. А надо сказать, что леди Сибиллу любил лорд Уильям из Хэптона, но она отвергла его притязания. Тогда, в соответствии с обычаями времени, он обратился к местной ведьме (звали ее Мамаша Хелстон), чтобы получить объект своей страсти сверхъестественными средствами. Та посоветовала ему изловить молочно-белую лань, что пасется у Орлиной скалы, и отвести ее к себе в Хэптон. Молодой человек так и сделал, а наутро обнаружил там, где оставил пленницу, красавицу леди Сибиллу, которая весьма кстати отказалась от своих магических сил да и вышла замуж за лорда Уильяма. Но коготок увяз —

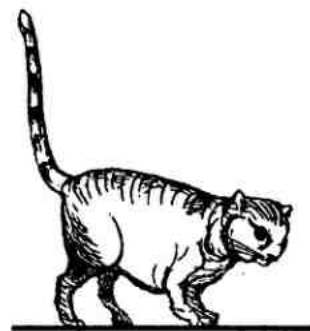

всей птичке пропасть: единожды отведав ведовства, останешься колдуньей на всю жизнь. Жажда полета и оборотничества вновь овладела женщиной и стала она потихоньку баловаться прежним. И вот, когда играла она в образе белой кошки на Кливерской мельнице, мельник возьми и оттапай ей случайно лапу. Является леди домой, а одной кисти-то у нее и нет. Мужу, однако, оказалось невдомек, чего это жена так убивается, потому что спрашивать он ее стал не о руке вовсе, а о дорогом кольце с печаткой, которое вместе с рукою сгинуло. Сказка, впрочем, кончается хорошо, так как ледихватило магических сил, чтобы вырастить себе новую руку, и это помогло вернуть гармонию в семейную жизнь. В кошку она больше не превращалась и вроде бы умерла тихо-мирно после долгих лет жизни. Но до сих пор в канун Дня Всех Святых призрачный охотник преследует у Орлиной скалы белую олениху.

Ил. 59. Консоль с головой кошки на фасаде Моденского собора (XIV век)

Ил. 60. Фронтиспис к
«Обнаружению ведьм»
Мэтью Хопкинса (1647).
Самопровозглашенный
«главный охотник за ведьмами»
изображен с двумя жертвами-
подозреваемыми. Каждая
женщина называет по имени
своего фамильяра; у ведьмы
справа одного из бесов зовут
Пайуокет. Это имя было
использовано для кошки-
фамильяра в фильме «Колокол,
книга и свеча»

Как я уже говорил в предисловии, в замечательном фильме «Колокол, книга и свеча» есть чудесный эпизод, когда зрителю дают поглядеть на реальность глазами кошки-фамильяра. Ведьма благодаря этой способности видит мир как бы через широкоугольный объектив. Имя фамильяра, Пайуокет, почти наверняка взялось из грубо вырезанной гравюры 1647 года (ил. 60), на которой изображен пользующийся дурной славой самопровозглашенный «главный охотник за ведьмами» Мэтью Хопкинс с двумя его злосчастными подозреваемыми, выдающими имена своих «бесов-фамильяров». Женщина слева от Хопкинса как раз сообщает, что ее второго фамильяра зовут Пайуокет. В материалах дела, однако, кошку зовут Пайнуокет. Подозреваемая справа от Хопкинса, Элизаберт Кларк, указывает на своего беса в образе белого котенка по имени Хольт. Обеих дам, увы, повесили, и не последнюю роль в обвинении играли именно демонические помощники.

Причина, по которой суд так интересовался именами кошек и прочих фамильяров, сама косвенно связана с магией. Поскольку

люди верили, что кошка представляет собой всего лишь личину демона, его было куда проще изгнать, зная его имя. Именно этим, скорее всего, и объясняется, почему история сохранила так много имен несчастных кошек XVI и XVII веков. Не случайно и то, что Шекспир выводит поименованных кошек как ведьмовских фамильяров в прологе к «Макбету».

Далеко не все «бесы-фамильяры» в судебных материалах были так мерзки на вид, как на гравюре с Хопкинсом, и некоторые из подозреваемых умудрялись сохранить свободу. Так, в 1652 году в Мейдстоне (графство Кент) шестерых человек признали виновными и повесили, но еще двоих освободили из-под стражи, несмотря на обвинения в том, что на посылках у них служат злые духи: один в обличье белого котенка по имени Бесс, а второй — черного по имени Кэт. Если бы судьи решили, что это демоны, хозяйки не избежали бы виселицы.

Ричард Бовет, писавший о колдовстве в XVII веке, рассказывает, как ведьмы мучили жену и сына некоего Сивингтона в графстве Сомерсет. Женщине снились кошмары с участием громадной черной кошки, которая в компании не то семи, не то девяти товарищей примерно с четверть часа издавала жуткие вопли, а потом исчезала бесследно, после чего у несчастной начинались припадки и внутренние боли неясной этиологии. Две обитавшие в доме домашние кошки бросались наутек, как только являлась демоническая соплеменница, а потом болели и голодали, словно не могли оправиться от ужаса после дьявольского вторжения.

К следующему столетию ведьмовская истерия сошла на нет до такой степени, что в кошке уже перестали видеть фамильяра и сделали ее, как некогда, героиней поэзии. Кристофер Сمارт в XVIII веке написал удивительное стихотворение о своем коте Джеффри, отправившемся вместе с хозяином в заточение в лондонский сумасшедший дом. С поэтической прозорливостью безумца он видит в Джеффри не демона, а, скорее, противника дьявола, «служителя Бога живого»:

Он — супротивник силам тьмы
Сверканьем глаз и искрой меха.
И дьяволу, который — смерть,
Он, жизнь будя, противостоит.

Не пишет ли Смарт более о себе, чем о коте? Это стихотворение он сочинял в знаменитом лондонском Бедламе. Само слово «безумец», *lunatic*, восходит к латинскому имени Луны; во времена Смартта повсеместно считалось, что поведение сумасшедших, как и размер кошачьих зрачков, зависит от фаз ночного светила. Гравюра, воспроизводимая Олдфилдом Хауи, показывает безумца в средневековом головном уборе с кошачьими ушами, держащего в руках полумесяц. Это удивительный образ, объединяющий четыре аспекта луны: полумесяц, демонические рога (возможно, сами по себе его символизирующие), кошачьи ушки и пребывающего под властью луны сумасшедшего. Вспомним колдунью из шекспировской «Бури», которая есть

...Ведьма, и так сильна она,
Что самой луной повелевает — вершит приливы и отливы.

Повелевать луной — значит держать в своей власти демонов, обитающих в лунной сфере, не говоря уже о том, чтобы контролировать умы множества людей, подпавших под власть луны и ставших безумцами-лунатиками.

Судебные материалы по процессам о колдовстве, в которых фигурирует кошачья магия, можно найти во многих британских музеях. Так в музее Бери Сент-Эдмундса есть мумифицированное тельце не то щенка, не то котенка (ил. 61), удушенного при рождении и засунутого затем в дымовую трубу в качестве средства, предохраняющего от колдовства. Некогда было весьма распространенной практикой замуровывать кошку или котенка в стену нового дома, чтобы уберечь его обитателей от дурного глаза. В Музее Элджин в Шотландии тоже есть такие «волшебные» кошачьи трупы.

Самые, наверное, выдающиеся образцы оригинальной графики на ведьмовские темы приписываются преподобному Майлзу Гейлу, пастору прихода в Кили. Некоторые исследователи утверждают, что рисунки эти были сделаны во время судебных заседаний в Йоркском замке, но это совершенно невозможно, так как суды состоялись в 1622 году, почти за сто лет до периода активной деятельности пастора Гейла. Эти изображения (ил. 53 и 54), хранящиеся

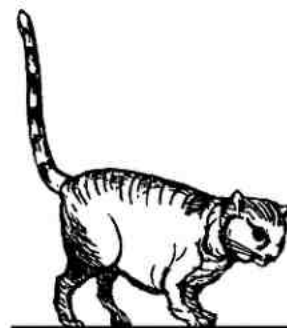

Ил. 61. Мумифицированное тельце новорожденного котенка или щенка, найденное во внутренней трубе дома, — свидетельство веры в колдовство. Музей Мойз-хаус, Бери Сент-Эдмундс

ныне в Британской библиотеке, иллюстрируют долгий ведьмовской процесс в Нэрсборо-Форест. Материалы его были собраны Эдвардом Фейрфаксом из Фьюстона и опубликованы в 1882 году в знаменитой «Демонологии» Уильяма Гейнджа. Подробности этого сложного дела не должны нас особенно сейчас волновать, но следует отметить, что трое из шести женщин, обвиненных в наведении чар на детей Эдварда Фейрфакса, имели кошек-фамильяров. Маргарет Уэйт-младшая, «особа распутная и наглая», имела в приспешниках кошку белую с черными пятнами, именем Инджес. Дженет Диб «в течение сорока лет сопровождал дух в облике большого черного кота по имени Гибб». Именно его пастор Гейл запечатлел на одном из своих рисунков вместе с другими довольно жуткими и неожиданными с виду дьявольскими фамильярами (ил. 52). Еще одна безымянная подозреваемая, «странная женщина», двадцать лет держала у себя существо, имевшее обличье белой кошки и носившее имя Филли (ил. 53). А Маргарет Уэйт-старшая в фамильярах имела некое «безобразное создание со множеством ног и размером с кошку».

Суть дела заключалась в том, что обвиняемые женщины заколдовали детей и при помощи чар ввели их в состояние, в котором у них наблюдались странные припадки и видения. В октябре

1621 года шестнадцатилетняя Хелен имела призрачное видение Люцифера в бесчисленных формах, среди которых были: дракон о трех головах, с которых капала кровь; пригожий молодой человек в одеждах принца, уговаривавший ее покончить с собой, и так далее. Затем видения приобрели характер эпидемии и остальные дети тоже стали галлюцинировать.

Однажды Хелен принялась болтать с особо говорливой кошкой-фамильяром и с духами в облике птиц; она также утверждала, будто видела, как кошки сосут грудь своих хозяек-ведьм. Заседания состоялись 1 апреля 1622 года в Йорке и продолжались с перерывами некоторое время. На протяжении этого времени двое из детей заявили, что их ослепила черная кошка, предположительно действуя по приказу ведьм. Дети продолжали рассказывать о видениях; поименованная Хелен сообщила, что как-то раз ведьма в компании черной кошки швырнула ее в реку, а потом волокла много миль через лужи и живые изгороди. В другой раз перед ней явились кошки, она заставила их прочитать из Библии стихи, имеющие непосредственное отношение к фамильярам.

Подозреваемые были оправданы в августе 1622 года. Говорят, двенадцатилетняя Мод Джеффри, одна из околдованных девочек, призналась в оговоре и даче ложных показаний, и отец ее был приговорен судом к тюремному заключению.

Трудно свести к общему знаменателю многочисленные свидетельства существования кошек-фамильяров в английских источниках по ведьмовским процессам, если не помнить, что в языческой традиции, сметенной христианством, животное это было священным. Здесь может, конечно, работать память поколений, так как злющие дикие кошки в период пика ведьмовской истерии в Англии уже, без сомнения, не водились.

Вспомним лунную богиню Фрейю, чью небесную колесницу влекли две рыси. В мифе этом заключена важнейшая историческая истина. Да, кошка была одомашнена в Египте в относительно ранний период, но кошки Северной Европы были именно дикими. И рысь Фрейи часто ошибочно называют дикой кошкой. Может быть, широкое распространение в Европе диких кошек ответственно за прочную связь кошки и черной магии на Севере? Весьма маловероятно, чтобы египетские домашние кошки добрались в

заметном количестве даже до Рима ранее наступления новой эры. (В 350 году н.э. Палладий уже подтверждает, что они часто встречаются в Италии.) Самый ранний интересующий нас северный источник происходит из Австрии, где на кирпичах, датированных III веком, обнаружен след кошачьей лапы: видимо, ее владелица неосторожно прошла мимо мастерской горшечника или печи для обжига. Современный натуралист Гуггисберг указывает, что вплоть до X века домашняя кошка встречалась на английских берегах довольно редко, хотя дикие лесные кошки были вполне своеобразны. Если, как это обычно считается, многие описываемые в литературе практики по ведовству были действительно искаженными остатками древних религий, можно с уверенностью утверждать, что кошки тех языческих времен едва ли представляли собой милых домашних табби¹, к которым мы привыкли сегодня. Практически все кошки, известные языческой Европе, были, скорее всего, дикими.

Египетские законы запрещали вывоз кошек из страны, так что для контроля за популяцией крыс и мышей повсеместно приручали ласок и горностаев; потому классическая литература обычно рассматривает кошку как дикого зверя. Овидий сообщает, что Геката имела обыкновение время от времени превращаться в кошку; у Апулея тем же занимаются колдуньи. Все это почти наверняка были дикие кошки. Следовательно, в Средние века, когда Луну стали ассоциировать с чистилищем, а кошка из-за связи с лунной богиней стала символом зла, свирепость дикой кошки стала отлично ассоциироваться со свирепостью демонов чистилища. Возможно, одного этого заключения, которое само по себе было почерпнуто из тайной мудрости, хватило для знаменитой буллы папы Григория IX. Отсюда и черный кот — одно из наиболее популярных дьявольских обликов.

Папство XIII века, таким образом, подхватило поэтический образ поздней классики и состряпало на его основе обвинения, предъявленные рыцарям-тамплиерам, которые, разумеется, никаким демонам не поклонялись, а, напротив, развивали эзотерику своего времени.

¹ Табби — кошка полосатого окраса.

Свирепость диких кошачьих часто преувеличивается. Практика показывает, что некоторые виды с легкостью приручаются, однако, нельзя не признать, что дикая лесная кошка, некогда населявшая все Британские острова и до сих пор водящаяся в горах Шотландии, и вправду умеет за себя постоять. Фотограф-анималист Сетон Гордон пишет в своих «Днях с золотым орлом» (1927) о поединке дикой кошки с орлом, которому уже не суждено было покинуть место столкновения. Натуралист Франсис Питт оставила интереснейший рассказ о попытке приручить парочку этих созданий, обнаруженных ею в Шотландии. Их «бледно-зеленые глаза так и пылали ненавистью ко всему роду людскому». Свой следующий эксперимент, «жалкий клочок желто-серого полосатого меха» она ласково окрестила, что характерно, Сатаной. Крупные дикие кошки, такие как лев, тигр и леопард, гордятся репутацией страшных хищников, хотя и редко нападают на людей по собственной инициативе. О Рудрапраягском леопарде в Индии до сих пор напоминает мемориальная табличка. Говорят,

218

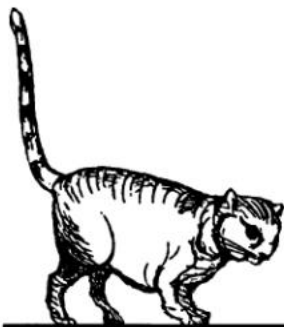
Ил. 62. Кошка. Фрагмент гравюры Дюрера «Адам и Ева» (1504)

он успел забрать жизни ста двадцати пяти человек, пока Корбетт не застрелил его в 1926 году. После этого охотник «честно» измерил свою жертву при помощи штаг и обнаружил, что хищник был два метра двадцать восемь сантиметров в длину. («Не настолько честный» способ измерения был бы либо вдоль всех «изгибов его фигуры», что, естественно, дало бы иные показатели, или же «рулеткой вице-короля», где в одном футе было одиннадцать дюймов — еще один способ поразить слушателей своими подвигами.) Одно из самых ранних сохранившихся до наших дней изображений кошачьих — ассирийская палетка Немврода из слоновой кости, датируемая примерно IX веком до н.э., которая сейчас хранится в Британском музее. На ней изображен лев, держащий за горло человека. В Музее Виктории и Альберта есть «забавный» тигр-людоед, сделанный в форме органа. Многочисленные истории о львах и тиграх, случайно лишаящих жизни человека, едва ли более ужасны, чем страшная летопись людей, сотнями убивающих львов и тигров.

В славном городе Париже бытовал чудный обычай в День середины лета сжигать на Гревской площади полную корзину (или мешок) кошек. Затем люди собирали пепел и несли домой в качестве могущественного амулета, обладающего защитными свойствами. Подобные же бесчеловечные летние праздники проводились и в Метце, в Арденнах — в первое воскресенье Великого поста, а в Эльзасе — на Пасху. Эти жуткие ритуалы, без сомнения, уходят корнями в языческие времена: существуют свидетельства, что друиды (или, по крайней мере, выродившееся жречество, оставшееся от древних друидических культов) запихивали живых животных в плетеные из ивняка клетки, где и зажаривали до смерти. И однако же, перед нами популяризированные и рационализированные христианским сообществом пережитки веры в то, что дьявол и его служанки, ведьмы, могут являться в обличье кошек. Вот вам боги Египта и Рима, низвергнутые со своих пьедесталов.

Когда сэр Джеймс Джордж Фрезер задался вопросом, зачем нужно так жестоко умерщвлять людей или животных (особенно кошек), он пришел к выводу, что эти страшные обряды призваны были сломить могущество колдовства:

Все эти жертвы, можно предположить, были обречены огню не потому, что были животными, но потому что были ведьмами, принявшими ради собственных нечестивых целей обличье животных.

Романтический флер, которым окружено современное представление о кошках, часто не дает нам понять значение кошачьих символов в изобразительном искусстве прошлого. Так Эрвин Панофский интерпретирует четырех животных, собравшихся у ног Адама и Евы на известной гравюре Дюрера 1504 года (ил. 62), как символы четырех темпераментов: лось — приземленная меланхолия; кошка — жестокость холерика; кролик — чувственность сангвиника и бык — медлительный флегматик. Но есть и другие способы толковать изображения кошек в начале XVI века. Кошка у Дюрера созерцает мышку слева, и Панофский полагает, что эта маленькая драма символизирует хищную природу первой женщины (кошка) и слабую, восприимчивую натуру первого мужчины (мышь). Такая интерпретация абсолютно неприемлема; соответствия можно с тем же успехом перевернуть и сделать Еву слабой, а Адама — хищником. Есть куда более осмысленный взгляд на эту конфронтацию и вполне в русле восприятия кошки в XVI веке, когда предписывалось видеть в ней служительницу зла. Это сразу объяснит, почему ее хвост обвивает ногу Евы, — он совершенно подобен дьяволу-змею, обвинившемуся вокруг ствола и кладущему Еве в руку плод Древа Познания. Хвост мышки при этом указывает на ногу Адама так же недвусмысленно, как кошкин — обнимает ногу Евы; и мышь в этом смысле символизирует добычу кошки, то есть, конечно, человеческий род. Если кошка — это дьявол, то мышка — само грехопадение. Придание кошке демонических свойств объясняет ее местоположение у корней дерева, которое, кажется, стремится отделить Адама от Евы в земной жизни. А раз уж нам пришлось отказаться от идеи кошки как одного из четырех символов стихий, можно попытаться извлечь какой-то смысл из попугая, сидящего над головой Адама. Именно птица в средневековой художественной образности служила символом сангвинического темперамента, причем куда более удачным, чем кролик, бурная сексуальная жизнь которого делает его более подходящей аллегорией скорее для холерика.

Суть в том, что в Средние века кошку видели в гораздо более мрачном свете, чем мы теперь. Флорентиец де Онести в своем трактате о ядах и противоядиях с полной уверенностью указывает, что укус кошки чрезвычайно ядовит и от него все тело становится зеленым; кроме того, мозг кошки ни в коем случае нельзя употреблять в пищу, ибо он тоже содержит страшный яд. Один из низких экспериментов с кошками из *Liber vassae*, текст которой Линн Торндайк воспроизводит в «Истории магии и экспериментальной науки», наглядно демонстрирует характерное для позднего Средневековья отношение к этим животным, тем более что сама магическая формула восходит к куда более древнему прототипу. Цель заклинания — дать практикующему способность видеть духов. Белого петуха надлежит три дня кормить глазами трех рыб определенного вида (глаза при этом непременно нужно извлекать у еще живой рыбы). На третий час третьего дня петуха обезглавливают и скармливают дикой кошке, которой, в свою очередь, отрубают голову. Из тела кошки добывают кровь и желчь, высушивают их и используют для изготовления зелья для лицезрения духов. Роль кошки, пусть даже дикой, в демонологических текстах указывает на ассоциации с Сатаной, с которыми Дюрер, без сомнения, был знаком, тем более что охота на ведьм в германских землях как раз была в самом разгаре.

Заключение

Девять богов
и богинь
и мистическое
«трижды три»

Магия девятки

Девятка — мистическое число великой силы <...> она могуча, непоколебима, обеспечивает защиту и творчество, а также гармонически связана с духовным миром. Эта гармония отражается в форме цифры: замкнутая верхняя часть символизирует пространство Небес, а открытая дуга нижней — Землю. <...> Эта идея движения от верхних духовных планов к нижним материальным (от круга к дуге) выражена в старинном нумерологическом изречении, которое гласит: «Девятка есть альфа и омега человеческих возможностей, начало и конец».

Ф. Геттингс. Энциклопедия оккультизма

П

опулярное суеверие наделило кошку девятью жизнями, помимо которых у нее есть сотни разных обликов и сотни же разных имен. Но не следует забывать, что большинство суеверий — это духовная истина, низвергнутая со своего пьедестала, бессознательные воспоминания об эзотерической мудрости. Почему же число «девять» так упорно ассоциируется с кошкой?

Может показаться, что эта связь, как и множество других представлений о кошке, восходит к тайному знанию древних египтян. Число «девять» всегда считалось священным, поскольку это трижды три, трижды воспроизведенная троица, а в древнем мире, безусловно, были свои троицы. В Гелиополе было девять богов: Атум, Шу, Тефнут, Геб, Нут, Осирис, Исида, Сет и Нефтида, каждый из которых был тем или иным образом связан с кошкой¹. Возможно, именно эта эннеада богов и богинь навела раннехристианских авторов на мысль о девяти чинах ангельских. Каждый

чин ассоциировался с той или иной планетой или созвездием: Ангелы — с Луной, Власти — с Солнцем, Престолы — с Сатурном (где заканчивается само время), и далее — вечное царство Серафимов и Херувимов, правящих звездами и зодиаком в целом.

Амулеты со священной кошкой и некоторые статуэтки кошек, сохранившиеся до наших дней, иллюстрируют эту нумерологию тройки и девятки. Покрытый синей глазурью амулет, изображающий кошку с котятами и датированный приблизительно 600 годом до н.э. хранится ныне в Британском музее; лапы кошки простерты над шестью котятами в жесте защиты, и еще двое на лапах сидят. Вместе с матерью перед нами девять кошек.

Систр, под аккомпанемент которого проводились древние ритуалы и который держит в руках богиня Баст на ил. 11, тоже имеет отношение и к кошкам, и к числу «девять». Систр бывает разной формы, но чаще всего у него на верхней дуге есть кошачья голова (иногда — с человеческим лицом). Во внутреннем пространстве у систра четыре стержня, символизирующие четыре стихии; говорят, их колебание представляет движение стихий в материальном мире, благодаря которому создаются и разрушаются все формы. По сторонам инструмента располагаются обычно маскароны богинь Исиды и Нефтиды, символизирующие соответственно жизнь и смерть¹. Таким образом, систр объединяет девять символических элементов: рукоять, за которую его трясут, чтобы произвести звук; замкнутую часть (воспроизводящую иероглиф «ру»²); четыре стержня; головы двух богинь и кошачью голову. Впоследствии систр перекочевал и в римские мистерии: в Портичи обнаружена фреска со жрецом Исиды и коленопреклоненной женщиной, потрясающей этим музыкальным инструментом. Олдфилд Хауи указывает, что подобным инструментом пользуются певицы в Японии. Не так давно гейши Токио собирали деньги на поминальную службу по душам кошек, жизни которых были принесены в жертву ради изготовления этих инструментов³.

¹ Данное описание взято у Плутарха. Систр был культовым предметом и атрибутом богини Хатхор.

² См. примечание на с. 10.

³ Вероятно, автор имеет в виду сямисен, игра на котором входила в программу обучения гейш. Увы, между сямисеном (щипковым струнным инструментом, чей деревянный корпус в ста-

Средневековая Церковь испортила репутацию кошки в рамках официальной программы духовных реформ. Древняя мистериальная мудрость, которую Церковь не сумела в полной мере понять, лишилась покрова тайны, а боги превратились в демонов. Кошка, изначально бывшая одним из самых священных животных, пострадала больше всех. О ней ни словом не упоминалось в Библии, и, поскольку священное писание не защищало это животное, оно оказалось легкой добычей для духовенства, искавшего себе козла отпущения. Гностический текст, известный как *Pistis Sophia*, возраст которой, вероятно, не уступает возрасту Евангелий¹, описывает великую кошку в местах наказаний грешников:

И сказал Иисус Деве Марии: тьма внешняя есть змей великий, хвост которого — во рту его, и объемлет он весь мир; есть в нем много мест наказаний, и двенадцать чертогов, где творятся жестокие кары. <...> правитель второго чертога имеет лицом истинным лик кошки, и зовут его в месте его Харахар. <...> А в чертоге одиннадцатом множество правителей, и семь голов, и каждая из них имеет лицом истинным лик кошки; и величайшего из них, который над ними, зовут в месте его Рохар...

Этот текст (несмотря на всю его мудрость и христианство) был в конце концов объявлен еретическим, возможно, именно такая «запрещенная литература» дала Церкви возможность представить общественности кошку в демоническом обличье? За века кошка превратилась в самого дьявола, а потом — в ведьмовского фамильяра. Как же далеко ушла от изначальной богини толстая кошка с хоров Малвернского монастыря, повешенная тремя мышами!

Но, несмотря на все церковные ухищрения, девять богов и богинь все же сохранились в нашем бессознательном под видом веры в то, что кошка является счастливой обладательницей девяти жизней. По мере ослабления церковного диктата кошка на-

рину действительно обтягивали кошачьей кожей) и систром — ударным инструментом типа трещотки или погремушки, общего крайне мало.

¹ Вероятный период создания «*Pistis Sophia*» (переводится как «Вера премудрости» или «Вера Софии», если понимать Софию как гностическое божество) — II в. н.э.

чала постепенно выкарабкиваться из тьмы к святости. К концу XVIII века, когда астроном Лаланд реорганизовал звезды в созвездия, он уже был достаточно внутренне свободен, чтобы дать одному из них имя кошки (см. цветную ил. 13). Он непреднамеренно вернул этому созданию по праву принадлежащий ему ранг небесной богини. И не потому ли созвездие кошки не прижилось на звездных картах, что мир еще не готов признать истину, так долго пребывавшую под гнетом средневековых суеверий и заключающуюся в том, что кошка — создание богов и символ света и жизни, а не тьмы и смерти?

В наше время ее лишили большей части древнего символизма и повсеместно свели к чисто декоративной роли героини поздравительных открыток для всех случаев, когда нужно подчеркнуть хитрость, лукавство, чувственность и мягкость или же неподражаемую отчужденность, аристократичность и стиль. Фольклорная черная кошка ассоциируется с пожеланием «доброй удачи», создает настроение или несет подсознательное послание более или менее поверхностной природы. Одно из немногочисленных исключений из этой общей тенденции — кошачий символизм Таро Кайкендалл и некоторые рисунки Пикассо, Пауля Клее и других менее известных, но не менее преданных своему делу художников, таких как Фэй Померанс, которая исследовала образность Лилит (см. цветную ил. 26) и связала (причем без малейшего насилия над древними мифологическими системами) кошачью природу с демонической супругой первого человека на земле. Ее богиня-кошка с девятью хвостами (не та ли это девятихвостая «кошка», что бичует ныне Адамово потомство?) есть воплощение популярной легенды о кошке с девятью жизнями и одновременно отсылка к темной стороне человеческой натуры, породившей, согласно Талмуду, род демонов. Эта кошачья Лилит прекрасно понимает, что грехопадение продолжается посейчас, и чем дальше, тем быстрее, и, в отличие от спящей кошки Дюрера (ил. 62), уже давно поймала свою жертву-мышь (человека) за хвост. И не является ли рыба, зажатая в другой ее лапе, символом искупительной жертвы Христа — света, который единственно может сокрушить тьму внутреннюю?

Список литературы

- Ackermann, A. S. E., *Popular Fallacies*, London, 1950 edition.
- Adams, George, *Physical and Ethereal Spaces*, London, 1965.
- Aymes, C. A. W., *The Pictorial Language of Hieronimus Bosch*, translated from the German by E. A. Frommer, Horsham, 1975.
- Bardens, Dennis, *Psychic Animals: An Investigation of their Secret Powers*, London, 1987.
- Bax, D., *Hieronimus Bosch his Picture-Writing Desiphered*, Amsterdam, 1979.
- Beadle, M., *The Cat. History, Biology and Behaviour*, London, 1977.
- Beaumont, F. & Fletcher, J., *Bonduca*, London, 1614.
- Beatty, Clyde, *Facing the Big Cats* (Clyde Beatty and Edward Antony), London, 1965.
- Blavatsky, H. P., *The Secret Doctrine*, London, 1888.
- Boguet, Henri, *Discours de Sorciers*, переведенный как *An Examen of Witches* (также см. перевод Е. А. Ashwin, Bungay), 1929.
- Bovet, Richard, *Pandaemonium*, London, 1684.
- Boyle, Robert, см. Thorndike.
- Bozzano, Ernest, *Les Manifestations Metapsychique et les Animaux*, Paris, 1926.
- Brau, Jean-Louis, *Larousse Encyclopedia of Astrology* (J.-L. Brau, Helen Weaver and Allan Edmands), New York, 1977.
- Brereton, см. Perrault.
- Brewer E. C., *Brewer's dictionary of Phrase and Fable*, London, 1963 edition.
- Briggs K., *Folktales of England* (edited by Katharine M. Briggs and Ruth L. Tongue), Chicago, 1965.

- Brodeur, см. Sturluson.
- Brooke, H. C., *Cat Gossip* (edited by H. C. Brooke), Taunton, 1926, etc.
- Budge, E. A. Wallis, *Book of the Dead*, London, 1899.
- Budge, E. A. Wallis, *The Gods of the Egyptians*, London, 1904.
- Budge, E. A. Wallis, *The Book of the Dead* (перевод с египетского иероглифического Budge, E. A. Wallis), London, 1923.
- Burton, Maurice, *The Sixth Sense of Animals*, London, 1973.
- Campbell, John Gregorson, *Witchcraft and Second Sight in the Highlands and Islands of Scotland*, Glasgow, 1902 (репринтное издание Wakefield, Yorkshire, 1974).
- Cruikshank, George, *Fairy Library*, London, 1870.
- Dale-Green, Patricia, *Cult of the Cat*, London, 1963 (репринт Boston, 1963 под названием The Archetypal Cat).
- Dance, Peter, *Animal Fakes and Frauds*, Maidenhead, 1976.
- Davis, Andrew Jackson, *The Diakka and Their Earthly Victims*, New York, 1873.
- Davis, F. Hadland, *Myths and Legends of Japan*, London, 1920.
- Dent, Anthony, *Lost Beasts of Britain*, London, 1974.
- Dinet, *Des Hieroglyphiques*, 1607.
- Dorling, E. E., *Leopards of England*, London, 1913.
- Edda, см. Sturluson.
- Eliot, Thomas Stearns, *Four Quartets*, New York, 1943.
- Eliot Thomas Stearns, *Old Possum's Book of Practical Cats*, London, 1939.
- Erastus, T., см. Thorndike.
- Evans, E. P., *Animal Symbolism in Ecclesiastical Architecture*, London, 1896.
- Evans, John, *Magical Jewels in Middle Ages and Renaissance*, 1976.
- Ewen, C. L'Estrange, *Witch Hunting and Witch Trials*, London, 1929 (репринтное издание London, 1974).
- Ewen, C. L'Estrange, *Witchcraft and Demonianism*, London, 1933 (репринтное издание London, 1970).

- Fairfax, Edward, *Daemonologia* (рукопись Add 32496, хранящаяся в Британской библиотеке; издано W. Gainge, 1882).
- Fludd, Robert, см. Thorndike.
- Fraser, J. G., *The Golden Bough*, London, 1933.
- Friedmann, H., *A Bestiary for St. Jerome. Animal symbolism in European Religious Art*, Washington, 1980.
- Fulcanelli, Fulcanelli: Master Alchemist. *Le Mystere des Cathedrales*, London, 1971.
- Gainge, William, *Daemonologia*, 1882.
- Gallico, Paul., *The Silent Miaow*. Перевод с кошачьего Paul Gallico; фотографии Jane Burton. London and Sydney, 1964.
- Gardner, Martin, *The Annotated Alice*, London, 1970.
- Gebelin, Court de, *Le Monde Primitif*, Paris, 1781.
- Gesner, C., *Historia Animalium*, 1551.
- Gifford, George, *Discourse of the Subtle Practise of Devils by Witches and Sorcerers*, 1587.
- Greene, David, *Incredible Cats. The Secret Powers of your Pet*, London, 1984.
- Gubernatis, Angelo de, *Zoological Mythology*, London, 1872.
- Guerber, H. A., *Myths of the Norsemen*, London, 1909.
- Guggisberg, C. A. W., *Wild Cats of the World*, London, 1975.
- Hampso, Paule V., *The Cat Lover's Journal*.
- Henry, William, *The Scottish Tartans, with the Badges, Arms, Slogans, etc. of the Clans*.
- Howey, Oldfield M., *The Cat in the Mysteries of Religion and Magic*, 1923.
- Jeffrey, Percy, *Whitby Lore and Legend*, 1923.
- Jonson, Benjamin, *Masque of Queens*, c. 1609.
- Klingender, Francis, *Animals in Art and Thought to the End of the Middle Ages*, London, 1971.
- Kuykendall, Karen, *Tarot of the Cat People*, New York, 1985.
- Lalande, J. J. le Francais de, *Bibliographie Astronomique*, Paris, 1805.
- Lambsprinck, *De Lapide Philosophico*, Frankfurt, 1677.

Langton, N. and B., *The Cat in Ancient Egypt*, Cambridge, 1940.
 Leland, C., *Aradia, or the Gospel of the Witches*, London, 1887.
 Lewis, C. S., *The Last Battle*, 1956. Издание с иллюстрациями
 Pauline Baynes: Collins Fontana imprint, 1980.

McLean, Adam, *The Triple Goddess*, Edinburgh, 1983.
 MacLeod, N., *Reminiscences of a Highland Parish*, 1867 and
 London, 1910.

Manning, Olivia, *Extraordinary Cats*, London, 1967.
 Massey, Gerald, *The Natural Genesis*, London, 1883.
 Mather, Cotton, *The Wonders of the Invisible World*, London, 1693.
 Megnin, P., *Notre Ami le Chat*, 1899.
 Mellen, I. M., *The Science and Mystery of the Cat*, New York, 1940.
 Mery, Ferdinand, *The Life, History and Magic of the Cat*, London,
 1967.

Murray, Margaret, *The Witch Cult in Western Europe*, Oxford, 1921.

Necker, C., *Four Centuries of Cat Books*, New York, 1972.

Neckham, Alexander, *De Naturis Rerum* (см.: *Rerum Britannicum
 Medii Aevi Scriptores*, London, 1863).

O'Donnell, Elliott, *Animal Ghosts*, London, 1913.

Ouspensky, P. D., *In Search of the Miraculous*, London, 1947.

Panofsky, Erwin, *Albrecht Durer*, London, 1948.

Perrault, C., *Fairy Tales* (translation by G. Brereton), London, 1921.

Petrie, W. M. Flinders, *Amulets*, London, 1914.

Petto, S., *A Faithful Narrative*, London, 1652.

Pitcairn, Robert, *Criminal Trials*, Edinburgh, 1833.

Plancy, Collin de, *Dictionnaire Infernal*, 1863 edition.

Plutarch, *Isis and Osiris*.

Puckeld, *Folk Beliefs of the Southern Negro*.

Robbins, R. Hope, *The Encyclopaedia of Witchcraft and Demonology*,
 London, 1959.

Rowland, Beryl, *Animals with Human Faces*, London, 1974.

Schott, Gaspard, *Magiae Universalis*, Leiden, 1657.

Scot, Reginald, *The Discoverie of Witchcraft*, London, 1584.

Sharpe, C. K., *A Historical Account of the Belief in witchcraft in Scotland*, London, 1884.

Straparola, Giovanni, *Piacevoli Notti*, Bari, 1927 (репринтное издание Rome-Bari, 1975).

Sturluson, Snorri, *Prose Edda* (перевод А. С. Brodeur), New York, 1929.

Sullivan, Edward, *The Book of Kells*, London, Paris, New York, 1915.

Summers, M., *The History of Witchcraft and Demonology*, London, 1926.

Thorndike, Lynn, *History of Magic and Experimental Science*, New York, 1941.

Topsell, E., *The Historie of Foure-Footed Beastes*, London, 1607.

Trungpa, Chogyam, *Cutting Through Spiritual Materialism*, edited by John Baker and Marvin Casper, Watkins, 1973.

Waterton, см. Dance.

Wood, J. G., *The Illustrated Natural History*, London, 1897.

Yogananda, Paramahansa, *Autobiography of a Yogi*, 1969 edition.

York, "Depositions of York Castle". Цит. по: Surtees Society, Vol. 40, p. 67.

Фред Геттингс
Эти мистические кошки

Редактор
Татьяна Гармаш

Корректор
Татьяна Медведева

Компьютерная верстка
Елена Меркина

Подписано в печать 25.10.12. Формат 84×100/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Балтика»
Печать офсетная. Тираж 3 000 экз. Заказ 1079.

ООО «ОДДИ-Стиль»,
129110, Москва, ул. Гиляровского, 39
684-53-34

<http://aenigma.ru>

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Кошка...

Звездная богиня? Исчадие ада?

Или символ утраченных цивилизованным человеком естественных радостей? Со времен Древнего Египта кошка никого не оставляла равнодушным. Эта книга об истории образа кошки в европейской культуре, представлениях и суевериях — от древнеегипетского культа богини Баст до средневековой веры в ведьм с их демоническими семьями и от Кота в сапогах до Тома и Джерри. Однако особое внимание Фред Геттингс, известный искусствовед, фотограф, автор ряда книг (в том числе «Марсельское Таро: книга универсальных символов») посвятил кошке в изобразительном искусстве позднего Средневековья и Ренессанса. Эта книга — не академический труд зануды-историка, а книга одаренного фантазией энтузиаста, искренне восхищающегося кошкой в обеих ее мистических ипостасях, — небесной и адской.

